

**Меметов А.М., Меметов И.А.,
Усеинов Т.Б., Сухоруков А.Н.**

**РАЗВИТИЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КРЫМУ
(XI - НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2019

УДК 82
ББК 84
М 49

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта 19-011-00030 «Развитие востоковедной мысли в Крыму».

Рекомендовано к изданию Учёным советом факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского (Протокол № 10 от 29 ноября 2019 г.)

Рецензенты:

- доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения и исламоведения Института международных отношений, истории и востоковедения К(П)ФУ **Валеев Р. М.**

- доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета, почётный академик Академии наук РФ **Алишина Х. Ч.**

Меметов А.М.

М 49 Развитие востоковедения в Крыму (XI - начало XX века) / А.М. Меметов, И.А. Меметов, Т.Б. Усеинов, А.Н. Сухоруков. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 180 с.
ISBN 978-5-907198-75-3

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-907198-75-3

© Меметов А.М., Меметов И.А.,
Усеинов Т.Б., Сухоруков А.Н., 2019
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КРЫМУ В XI – XIV ВЕКАХ Меметов А.М., Меметов И.А.	5
КЫПЧАКСКО-ПОЛОВЕЦКИЙ (ТАТАРСКИЙ) ЯЗЫК КРЫМА XIII ВЕКА Меметов А.М.	28
СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИ- ЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В «КОДЕКС КУМАНИКУС» Меметов А.М.	43
ВКЛАД Л. БУДАГОВА В КРЫМСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ Меметов А.М.	55
РАДЛОВ В. В.: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ КРЫМСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ Меметов И.А.	63
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А.Н. САМОЙЛОВИЧА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КРЫМУ Меметов И.А.	71
РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЗИЗА НЕСИНА Меметов И.А.; Ряпов Р.И.	79
КРЫМСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ, ПОЭТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ – ГАЗЫ ГЕРАЙ ХАН II (1554 – 1607) Усеинов Т.Б.	89
МЕТРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРНЫЕ ФОРМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ АШЫКСКОЙ ПОЭЗИИ Усеинов Т.Б.	96
СУЩНОСТЬ ПРОКЛЯТИЙ И ЗАЩИТНЫХ ЗАГОВОРОВ, ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ СТЕПНЫМИ КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. Усеинов Т.Б.	102

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ РУБЕЖА
XIX-XX ВВ.

Усеинов Т.Б.113

ОШИБОЧНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ СТЕПНЫХ
КРЫМСКИХ ТАТАР РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

Усеинов Т.Б.124

ТРАДИЦИЯ ПЕРЕПИСИ ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В
КРЫМУ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Сухоруков А.Н.129

«КАЛАНДАР-НАМЕ» АБУ-БАКРА КАЛАНДАРА РУМИ КАК
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЫМА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
ПЕРИОДА

Сухоруков А.Н.134

СУФИЙСКИЙ ОРДЕН МЕВЛЕВИ В КРЫМУ В XIV–XIX ВЕКАХ

Сухоруков А.Н.140

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В
КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Сухоруков А.Н.164

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ ФОНДА РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ
КНИГ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Сухоруков А.Н.174

РАЗВИТИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КРЫМУ В XI – XIV вв.

Меметов Айдер,
доктор филологических наук, профессор
Меметов Искандер Айдерович,
кандидат филологических наук, доцент

Аннотация. В статье исследуются работы средневековых ученых, создавших словари и грамматические трактаты, которые являются общетюркским наследием. Особое внимание уделяется лингвистическим трудам, созданных на территории мамлюкского Египта в XIII – XIV веках. Эти труды отражают лексический состав и грамматический строй кыпчакско-мамлюкского языка, имеющего прямое отношение к современному крымскотатарскому языку. В рассматриваемых работах зафиксирована общетюркская лексика, которая с незначительными фонетическими изменениями широко используется почти во всех современных тюркских языках: это термины родства и родственных отношений, анатомические названия, названия домашних и диких животных, названия птиц, насекомых, рыб, земноводных и т.д. Кроме общетюркской лексики имеется диалектная лексика (в основном кыпчакская), сохранившаяся в степном (северном) диалекте современного крымскотатарского языка. Например: *äsruk* [18, с. 13; с. 12] «пьяный» (в литературном языке саруш); *ätik* [18, с. 8, с. 12] «сапоги» (в литературном языке «чызма») и др. Во второй части словаря Абу Хайяна «Китаб аль-идрак ли-лисан аль-атрак» («Книга понимания языка тюрков») приводится описание морфологической структуры языка мамлюкских кыпчаков, проживавших в Египте в XIII – XIV вв. Здесь рассматриваются грамматические категории имен: множественное число имен существительных, прилагательных и числительных; образование сравнительной и превосходной степени имен прилагательных. А также масдары: имена места действия, орудия действия, образа действия. В разделе «Глаголы» приводятся сведения о временных формах глагола: образование форм прошедшего, настоящего и будущего времени. Например, *طردو* (турду) «он встал», *بردى* (берди) «он дал»; *طُرر* (туруп) «он встает» и т.д.

В третьем разделе (синтаксис) изучаются главные и второстепенные члены предложения – подлежащее, сказуемое, обстоятельство времени, обстоятельство места, обстоятельство цели и др.

Ключевые слова: востоковедение, словари, кыпчаки, мамлюки, Египет, тюрки, огузы, крымскотатарский язык.

Для глубокого изучения истории развития востоковедной мысли в Крыму в XI – XIV веках необходим не только тщательный анализ конкретных филологических работ, созданных в этом регионе, но и обобщающий обзор общего процесса развития письменных памятников всех тюркских народов и племен, проживавших на обширной территории от границ Китая до стран Восточной Европы, от степей Северного Казахстана до Византии и Египта.

Большинство литературных тюркских языков рассматриваемого периода, объединенных общим термином «тюркí», представляли собой локализованные варианты единого общетюркского языка, которые в процессе исторического развития приобретали постепенно все более углубляющиеся характерные черты оформившихся позднее национальных тюркских языков.

Основная цель настоящей статьи заключается в исследовании лексикографических работ, созданных на территориях расселения тюркских племен, (в том числе и в Крыму), в период средневековья, а также памятников, созданных на основе языка мамлюкских кыпчаков, населявших в XIII – XV вв. Египет и имевших прямое отношение к крымскотатарскому языку.

Наиболее известными культурными центрами, где создавались общетюркские памятники в данный период, были города Кашгар, Баласагун, Самарканд, Бухара, Хива, Нишапур, Мерв, Дамаск, Багдад, Каир, Старый Крым (Солхат), Кафа (Феодосия).

В Кашгаре родился выдающийся тюрколог-энциклопедист Махмуд аль-Кашгари - Махмуд Кашгарский, о жизни и деятельности которого, к сожалению, известно очень мало. Единственным источником информации о нем является его знаменитый труд «Диван-у лугат ит-турк», название которого переводится «Словарь тюркских языков».

До сих пор точно не установлены ни дата рождения, ни дата смерти великого тюрколога-энциклопедиста. Не известно также, где и когда написал он свой труд, где умер. По мнению О. Прицака, Махмуд Кашгарский родился между 1029 и 1038 годами, а работу над Словарем начал в 1072 и закончил в 1078 г. н.э. [1, с.246].

А.-З.-В. Тоган, рассмотрев четыре упоминающиеся в Словаре даты, приходит к следующему заключению: Словарь составлялся с 25 января 1072 по 10 февраля 1074 г. н.э., когда халифом был ал-Ка'им. В 1076 -1077

гг. н.э. Словарь редактировался, а затем был преподнесен в дар халифу ал-Муктади. Следовательно, включает Тоган, годом завершения работы над Словарем следует признать 470 г. Хиджры (1077 г. н.э.) [2, с.77-78].

Начальное, (а, возможно, и высшее) образование Махмуд Кашгарский мог получить в своем родном Кашгаре, ставшем при илек-илиг - ханах крупным политическим и культурным центром [3, с. 456]. Во всех странах, где господствовал ислам, в том числе и в Кашгарии, в программу мусульманских школ того времени входило изучение грамматики арабского языка, мусульманской догматики, юриспруденции, начал арифметики, Корана и хадиса. Кроме ряда тюркских языков, Махмуд Кашгарский знал также арабский и персидский языки. Глубокие лингвистические, географические, исторические и прочие знания Махмуда Кашгарского, обнаруженные им при составлении Словаря, были приобретены, вероятно, позднее.

Собирая материал для своего труда, Махмуд Кашгарский обошел огромную территорию от Верхнего Чина до Бухары, прошел через Мавераннахр, Хорезм и Фергану. При этом он с большой точностью устанавливал границы расселения различных племен и народностей на обширных пространствах. «В течение многих лет, - писал он, - я скитался по тюркским, туркменским, огузским, джигилским, ягминским, киргизским городам, селам, становищам, составлял словари их языков, устанавливал различные особенности их слов.

Всю эту работу я проделал не потому, что не знал языка, а для того, чтобы отчетливо определить тончайшие оттенки значений и форм слов различных племен.

Ведь в знании языка я был самым выдающимся, самым большим специалистом, самым сметливым ... [4, с. 4].

Материалы, собранные Махмудом Кашгарским во время его путешествий по землям тюрков, позволили ему охватить в своем труде огромное лексическое богатство тюркских языков своей эпохи, поэтому «Диван» является достоянием всех современных тюркских народов. «Эту книгу я составил, - пишет Махмуд Кашгарский, - расположив слова по

порядку букв, украсив ее мудрыми изречениями, рифмованной прозой, пословицами, стихами и прозой. Каждое слово я поставил на надлежащее место, чтобы стремящийся к знаниям нашел его на своем месте, чтобы ищущий обрел его в своем ряду... Эту книгу я разделил на восемь глав:

1. Книга хамзы (слов, начинающихся с ^{هـ} элифа).
2. Книга правильных – с̄алим - (слов, не имеющих в своем составе ^{هـ} элифа, ^و вава, ^ي йая).
3. Книга удвоенных – муза'аф – (слов, имеющих две одинаковые буквы).
4. Книга подобноправильных – мисаль – (слов, имеющих в своем начале ^ي йай).
5. Книга трехбуквенных.
6. Книга четырехбуквенных.
7. Книга назализованных.
8. Книга слов с двумя согласными».

«Каждую книгу, - продолжает Махмуд Кашгарский, - я разделил на две части: имя и глагол... Каждую (часть речи – А.М.), в соответствии с их порядком, я поделил на разряды... Чтобы каждый мог легко понять, я использовал (в Словаре – А.М.) ... термины, принятые в арабском языке» [4, т.1, с. 6].

Махмуд Кашгарский не без гордости заявляет, что он принял такую систему расположения слов, которую до него никто не применял, и такой порядок расположения слов, о котором до него никто не помышлял [5, т.1, с. 46-47].

Словарь Махмуда Кашгарского построен на основе структурно-алфавитного принципа с учетом деления лексики на части речи. Он содержит многочисленные фонетические, морфологические, синтаксические наблюдения, преподносимые, как правило, в сравнительном плане. «По богатству содержания, - пишет А. Н. Кононов, - Словарь Махмуда Кашгарского представляет собой единственный в своем роде труд, в котором представлены:

- 1) лексика с указанием племенной принадлежности;

- 2) сведения о расселении тюркских племен;
- 3) классификация тюркских языков;
- 4) сведения по тюркской исторической фонетике и грамматике;
- 5) сведения по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору тюрков;
- 6) самая старая тюркская карта мира» [6, с. 11-12].

В «Диване» Махмуда Кашгарского собрано около девяти тысяч слов, большей частью из языков тюркских племен Кашгарии и Семиречья. Записывая и толкуя слова, Махмуд Кашгарский рассказывает и о носителях языка, о том где они живут и чем занимаются, с кем общаются и какие поют песни. По этим сведениям можно многое узнать об их быте, обществе, культуре.

Значения многих слов объясняются и уточняются с помощью иллюстративного материала; с этой целью широко используются пословицы и поговорки (общим числом 290) [7, с. 24], четыре довольно длинных элегии (мерсийе), дастаны, хикматы, афоризмы, песни, поэтические отрывки и т.п.

В Словарь включены также названия гор, степей, рек, озер и т.п., расположенных в землях тюрков-мусульман; географические названия и номенклатура, встречающаяся в землях тюрков-немусульман, регистрировалась лишь в отдельных случаях [4, 1, с. 27; 5, 1, с. 63].

В предисловии к «Дивану» Махмуд Кашгарский приводит данные о расселении тюркских племен и распространении их языков. Кроме того, он сообщает краткие сведения о самих тюркских народностях, их языках и взаимодействии последних с общелитературным языком, а также с языками неродственных народов.

Сведения о расселении тюркских племен

Наглядное представление о расселении тюркских племен во второй половине XI в. дает круглая карта мира, приложенная к Словарю. Центром карты автор сделал Кашгар и Семиречье с городом Баласагуном.

По Махмуду Кашгарскому, тюрки в основном подразделяются на двадцать племен; они идут чередой от Яфета (Яфеса), сына Нухи (Ноя), до

Тюрка, сына Яфета. Каждое из этих племен (кабила) состоит из многих родов (оймак, уруг), число которых «знает один Всевышний бог».

«Я описал, - пишет Махмуд Кашгарский, - только племена, а родовые деления оставил без внимания... Кроме того, я указал, начиная с востока, все места, где обитает каждое племя. К Руму ближе других живет племя беченек (печенеги), затем следуют: кыфчак, огуз, йемек, башгырт, басмыл, кай, йабаку, татар, кыргыз (они живут близ Чина - Китая); все вышеуказанные племена обитают в направлении от Рума на восток; затем идут; чигиль, тухси (тохси), йагма, уграк (ыграк), чарук (джарук), чомыл (чумыл, джумул), уйгур, тангут, хитай - это название Чина; затем-Тавгач-так называют Мачин. Эти племена обитают между югом и севером. Всех их, в отдельности, я показал на круглой карте» [4, с. 28].

Придавая огузам особое значение, Махмуд Кашгарский подробно рассматривает их родовые деления и тамги: «Огуз - тюркское племя (кабила). Огузы – туркмены; их двадцать два рода (уруг), у каждого из них есть свой особый знак, а для животных особая тамга» [4, I, с. 55-58; 5, I, с. 89-91].

О языках и наречиях, различных племен и народов, Махмуд Кашгарский сообщает следующие любопытные сведения:

«Ч а п а р к а – Д ж а б а р к а (Япония). Языки этой страны нам не известны, т.к. эта страна далеко, её отделяет [от нас] большое море.

Ч и н и М а ч и н. У народов этих стран свои особые языки; горожане хорошо знают тюркский язык. В переписке [с нами] пользуются тюркским письмом.

Й а д ж у д ж – М а д ж у д ж. Языки их неизвестны....

Т ү б ү т ы и х о т а н ц ы имеют свои языки и свою письменность. И те, и другие плохо знают тюркский язык.

У й г у р ы говорят на тюркском языке; разговаривая между собой, они пользуются различными говорами (наречиями); они употребляют тюркское письмо, состоящее из 24 букв. Кроме того, у уйгуров и жителей Чина есть свои особые письмена; ими они пишут счетные книги и деловые

бумаги. Эти письма никто, кроме уйгуров–немусульман и жителей Чина, читать не может. Сказанное относится к жителям городов.

Ч о м ы л – ч у м ы л – д ж у м у л’ ы имеют свой особый язык, отличный от языка других степных народов; они знают также тюркский язык.

К а й, й а б а к у, т а т а р, б а с м ы л’ ы говорят на своих языках, вместе тем они хорошо говорят и по-тюркски.

К ы р к ы з, к ы ф ч а к (кыпчак), о г у з, т у х с и (т о х с и), й а г м а, ч и г и л ь, у г р а к (ы г р а к), ч а р у к (д ж а р у к) говорят по-тюркски, но имеют свои наречия. Языки й е м е к о в и б а ш г ы р т о в к ним близки.

Б у л г а р ы, с у в а р ы как и б е ч е н е к и (печенеги), говорят по-тюркски, но концы некоторых слов они укорачивают . Самый легкий язык – язык огузов, самый правильный, самый лучший язык - язык тухси (тохси) и йагма. Правильный тюркский язык и у народов, обитающих – вплоть до страны уйгуров - вдоль рр. Или, Иртыш, Йамар, Итиль (Волга). Среди них самый ясный и самый сладкоречивый – язык народов страны Хаканийе (то есть государства Караханидов).

Жители Баласагуна говорят по-согдайски и по-тюркски. Жители городов Тыраз (Тараз, Талас = Джамбул) и Бейза также [говорят по-согдийски и по-тюркски].

Язык населения всех городов (области) Аргу, от Испиджаба (Исфиджаб=Чимкент) до Баласагуна, – порченный. В Кашгарии есть селения, жители которых говорят на языке кенджеков. Жители городов говорят на хаканско-тюркском языке».

Махмуду Кашгарскому принадлежит первый опыт классификации тюркских языков. В основу своей классификации он положил чистоту (правильность) языка (речи), а также фонетические и грамматические признаки, что позволяет считать его основоположником сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков.

Чистым (правильным) языком Махмуд Кашгарский считает языки, не подвергшиеся иноязычному влиянию. На этом основании он делит языки

на две группы: 1) чистые, несмешанные, правильные языки; 2) смешанные, неправильные, порченые языки. «Самым чистым и правильным языком, - по мнению Махмуда Кашгарского, - является язык тех, кто знает только один язык, кто не смешивается с говорящими на иранских языках, кто не бывал в чужих краях. Язык тех, кто водится со знающими два языка горожанами, - порченный. Два языка знают согдаки, кенджеки и аргу. Некоторые из хотанцев, тубут'ов (тибетцев) и тангутов говорят на двух языках, бывают в городах, их язык порченный. Они позже пришли в эти земли...» [4, 1, с. 29; 5, 1, с. 65].

По фонетико-морфологическим признакам Махмуд Кашгарский делит языки на две группы: 1) восточная группа и 2) западная группа. К восточной группе он относит языки чигилей, тухси, йагма, хаканско-тюркский - язык городского населения Кашгарии и языки других племен вплоть до Мачина. К западной группе относятся языки йемеков, кыпчаков, огузов, печенегов, болгар, суваров и других племен, обитающих на восток от Рума.

В анлауте глухому согласному [т] восточной группы языков соответствует звонкий согласный [д] западной группы языков: тевей - девей «верблюды»; среднеязычному [й] соответствует [дж - 0 (нуль)]: йинджу - джинджу «жемчуг»; йелкин - элкин «гость»; губно-губному согласному [м] соответствует [б]: мен - бен «я», минг - бинг «тысяча».

При последующих классификациях данные фонетические соответствия тюркских языков всегда принимались во внимание.

В Словаре Махмуда Кашгарского С.Г.Кляшторный отметил одну любопытную особенность: «В то время как лингвистический и фольклорный материал в нем относятся в основном к территории государства Караханидов, сколько-нибудь существенная информация, имевшая тогда политическое значение, касается только огузов. По словам Махмуда Кашгарского, тюрки живут от Мачина (то есть Китая) до Рума (то есть Византии); их двадцать племен, а что касается более мелких подразделений, то число их «знает лишь Аллах». «Я описал, - продолжает Махмуд Кашгарский, - только племена, а родовые деления оставил без

внимания. Однако я записал даже мелкие родовые деления огузов, а также тамги, которые они ставят на свой скот, потому что в знании всего этого есть нужда у людей» [8, с. 22].

О какой «нужде у людей» говорит Махмуд Кашгарский в своем «Диване» делая исключение для огузов и подробно описывая их? Отвечая на этот вопрос, С.Г.Кляшторный пишет: «За тридцать лет до начала составления Словаря огузские племена, покинувшие приаральские степи, под предводительством вождей из рода кынык и семьи Сельджука, вторглись в Хоросан и разгромили армию газневидского султана Масуда под Денданаканом. Так было положено начало образования Сельджукской империи. В 1055 г., в то время, когда Махмуд Кашгарский только начинал свои скитания, огузская армия Тогрул-бека вступила в Багдат. Багдадские халифы, пожаловавшие Сельджукам титул «султанов ислама», попали под их политический контроль. За год до создания Махмудом Кашгарским той редакции «Дивана», которую он посвятил халифу Муктади, то есть в 1071 г., султан Алп-Арслан нанес поражение византийской армии Романа Диогена и открыл дорогу тюркскому завоеванию Анатолии...

Все это означает, что подробная информация об огузах и его совет овладеть их языком были обращены не к жителям Ферганы или Мавераннахра и не к хоросанцам, которые и без того хорошо знали огузов, а к тем, читавшим по-арабски людям, которым Сельджуки были еще мало знакомы и которым предстояло еще приспособиться к жизни под их властью. Подобный удел ожидал прежде всего население Ирака и Сирии, находившихся в постоянном контакте с сельджукским войском, состоявшим из огузов» [8, 22-23].

Писать в расчете на нужды арабов Махмуд Кашгарский мог только переселившись туда вскоре после сельджукского завоевания Сирии и Ирака. Информация Махмуда Кашгарского о родовом делении огузов была для арабов особенно ценной.

В целом Словарь в настоящее время является единственным источником информации о жизни тюркских племен и народов XI века, проживавших от Китая до Сирии и Египта: о предметах их материальной

культуры, реалий быта (одежда, обувь, головные уборы, жилище, домашняя утварь, инструменты, хозяйственные постройки, ткани, украшения, оружие, доспехи, конская сбруя, сельско-хозяйственные орудия, музыкальные инструменты и т.п.), об этнонимах и топонимах, родоплеменном делении, о терминах родства и свойства, о титулах и наименованиях различных должностных лиц, названиях пищи-питания, о домашних и диких животных и птиц, терминах животноводства, о растениях и злаках, об астрономических терминах, о народном календаре, названиях месяцев и дней недели, о географической терминологии и номенклатуре, о городах, о названиях болезней и лекарств, анатомической терминологии, о металлах и минералах, о военной, спортивной и административной терминологии, об именах различных исторических и мифологических героев, о религиозной и этнической терминологии, о детских играх и забавах и т.д. [6, с. 12].

Арабский Восток рано проявил интерес к тюркским народам и их языкам. Причиной тому, очевидно, послужило то обстоятельство, что «... племена тюркской языковой группы стали проникать в Малую Азию, по-видимому, с IV века как со стороны Кавказа и Ирана, так и со стороны Балканского полуострова» [9, т.1, с. 491].

Кыпчакские же племена, как утверждают историки, были в числе племен, переселившихся из Причерноморских степей, с берегов Волги и Дона через Крым и Северное Закавказье (до и после монгольских нашествий). С 1250 г. кыпчаки-мамлюки, выходцы из Дешти-Кыпчака, становятся фактически правителями Египта. Наряду с этим во второй половине XII века мамлюкская армия пополнилась значительным числом монгольских воинов, которые нередко в результате племенных конфликтов и династических распрей среди Чингизидов переходили на службу к победоносным египетским султанам [15, с. 190-193]. Неуклонный рост численности тюркоязычного населения Египта и их политической роли, по-видимому, способствовал изучению в арабских странах языка пришельцев, а кыпчаками – арабского языка. Об этом свидетельствуют составленные

там многочисленные словари, справочники, грамматические трактаты, а также религиозная и художественная литература.

К числу наиболее известных лексикографических и грамматических работ того периода, отражающих язык смешанного тюркоязычного населения Египта, относится «Китаби-и меджму-у тарджуман-и тюрки ва аджеми ва моголи ва фарси» («Общая книга толкования тюркского, монгольского и персидского языков»), написанная в Египте анонимным автором в 1245 г. Сокращенно ее называют еще «Тарджуман-и тюрки ва араби» («Тюркско-арабский словарь»). В тюркологии она получила известность также под названием «Словарь Хоутсма», поскольку впервые ее издал Т. Хоутсма в 1894 г.

Переписчиком этой уникальной рукописи неизвестного составителя считается Халил бин Мухаммад бин Юсуф из Конии – бывшей столицы государства сельджукидов, где, по предположению некоторых исследователей, говорили на огузско-туркменском языке [10, с.24-25].

Словарь состоит из 76 страниц большого формата; из них 62 страницы составляет тюркско-арабский словарь, остальные страницы – монгольско-персидский и арабско-монгольский словари. Тюркская часть содержит 1260 слов и словоформ кыпчакско-огузского языка. Автор словаря во введении подробно излагает основные моменты, отличающие собственно кыпчакский язык от огузского. Э.Наджип пишет: «... можно предположить, что в основе словаря лежит кыпчакский язык. Однако, по справедливому замечанию А. Инана, исконно огузские слова, такие как койун «овца», акын этмък «совершать набег» и т.д. не имеют такой пометы. За исключением нескольких слов, восточнотуркестанский - ғ в анлауте прилагательных отсутствует: тири вместо тириғ «живой», капу вместо капуғ «дверь» [12, с. 84].

«Тюркско-арабский словарь», несмотря на то, что он имеет важное значение для изучения истории ряда современных тюркских языков (как кыпчакских, так и огузских), долгое время оставался мало исследованным. Так, С.Е. Малов писал, что грамматики кыпчакского языка, написанные на арабском языке в Египте в XIII-XIV вв., а также «Тюркско-арабский

словарь» весьма полезны для изучения истории казахского языка, так как в них можно найти ценные сведения по некоторым вопросам развития и изменения ряда грамматических категорий и фонетических явлений [11, с. 98].

Этот исторический памятник наряду с другими памятниками старокрыпчакского языка мамлюкского периода представляет собой ценный источник по изучению в первую очередь истории современного крымскотатарского языка. О близости кыпчакско-мамлюкского языка к языку крымских татар, проживавших в Татари и Кафе (Феодосия), впервые пишет преподаватель медресе «Ашрафия» в Каире мулла Салих, автор учебного пособия, составленного в начале XV в. и переписчик ряда тюркоязычных словарей [12, с. 85]. Его мнение поддерживают как наши отечественные, так и зарубежные тюркологи, которые сближают кыпчакско-мамлюкский язык с языком «Кодекса Куманикуса» и диалектами крымскотатарского языка. Так, А.А.Зайончковский приводит лексические параллели, встречающиеся как в «Кодексе Куманикусе», так и в арабо-кыпчакских словарях [13, с. 40]. Крупный специалист по истории тюркских языков указанного периода Э.Н.Наджип, уточняя сообщение муллы Салиха о том, что словарь Абу Хайяна отражает особенности языка татар, пишет: «по-видимому, крымских» [12, с. 85]. Видный советский тюрколог Н.А.Баскаков в своей классификации включает в одну группу языки мамлюкских кыпчаков, куманов и современные крымскотатарский, кумыкский, карачаево-балкарский и караимский [14, 272-275].

О тесных взаимосвязях правителей Египта с населением Крыма в мамлюкский период свидетельствует также выделение султаном эль-Малик эль-Мансуром Калавуном (1279-1290), кыпчаком по происхождению, финансовых средств (2000 динаров), строительных материалов и мастеров для возведения в городе Крым мечети, ныне известной как «Мечеть Бейбарса».

Другим не менее известным лексикографическим памятником рассматриваемого периода является «Китаб аль-идрак ли-лисан аль-атрак». Его автор Абу-Хайян родился в 1256 г. (654 г. по мусульманскому

календарю) в Гарнате (Гранаде), в административном и культурном центре арабского халифата в Андалузии (в Испании) и умер в 1344 г. в мамлюкском Египте. Его полное имя Асир-ад-дин Абу-Хайян Мухаммад ибн Юсуф ибн Али ибн Юсуф аль-Гарнати (араб. أبو حيان الغرناطي). Он известен как автор многочисленных работ по хадисоведению, исламскому праву и филологии. Его работы написаны на арабском, турецком и персидском языках. Для тюркологии наиболее значимым является словарь Абу Хайяна «Китаб аль-идрак ли-лисан аль-атрак» («Книга понимания языка тюрков»), который отражает язык египетских кыпчаков первой половины XIУ в. Работу над этим словарем Абу-Хайян завершил 18 декабря 1312 года. В настоящее время известны две копии «Китаб аль-идрак...». Одна копия (65 листов – 130 страниц; на каждой странице по 23 строчки) хранится в Стамбуле в библиотеке Веледэддина эфенди при мечети Баязида под № 2896. Другая копия (97 листов – 194 страницы; на каждой странице по 15 строчек) хранится в библиотеке при Стамбульском университете под № 6579.

Копия, хранящаяся при мечети Баязида, снята через 23 года после завершения работы над словарем – 15 февраля 1335 г. и впервые была опубликована в 1895 г. Мустафой-эфенди родом из Солоник. По свидетельству М.Ф. Кёпрюлюзаде, эта копия содержит значительное количество ошибок [16, с.368].

Второе издание этого словаря, выпущенное с переводом на турецкий язык проф. Ф. Джафероглу, является результатом серьезной текстологической работы; в нем устранены многие ошибки из первого издания.

Словарь состоит из краткого предисловия и трех частей. В предисловии автор превозносит хвалу Аллаху и всем возносящим молитву к нему на всех языках. Затем перечисляет книги и словари, с которыми он ознакомился, прежде чем приступить к созданию своего труда. Абу-Хайян пишет: «Мне посчастливилось найти страницы и фрагменты в этих книгах, дающих совокупное и полное определение языку тюрков, его лексического состава, морфологии и синтаксиса. Мне удалось детально (буква за буквой)

исследовать этот язык, расположить слова по буквенному составу тюркского (турецкого) языка, указать тюркское (турецкое) произношение, сделать перевод тюркских слов на арабский язык, дополнив все это морфологией тюркского языка и синтаксисом.

То, что касается лексикологии, то привожу достоверные данные в главе перевода... Относительно морфологии и синтаксиса отмечу, что я ничего не адаптировал, а приводил сведения так, как они используются на практике, для лучшего понимания значений» [18, с.5-6]. В своей книге Абу-Хайян выделил три раздела: лексикология, морфология и синтаксис.

Первая часть (лексикология) содержит около 2400 слов. В начале словарной статьи располагается тюркское (крымскотатарское) слово, написанное красными чернилами. Затем следует перевод на арабский язык. При некоторых тюркских словах имеются пометы «туркмен», «кыпчак», «огуз», «татар», «булгар», «токсуба», «туркестан». Этот весьма важный и существенный для определения принадлежности того или иного слова факт кроме всего прочего еще показывает, что в период составления словаря в Египте находились и представители этих упомянутых племен.

В рассматриваемом словаре выделяются два макропласта лексики: тюркский и заимствованный. Тюркский пласт при дальнейшей классификации распадается на лексические фонды: а) общетюркский и б) межтюркский. Под общетюркской лексикой следует понимать слова, которые с небольшими отклонениями в фонетическом облике представлены во всех современных тюркских языках. Основная масса общетюркской лексики «сформировалась в древнейшие эпохи, начиная с фазы относительно более однородного состояния тюркских языков, однако с наметившимися уже древне диалектными различиями» [19, с. 25]. Эта категория слов является одним из главных показателей древнетюркской общности; будучи едиными для всех или большинства тюркских языков в лексико-семантическом плане, они обнаруживают ареальные различия главным образом в фонетике.

К общетюркской лексике в словарной части книги относятся: а) названия домашних и диких животных – boğa [18, с. 33; с. 13] «бык», siğir

[18, с. 58; с. 90] «корова», siğın [18, с. 58; с. 90] «олень», äşäk [18, с. 14; с. 12] «ишак», öküž [18, с. 18; с. 65] «вол», at [18, с. 15; с. 7] «лошадь»; б) термины родства и свойства – ana [18, с. 23; с. 4] «мать», oğul [18, с. 61] «сын», ata [18, с. 8; с. 7] «отец», qarındaş [18, с. 49; с. 70] «младший брат или сестра»; в) названия частей тела человека – baş [18, с. 31; с. 15] «голова», köž [18, с. 81; с. 53] «глаз», qol [18, с. 73; с. 78] «рука», умуғиқ [18, с. 93; с. 129] «кулак», уйрақ [18, с. 93; с. 130] «сердце» и др.

К межтюркской лексике относятся слова, употребляемые более чем в одной группе тюркских языков [19, с. 25]. Так, в словаре для обозначения «печени» используется слово baqır [18, с. 34; с. 14], которое в этом же значении употребляется в основном в тюркских языках Поволжья, Закавказья и Северного Кавказа – татарском, ногайском, а также в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка, т.е. в кыпчакских и частично в кыпчакско-огузских языках. Тогда как в огузских языках для обозначения «печени» используется сложное слово kara siğer.

Во второй части работы дается описание Морфологии (التصريف ат-Тасриф) кыпчакско-мамлюкского языка, которое полностью отражает морфологию современного крымскотатарского языка [18, с. 101]. Абу-Хайян пишет: «Морфология – это наука, изучающая форму и состав слова, состоящего из букв алфавита. Количество букв в алфавите описываемого языка – 23» [18, с. 101]. По мнению автора, все слова в языке могут быть классифицированы на три части речи: имя, глагол и частица. Здесь четко прослеживается влияние арабской грамматики, где также выделяются три части речи.

Имена бывают однобуквенные, двухбуквенные, трехбуквенные, четырехбуквенные, пятибуквенные. Редко встречаются шестибуквенные имена. Однобуквенные имена могут быть огласованы даммой, фатхой или касрой. Например: суу (صو), баа (با), хии (حى), где долгие гласные не являются исконными в описываемом языке [18, с. 101].

Двухбуквенные имена делятся на 12 категорий, где каждая буква произносится и воспринимается на слух, в частности:

«фа'» (فع), например, сан (سن),

«фи'» (فع), например, ким (كم),

«фу'» (فع), например, бур (بر) и т.д. [18, с. 101].

В этом же разделе описываются грамматические категории имен: образование уменьшительно-ласкательных форм при помощи частиц (суффикса) -джукъ//-чукъ; [18, с. 105]; образование множественного числа имен при помощи частиц (суффикса) –лар//-лер [18, с. 106]; образование сравнительной и превосходной степени прилагательных (القول فى الزيادة) [18] (للتفضيل, с. 107). Наиболее подробная информация приводится о масдарах (القول فى المصدر): об именах места действия, орудия действия, образа действия [18, с. 108-109].

Особое внимание уделяется глаголу и его временным формам. Прошедшее время глагола образуется при помощи частицы (суффикса) «-ди», если предшествующий ей слог огласован касрой или фатхой, и частицей (суффиксом) «-ду», если предшествующий ей слог огласован даммой. Примеры: بردى берди «дал», طورى турду «встал» [18, с. 111].

В третьей части подробно описывается синтаксис: приводятся примеры на односоставные и двухсоставные предложения, вычленяются и характеризуются подлежащее и сказуемое в повествовательном предложении. Например: Санджар кельди [18, с. 129] «Санджар пришел». Отрицательная форма предложения образуется путем прибавления отрицательной частицы –ма//-ме к корню глагола: Санджар кельмеди [18, с. 129] «Санджар не пришел». Вопросительные предложения образуются путем присоединения к глаголу после суффикса, образующего время глагола, частицы –мы//-ми, например: Санджар кельдими? [18, с. 131] «Санджар пришел?»

К кыпчакско-мамлюкскому периоду относится создание еще одного словаря для изучения тюркского языка «Ад-дуррат-уль мадийе фи-ль лугат-ит тюркие» - «Блестящая жемчужина для изучения тюркского языка», автор которого до сих пор не известен. Единственный рукописный вариант этого словаря, составленный Хусров бин Абдуллахом, был обнаружен известным тюркологом А.Зайончковским среди старых книг в библиотеке Лоренцо Медичи (Флоренция) в 1963 г. Полный текст этого словаря с разъяснениями

и примечаниями был издан в Анкаре турецким ученым Реджепом Топарлы в 2003 г. Небольшой по объему словарь состоит из 24 листов (48 страниц). На каждой странице имеется по 15-16 строк. Арабские слова написаны черными чернилами, а тюркские – красными. Размеры страниц: 21,5 x 15 см. Бумага плотная, темно желтого цвета. На обложке по-арабски написано: «Пока день будет сменять ночь, тюркский язык будет сверкать как жемчуг. Вся милость от Аллаха. Аллах наставляет на праведный путь» [20]. В предисловии к словарю автор возносит хвалу Аллаху, создавшему людей, говорящих на различных языках. Далее просит Аллаха быть благосклонным к Пророку Мухаммеду и всем его родным и близким. Для того чтобы книга была понятна читателям автор приводит некоторые арабские правила и делит книгу на части, разделы и параграфы.

Словарь построен по предметно-тематическому принципу. В него включены 24 группы слов:

1) слова, обозначающие названия предметов, находящихся на земле и на небе – Танъры «Всевышний», фереште «ангел», Ай «Луна», Кунеш «Солнце», Ер «Земля» и др.;

2) название воды и напитков - су «вода», тузлу су «соленая вода», къымыз «кумыс», шюрюк «гнилой», къуру «сухой» и др.;

3) названия хорошо пахнущих цветов и растений - чичек «цветок», от «трава», кына «хна» и др.;

4) названия фруктов - алма «яблоко», юзюм «виноград», армут «груша», инджир «инжир» и др.;

5) названия деревьев - тирек «дерево», будакъ «ветка», япракъ «листок» и др.;

6) названия злаковых и бобовых - богъдай «пшеница», арпа «овес», кинджи «кунжут», саман «солома» и др.;

7) названия продуктов питания и блюд - емек «еда», отьмек «хлеб», туз «соль», эт «мясо», пенир «сыр», къаймакъ «сметана» и др.;

8) названия домашних животных – деве «верблюд», огюз «вол», сыгъыр «корова», инек «корова», су сыгъыры «буйвол», теке «козел» и др.;

9) названия диких животных – аслан «лев», сыртлан «гиена», къаплан «тигр», аю «медведь», маймун «обезьяна», тавшан «заяц», чочкья «свинья» и др.;

10) ездовые животные – ат «лошадь», айгъыр «жеребец», къатыр «мул», тай «жеребенок», эшек «осел», деве «верблюд» и др.;

11) приспособления для езды – юген «уздечка», къамшы «плетка» и др.;

12) названия цветов – акъ «белый», къара «черный», къызыл «красный», ешилъ «зеленый», сары «желтый» и др.;

13) названия жуков, насекомых и ползающих – йылан «змея», шийан «скорпион», къурт «червяк», сирке «гнида» и др.;

14) названия орудий труда – балта «топор», къазма «лопата», бычкья «пила», чанакъ «чашка», таракъ «гребенка», килит «замок», устура «бритва», терази/теразу «весы», батман «мера веса батман», шувал «мешок» и др.;

15) названия оружия – къылыч «сабля», яй «лук», окъ «стрела», яй къабы «колчан для стрел», къалкъан «щит», эльши «посол», кишифчи «шпион», топ «пушка» и др.;

16) названия птиц – къуш «птица», турна «аист», къаргья «ворона», гогерчин «голубь», къаз «гусь», шыбшыкъ «воробей», къартал «орел» и др.;

17) названия одежды и тканей – дон «штаны», къафтан «кафтан», кумлек «рубашка», къушакъ «ремень», юзюк «кольцо», якья «воротник», ибришим «шелк», памукъ «хлопок» и др.;

18) анатомические названия – баш «голова», тен «тело», сач «волосы», къулакъ «ухо», къаш «бровь», козь «глаз», агъыз «рот», юз «лицо», алын «лоб», сакъал «борода» и др.;

19) слова, обозначающие социальное положение человека в обществе и его внешний вид – къул «раб», хатун «жена», «женщина», тапучы «слуга», тат «сельчанин», дост «друг», душман «враг», ёлдаш «сопутчик», нукер «слуга», ердаш «соотечественник», таныш «знакомый», бай «богатый», сакъаллы «с бородой» и др.;

20) названия чисел – бушукъ «половина», бир «один», эки «два», учъ «три», он секиз «восемнадцать», отуз «тридцать», юз «сто» и др.;

21) названия профессий – уста «мастер», ишчи «рабочий», саатчы «продавец часов», емиш сатыджы «продавец фруктов», отьмекчи «продавец хлеба», ташчы «продавец камня», комюрчи «продавец угля», кьылыччы «тот, кто производит сабли», языджы «писатель» и др.;

22) тюркские мужские имена – Къачмас (в переводе означает «тот, кто не убежит»), Къоркъмас «тот, кто не испугается», Ольмес «не умрет», Къайтмас «не вернется», «не свернёт с избранного пути» и др.;

23) тюркские женские имена – Инджи бай, Джан север, Гоухар бай, Татлы бай и др.;

24) предложения для беседы – Сен туркше билурмисин? «Ты по-турецки знаешь?» Эвет билурмен «Да, знаю». Бери бакъ! «Сюда смотри!». Сен къайсы шардансын? «Ты из какого города?». Мен Халаб шарданман. «Я из города Халаб». Келиб не издерсин? «Ради чего пришел? Сен яман кишисин. «Ты плохой человек». Сен мени нешун согерсин? «Ты почему меня ругаешь?» Сен Танърыдан къоркъмассын? «Ты не боишься Всевышнего?» Сен Танърыдан къоркъарсын? «Ты боишься Всевышнего?» Мен Танърыдан къоркъарман. «Я боюсь Всевышнего». Мунда кель! «Иди сюда!» Сен мени билурсин? «Ты меня знаешь?» и др.

В 1389 году (2010/11 г.) Хусейн Али-заде (Аргын) переиздал «Ад-дуррат-уль мадийе фи-ль лугат-ит тюркие» в Тебризе [21]. Автор значительно расширил содержание словаря: после тюркского слова он приводит эквиваленты на азербайджанском языке, затем следует перевод на арабский язык и после этого осуществляет перевод на персидский язык. Новый вариант словаря состоит из 112 страниц. На обложке книги дается название на арабском, турецком и персидском языках. Указывается автор, год и место издания. Затем идет содержание на персидском и тюркском языках. Новый вариант словаря состоит из трех разделов: в первом разделе приведены 24 тематические группы, перечисленные выше (стр. 15 – 73); во втором разделе встречающиеся в словаре слова даны в алфавитном порядке

(стр. 74 – 85); третий раздел содержит оригинальный рукописный вариант словаря (стр. 76 – 110).

Вышеупомянутый мулла Салих считает, что этот труд написан для изучения татарского языка, на котором разговаривают в Татарии и Кафе (т.е. в Крыму. – Э.Н.) [12, с.85].

А. Зайончковский отмечает, что этот словарь, созданный в период правления мамлюков, включает полноценный материал по кыпчакскому языку, в том числе целые фразы и диалоги, что позволяет использовать этот памятник как пособие по живой речи мамлюков [17, с.112-113].

В рассматриваемом словаре зафиксировано несколько вариантов написания одного и того же слова, что свидетельствует об отражении фонетических особенностей языков различных тюркских племен. Например, تانرى танры // تانگری танъры // تنغرى тангъры // تينقرى тинкъры «Всевышний». Это слово в фонетическом варианте دنقىр данкъыр встречается и в шумерских письменных памятниках. Для обозначения ячменя в словаре приводятся два фонетических варианта одного и того же слова: آرپا арпа и آرفا арфа; первое присуще северному (степному) диалекту крымскотатарского языка, так как изначально в нем отсутствовал звук [ф].

Наряду с общетюркскими словами в словаре дано большое количество кыпчакских слов, которые отличаются фонетически, а иногда и лексически: شىق шыкъ «роса» (в лит. крым. тат. яз. чыкъ), شوقور шукъур «яма» (в лит. крым. тат. яз. чукъур), شوروك шюрюк «гнилой» (в лит. крым. тат. яз. чюрюк), الشاق алшакъ «низкий» (в лит. крым. тат. яз. алчакъ), بوشوق бушукъ «половина» (в лит. крым. тат. яз. бучукъ), شایر шаир «луг, лужайка» (в лит. крым. тат. яз. чаир) и др. Все указанные выше слова в том же фонетическом варианте имеются в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка.

Часть зафиксированных в словаре лексем вышла из употребления или перешла в разряд архаизмов и историзмов. Например, يارماق йармакъ «мелкая монета из серебра», قارا يارماق къара йармакъ «мелкая медная монета», پول пул «деньги» (в настоящее время в этом значении используется слово акъча), اق مىق акъмыкъ «напиток из ячменя», «буза», يای йай «весна»,

«лето» (это слово сохранилось в составе яйла «летнее пастбище»), مغارا магъара «пещера», «подвал», يالمان йалман «полевая мышь», شاغیر шагъыр «вино», «напиток», اروانا арвана «верблюдица», يولگوج йулгъуч «бритва», بورشه бурше «блоха» (в совр. крым.тат.яз. пире «блоха») и др.

Для обозначения одного и того же понятия в словаре наряду с тюркским словом параллельно используются заимствования из арабского и персидского языков. В настоящее время некоторые из этих заимствований полностью вытеснили исконные слова. Например, вместо يالاواج йалавадж «пророк» в современном крымскотатарском языке употребляются персидское پيغامبر пейгъамбер и арабское رسول ресуль. Вместо тюркского بوقاو букъав «цепь» используется персидское زنجير зынджыр.

В ряде слов наблюдается перестановка звуков, т.е. отмечается явление метатезы: يامغور йамгъур и ياغمور йагъмур «дождь», كوملك комлек и كولمك кольмек «рубашка». Среди других фонетических явлений следует отметить выпадение (элизия) звуков или слогов в середине и в конце слов. Чаще всего элизии подвергаются согласные к, г. къ, гъ: ايشكرى ишкери // ايچكرى ичгери «внутри» > ичери «в том же значении», شكيردك шекирдек «косточка» > чердек «в том же значении», اوغلاق угълакь «козленок» > улакь «в том же значении», سيچقان сычкъан «мышь» > сычан «в том же значении», бузагъу «теленок» > бузав «в том же значении», قورغوشون къургъушун «свинец», «пуля» > къуршун «в тех же значениях» и др.

Мнения исследователей сходятся на том, что «Ад-дуррат-уль мудийе фи-ль лугат-ит тюркие», наряду с другими произведениями, является памятником старокыпчакского языка мамлюкского периода и представляет собой ценный источник по изучению истории современных тюркских языков кыпчакской и отчасти огузской группы.

Использованная литература

1. См. O. Pritsak. Mahmud Kaşgari kimdir? – “Türkiyat Mecmuası”, cilt X. İstanbul, 1953. – s.28-43/
2. См. A.-Z.-V. Togan. “Divan-i Lûgat üt-Türkün telif senesi hakkında – “Alsız Mecmuası”, 1932, № 6. – s. 36-41.

3. Бартольд В.В. Сочинения, т. III. – М.: Н., Главная редакция восточной литературы, 1965. – 711 с.
4. Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay, 3. baskı, cilt I, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. - 530 s.; cilt II, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. - 366 s.; cilt III, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. - 452 s.; cilt IV, Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1991. - 886 s.
5. Муталибов С. Туркий сўзлар девони (Дивону луғот-ит-турк). В трёх томах. Тарджимон ва нашрга тайёрловчи С.М.Муталибов. – Тошкент: Академия наук УзССР, Т.І. – 1960. – 500 с.; Т.ІІ. – 1961. – 428 с.; Т. III. -1963. – 461 с.
6. Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану луғат ит-түрк». – Советская тюркология. Баку, 1972, № 1. – С. 3-17.
7. Ferit Birtek. En eski Türk savları. Ankara, 1944. – 148 s.
8. Кляшторный С.Г. Эпоха Махмуда Кашгарского. – Советская тюркология. Баку, 1972, № 1. – С. 18-23.
9. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М.: Н., 1968, Т.І. – 552 с.
10. Наджип Э.Н. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в. Автореф. докт. дисс. М., 1965. – 94 с.
11. Малов С.Е. К истории казахского языка. - «Известия АН СССР», отд. литературы и языка, 1941, № 3. – С.97-102
12. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI – XIV вв. - М.: Наука, 1989. – 283 с.
13. Зайончковский А.А. Арабско-кыпчакский словарь эпохи государства мамлюков. – «Сообщения польских ориенталистов». М., 1961. – С.36-44.
14. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. - М.: Высшая школа, 1969 – 382 с.
15. Босворт.К.Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971. - 324 с.
16. Köprülüzade M.F. Türk Edebiyatı Tarihi. Istanbul, 1926. – 498 s.

17. Зайончковский А. Новонайденный арабско-кипчакский словарь из государства мамлюков // Народы Азии и Африки. 1964. № 3. – С.111-116.
18. Цитируется по изданию Джафероглу А. Абу-Хайян «Китаб аль-идрак ли-лisan аль-атрак». Истанбул, 1931. - 156 с. (араб.) - 186 с. (тур.)
19. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. – 767 с.
20. Топарлы Р. «Эд-дуррат-уль мудийе фи-ль лугат-ит тюркие». Анкара, 2003. – 126 с.
21. Хусейн Али-заде (Аргын). الدرہ المضیہ فی اللغۃ التریکیہ Тебриз: изд-во «Сумер», 1389 (2010). – 112 с.

КЫПЧАКСКО-ПОЛОВЕЦКИЙ (ТАТАРСКИЙ) ЯЗЫК КРЫМА XIII ВЕКА

**Меметов Айдер,
доктор филологических наук, профессор**

Аннотация. В данной статье анализируются сведения о месте и времени создания письменного памятника языка татар Крыма «Кодекс Куманикус», выявляется вклад ведущих ученых в его изучение. Детально описывается фонетическая и морфологическая структура татарского языка Крыма XIII века. Особое внимание уделяется описанию структуры слога и структуры корня слова. Автор выделяет восемь основных гласных фонем в языке татар Крыма XIII века - два ряда гласных (передний и задний), которые классифицируются и по степени подъема языка (верхний, средний и нижний). Также на основе анализа «Кодекс Куманикуса» автор указывает на наличие в татарском языке Крыма XIII века 23 согласных. Семь звонких согласных имеют глухие пары: b – p, g – k, d – t, z – s, γ - q, c - ç, v – f. В заимствованных словах встречается придыхательный слабый звук [h]. Гармония гласных в общетюркских словах в основном соблюдалась, однако в словах иноязычного происхождения выдерживается не всегда. Ударение в слове в татарском (куманском) языке было силовым. При этом в языке «Кодекса» четко прослеживаются диалектные различия в области гласных и согласных звуков, также, как и в диалектах современного крымскотатарского языка. Все положения статьи сопровождается достаточным количеством примеров из письменного памятника XIII века «Codex Cumanicus».

Ключевые слова: куманы, половцы, татары, фонетика, гласные звуки, согласные звуки, классификация, слог, структура корня.

KIPCHAK-POLOVTSIAN (TATAR) LANGUAGE OF THE CRIMEA OF THE 13TH CENTURY

**Memetov Ayder
Doctor of Philology, Professor**

Abstracts. This article analyzes information about the place and time of the creation of the written monument of the Crimean Tatars language “Codex Kumanikus”, reveals the contribution of leading scientists in its study. The phonetic and morphological structure of the Tatar language of the Crimea of the 13-th century is also described in detail. Particular attention is paid to the description of the structure of the syllable and the structure of the root of the word. The author identifies eight main vowel phonemes in the language of the Tatars of the Crimea of the 13th century - two rows

of vowels (front and back), which are classified by the degree of rise of the tongue (upper, middle and lower). Also, based on the analysis of the “Codex of Kumanikus”, the author indicates the presence of 23 consonants in the Tatar language of the Crimea of the 13th century. Seven voiced consonants have blank pairs: b - p, g - k, d - t, z - s, γ - q, c - ç, v - f. In borrowed words there is an aspiratory faint sound [h]. The harmony of vowels in the common Turkic words was mainly observed, however, in words of a foreign language origin it is not always maintained. The stress in the word in the Tatar (Kuman) language was forceful. Moreover, in the language of the Codex dialect differences are clearly traced in the field of vowels and consonants, as well as in the dialects of the modern Crimean Tatar language. All provisions of the article are accompanied by a sufficient number of examples from the written monument of the 13-th century “Codex Cumanicus”.

Key words: Cumans, Polovtsy, Tatars, phonetics, vowels, consonants, classification, syllable, root structure.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Крымский полуостров благодаря своему географическому положению на протяжении многих веков оставался контактной зоной Западной и Восточной цивилизаций. Через Крым велась оживленная торговля между народами Средиземноморья и Средней Азии и Дальнего Востока. Она приносила огромную прибыль тем, кто владел караванными путями от Крыма до Китая.

В XI веке свою политическую власть в Великой Степи и в Северном Причерноморье, а также частично в Крыму установили кыпчаки. Вся подвластная им территория называлась Дешт-и Кыпчак. Кыпчаков в письменных источниках разного происхождения называли различными именами. Западные (византийские и латинские) источники именовали их *Comani*, *Cumani* – команы, куманы. Средневековые венгры знали их под именем куны. Это название исследователи соотносят с этнонимом *Qun* мусульманских авторов, таких как аль-Бируни и аль-Марвази. Термин *Qun* можно соотнести с этнонимом *Hun* (хун) – народа, который в течение длительного времени властвовал на огромной территории от Китая до современной Болгарии.

Этноним *Qıbsaq* мусульманские авторы использовали в формах *Xıfjax*, *Qıfjaq*, *Qırcaq*. Принято считать, что основа этого слова *qu/*qub* означает

«бледный, желтый, блеклый» и этот этноним в указанных значениях был заимствован соседними и другими народами. Например, в русских источниках их называют половцы, в польском и чешском – *Plauci*, в венгерском - *Palocz*, в германских и германо-латинских - *Falones*, *Phalagi*, *Valvi*, *Valewen*.

В тексте памятника кыпчако-половецкого языка «Кодекс Куманикус» (XIII в.) этот язык называется татарским. Поэтому, говоря о языке Кодекса, мы будем употреблять термин татарский.

Судя по содержанию первой части «Кодекса» можно говорить о том, что он составлен с конкретной практической целью: для изучения куманского (татарского) языка, который в тот период использовался в качестве языка международного общения (*lingua franca*). Куманский (татарский) язык и после монгольского завоевания не утратил своей значимости, не отступил на второй план, напротив, он превратился в язык межнационального общения для западной части государства Чингизидов. Поэтому египетский (мамлюкский) ученый аль-Умари (ум. в 1348 г.) отмечал, что татары (т.е. монголы), численность которых (в Европе) и так была небольшой, и в чьи ряды уже входили многочисленные тюркские элементы из Внутренней и Центральной Азии, активно вступали в браки с местным тюркским населением и в результате кыпчакизировались.

Основной материал

Кыпчакско-половецкий или татарский язык Крыма сохранился в письменном виде в памятнике XIII века «*Codex Cumanicus*», одна из копий которого в настоящее время находится в библиотеке Св. Марка в Венеции. Кодекс Куманикус состоит из двух независимых друг от друга частей:

1) справочник по куманскому языку, включающий итало (латино)-персидско-куманский словарь терминов, составленный по темам и областям применения;

2) сборник религиозных текстов, лингвистических сведений, материалов по фольклору (половецкие загадки) нескольких авторов, с переводами на латинский и на средневековый диалект восточного верхненемецкого языка (*Eastern Middle High German*).

Автором первой части Кодекса были итальянцы, а второй – немцы. Известный ученый Лигети (Ligeti) назвал первую часть Кодекса Книгой переводчика («Interpretor's Book»), а вторую – Книгой миссионеров («Missionarie's Book»), что является более точным и близким к истине.

Даты и места создания различных разделов «Кодекса» долго оспаривались исследователями. Базен (Bazin), тщательно изучивший имеющиеся в «Кодексе» календарные сведения, пришел к заключению, что Книга переводчика была составлена между 1293 и 1295 годами. Дрюль (Drull) предложил даже немного более раннюю дату – 1292 – 1295 гг.

Первая часть «Кодекса» была написана в Солхате (г. Эски-Къырым – Старый Крым, который расположен юго-западнее Кафы (г. Феодосия) или в Кафе (Феодосии). Первая копия, как предполагается, была сделана в монастыре Св. Иоанна недалеко от Сарая в 1303 году.

При определении языка памятника «Кодекс Куманикус» в его словарной части следует иметь в виду весьма тонкое и точное замечание П.М. Мелиоранского: «Я думаю, - писал он, - что эти крымские куманы говорили более чистым и единообразным языком, чем «кыпчаки», выходцы с низовьев Волги, так как орда Батыя и его приемников состояла из смеси различных турецких (то есть тюркских – А.М.) и монгольских племён» [1. С. 9].

Впервые язык «Кодекса» сравнил с современными тюркскими языками О. Блау в 1876 году и пришел к выводу, что он весьма близок с диалектами крымских татар. По его подсчетам из 212 слов тематического словаря первой части «Кодекса» 174 слова по сей день сохранились в современном крымскотатарском языке.

Видный советский тюрколог А.Н. Кононов писал, что Codex Cumanicus является старейшим лексикографическим памятником крымскотатарского языка [2. С. 250]. Другие исследователи связывали язык «Кодекса» с наречиями поволжско-татарского языка – мишарским, казанским и «старотатарским»; третьи также не без оснований сближали язык «Кодекса» с арало-каспийской подобщностью кыпчакских языков – казахским, каракалпакским и ногайским; наконец, четвертые пытались

уловить черты сходства куманского с чагатайским и восточнотюркскими-карлукскими – что оказалось менее аргументированным [3. С. 13-14]. Мы полностью разделяем точку зрения академика А.Н. Кононова о том, что Кодекс является лексикографическим памятником крымскотатарского языка, так как в нем наряду с кыпчакскими элементами имеется значительное количество огузских элементов, как и в современном крымскотатарском языке.

Вторая часть «Кодекса» написана с целью проповеди христианства среди татар (кыпчаков), в ней на татарский язык переведены отрывки из религиозных книг, фрагменты Библии, проповеди, религиозные наставления, молитвы и др.

Обе части «Кодекса Куманикуса» написаны старинным готическим шрифтом, и разрисованы черными и коричневыми чернилами. Одна из копий «Кодекса» хранилась в частной библиотеке знаменитого поэта эпохи Возрождения Франческа Петрарка. В 1362 году он передал все свои книги вместе с копией «Кодекса» в библиотеку Св. Марка, где его впервые обнаружил библиограф Якоб Филипп Томасини.

Первую часть «Кодекса» на французский язык перевел известный ориенталист академик Генрих Юлиус Клапрот. В своей диссертационной работе «Исследования об Азии» он опубликовал рукопись под названием «Латинско-персидско-куманский словарь из библиотеки Ф. Петрарки» (Париж, 1928).

Впервые полностью (обе части) «Кодекс Куманикус» был переведен с латинского языка и издан академиком Г. Куном в Будапеште в 1880 году. Работа Г.Куна состоит из трех частей. В первой части имеется «Предисловие» и большое «Введение». Во введении рассматриваются вопросы, касающиеся истории куманов, их взаимоотношения с хазарами, печенегами, торками, русскими и другими племенами Туранской низменности. Особое внимание уделяется их религии, социально-политической организации и родоплеменному составу. Во второй части приводятся тексты из «Кодекса» и их переводы на латинский язык. Третья часть посвящена куманско (татарско) – латинскому (2838 слов), персидско-

латинскому и немецко-латинскому словарям. Издание содержит также приложения, исправления и указатели литературы.

Отдельные отрывки из «Кодекса», опубликованного Г. Куном, были переведены В.В. Радловым на немецкий язык в Санкт-Петербурге в 1887 году. Радловское издание состоит из: 1) предисловия, где анализируются 15 загадок на татарском языке; 2) куманско-немецкого словаря, включающего 2212 слов; 3) отдельных предложений и словосочетаний; 4) куманских текстов и их переводов; 5) списка слов – 3024 слова и 6) исправления 33 слов.

Датский ученый К. Гренбек в 1936 году издал факсимиле «Кодекса Куманикуса». Это дало возможность более поздним исследователям самим определять правильное или неправильное произношение тех или иных слов в соответствии с оригиналом. В 1942 году К. Гренбек издал в Копенгагене «Кодекс Куманикус» в качестве куманско-немецкого словаря, который содержит 2728 слов. Здесь куманские слова даются в транскрипции на основе латинского алфавита. Оригинал каждого слова точно указан по рукописи, следовательно, благодаря этому изданию прочтение куманских слов было упорядочено и унифицировано, что значительно облегчило работу последующих исследователей. В статье при цитировании тех или иных куманских слов мы ссылаемся на страницы из этого издания [4].

Первая часть «Кодекса» состоит из 110 страниц. На первых 58 страницах размещены глаголы в алфавитном порядке (согласно латинскому алфавиту) на латинском, персидском и куманском (татарском) языках. Ниже приводятся спряжения некоторых форм глагола:

Латинский	Персидский	Куманский	Русский
Audio	mesnoem (mishenowam)	esiturmen (eshiturmen)	я слышу
Audimus	(mishenowim) mesnam	esiturbis (eshiturbiz)	мы слышим
Audiebam	mesinidem (mishenidam)	esituredim (eshiturdim)	я слушал
Audiebant	mesinident (mishenidant)	esiturlaredj (eshitirleredi)	они слушали

Audiui	sinide (shenidam)	esitim (eshittm)	я (у)слышал
Audiueratis	sindabudit (shenide budit)	esitungusedi (eshitnguzedi)	вы (у)слышали
Audiam	bisnoem (bishenowam)	esitcaymen (eshitqaymen)	я услышу
Audiemus	besnoym (beshenowim)	esitqaybiz/ eshitkeybiz	мы услышим
Audi	bisna (besheno)	esit (eshit)	слушай!
Audirem	ysalla mes(i)nde (inshalla mishenidam)	chescha esitkaedim (keshke eshitqayedim / eshitkeyedim	если б я услышал
Audiusse(m)	y sinada budim (inshalla shena budim)	esitmis bolqayedim (keshke eshitmish bolqayedim)	если б я только мог услышать
Audiam	y besnoem (inshalla beshenowam)	esitchaymen (keshke eshitqaymen / eshitkeymen)	если б мне услышать.
Audire(m)	zonchi mesnide(m) (conki mishenidam)	esittim essa (eshittim ese)	как только услышал
Audire	sanadae(n) (shenidan)	esitmaga, uzitmaga (eshitmege)	слышать, слушать
Audiens «тот, кто слышит, слушатель»	sanoenda (shenowande) «слушающий; тот, кто слушает»	esattan (eshiten = eshitken) «услышавший, слушатель».	слушающий

Некоторые латинские глаголы передаются в «Кодексе» двумя татарскими синонимичными словами, например: albergo hospito «я принимаю, размещаю гостей, проявляю гостеприимство» // ghana cabul

mecunem (xone gabul mikunam) // conaclarmen или condururmen (qonaqlarmen или qon-dururmen).

Фонологические сведения о языке «Кодекса»

Звуки речи принято делить на две основные группы: гласные и согласные. Нередко в отдельную группу выделяют сонанты (м, н, л, р), как переходную категорию между гласными и согласными. Однако по своим свойствам они стоят ближе к согласным, поэтому мы будем их рассматривать в группе согласных

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ.

В истории языкознания известно несколько систем физиологической классификации гласных, предложенных фонетистами различных школ. Основные из них подразделяются на два вида. Представители первого вида предлагают строго фиксированную и четко разграниченную систему артикуляций. К ним, например, относится наиболее распространенная система, разработанная английским фонетистом Бэллом [5]. В свое время она применялась во всех основных работах по монгольским и тюркским языкам. Основной недостаток классификации Бэлла, по мнению Л.Р.Зиндера, заключается в том, что она проводит слишком резкие границы между отдельными типами гласных [6]. Другой вид классификации восходит к треугольнику Хеллвага, классификация которого базируется на признании гласных I, а, и основными типами, а всех прочих гласных – переходными [Там же. С. 198].

Наиболее совершенной, на наш взгляд, является классификационная система, разработанная акад. Л. В. Щербой [7]. Эта система синтезировала оба вида классификации, приняв за основу положение языка по степени подъема. Отличительной особенностью данной классификации является четкое определение крайне верхнего и крайне нижнего, а также предельно переднего и предельно заднего положения языка. Все остальные его положения представляют собой гамму переходов, определить которые можно только по отношению к этим четко определенным положениям.

Дальнейшее развитие и уточнение классификация Л.В. Щербы получила в работе В. М. Надеяева «Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ)», которая «...базируется в своей основной и существенной части на классификации

звуков, разработанной академиком Л. В. Щербой, использует его обозначения, уточненные и дополненные в соответствии с требованиями точной фонетической транскрипции» [Там же. С. 5]. В. М. Надеяевым даны полные таблицы согласных и основных типов гласных.

При классификации гласных фонем языка «Кодекса» нами из классификации акад. Л. В. Щербы, дополненной и уточненной В. М. Надеяевым, было взято конкретно лишь то, что соответствует элементам звуковой системы татарского языка XIII века [8]. В языке «Кодекса» исследователи выделяют от восьми до девяти гласных фонем. Ниже приводится таблица основных типов гласных.

Т а б л и ц а 1

Степень подъёма	Ряд			
	Переднерядные		Заднерядные	
	огублённые	неогублённые	огублённые	неогублённые
верхний (узкие)	ï	і	u	ï
средний (полуширокие)	ö	e		
нижний (широкие)			o	a

Как видно из таблицы, в татарском языке Крыма в XIII веке были представлены два ряда гласных (передний и задний) и три степени подъема языка (верхний, средний и нижний).

Гласные переднего ряда

При образовании гласных переднего ряда язык, продвинутый вперед, упирается кончиком в нижние зубы, в задней же полости рта образуется свободное пространство. Гласные переднего ряда следующие – [і], [e], [ö], [ï].

Звук [і] встречается в начале, середине и в конце слова: *inek* (106) «корова», *irek* (107) «шелк», *iz* (108) «след»; *kim* (143) «кто?», *kijiz* (142) «войлок», *kirpik* (148) «ресница», *kirpi* (148) «еж», *elci* (87) «посол».

Звук [e] встречается в начале, середине и в конце слова: *erik* (92) «слива», *erkek* (92) «мужчина», «самец», *kerek* (139) «нужно, необходимо», *bel* (55) «поясница», *keme* (137) «корабль», «судно», *kertme* (141) «сорт груши – кертме».

Переднерядный огубленный звук [ǒ] встречается в начале и в середине слова: ǒrke (183) «легкое», ǒlüm (183) «смерть», ǒrken (184) «стебель», ǒtmek (185) «хлеб», sóz (224) «слово», sóvunç (223) «радость».

Переднерядный верхнего подъема огубленный звук [ú] встречается в основном в начале и в середине слова: úc (268) «три», úçün (269) «для, ради», úçünçi (269) «третий», súlúk (226) «пиявка», bütün (71) «целый», bütünlük (71) «целостность».

Гласные заднего ряда

При образовании гласных заднего ряда (иногда их называют твердорядными гласными) язык, оттянутый назад, приближается к мягкому нёбу, кончик же языка опущен и несколько отдален от нижних зубов. К гласным заднего ряда относятся: [а], [о], [у], [I].

Гласный [а] встречается во всех позициях в слове, т.е. в начале, середине и в конце слова. Примеры: ana (37) «мать», ata (44) «отец», araba (39) «арба», «телега», агра (40) «ячмень», avlaq (45) «вдали».

Гласный [о] встречается, как правило, в начале и середине слова: orta (179) «середина», osal (179) «плохой», otuz (180) «тридцать», qol (198) «рука», qorqu (200) «страх». В безударном положении в начале слова [о] сохраняет свое качество и не редуцируется, например , orta (179) «середина» произносится [орта], а не [арта], которое означает «увеличивается».

Гласный [I] является заднерядным верхнего подъема неогубленным. При артикуляции данного звука язык вытянут вдоль полости рта, задняя часть спинки языка приподнята к границе твердого и мягкого неба. Корень языка образует с задней стенкой гортани более широкий проход, чем при артикуляции других заднерядных согласных. Этот гласный встречается во всех позициях в слове, например: угүт (273) «раб, батрак», бурçақ (72) «град», қуғмузу (207) «красный», буҗқу (72) «пила».

Заднерядный узкий огубленный гласный [у] встречается во всех позициях в слове: un (265) «мука», urmaq (266) «бить», urluq (266) «семена», uzun (268) «длинный», ulu (265) «великий». Перед согласным [v]

гласный [u] произносится как долгий, сильно лабиализованный [uu]: suvlu (226) «водянистый» произносится [suulu].

КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

В основе классификации согласных лежат два главных принципа: классификация по активному речевому органу и классификация по способу образования шума. По действию активного речевого органа согласные подразделяются на губные, язычные и увулярные. При этом среди губных различают губно-губные и губно-зубные. Среди язычных выделяются переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные. По способу образования шума различаются смычные, щелевые и аффрикаты. Щелевые подразделяются на щелевые шумные и щелевые сонанты.

В зависимости от участия голоса все согласные разделяются на звонкие и глухие. Дальнейшее описание согласных в татарском (куманском) языке XIII века см. в следующей таблице.

Т а б л и ц а 2

По участию шума и голоса	По способу артикуляции	По глухости и звонкости	По артикулирующему органу					увулярные
			губные		язычные			
			Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	
Шумные	Смычные	Глухие	<i>p</i>		<i>t</i>	(<i>k</i>)	<i>k</i>	<i>q</i>
		Звонкие	<i>b</i>		<i>ð</i>	(<i>g</i>)	<i>g</i>	
	Щелевые	Глухие	<i>f</i>	(<i>f</i>)	<i>s, š</i>			<i>x, h</i>
		Звонкие	<i>v</i>	(<i>w</i>)	<i>z</i>	<i>y</i>	(<i>ɣ</i>)	<i>ɣ</i>
	Аффрикаты	Глухие			<i>ç</i>			
		Звонкие			<i>c</i>			
Сонорные	Смычные (носовые)		<i>m</i>		<i>n</i>		(<i>ñ</i>)	<i>ñ</i>
	Щелевые (боковые)				<i>l</i>			
	Дрожащие				<i>r</i>			

Варианты фонем в таблице взяты в круглые скобки.

В татарском языке Крыма XIII века нами выделено 23 согласных. Семь звонких согласных имеют глухие пары: b – p, g – k, d – t, z – s, ɣ – q, c – ç, v – f. В заимствованных словах в основном из персидского и арабского языков встречается придыхательный слабый звук [h], который нередко выпадает. Например, слова hazuz (102) «святой», heç (102) «ни», çarşanbe (72) «среда» могут произноситься [aziz], [eç], [çarşanbe].

Ударение в слове в татарском (куманском) языке было силовым. Оно, как правило, падало на последний слог слова: irek (107) «шелк», ortaç (179) «товарищ», qusqa (207) «короткий». По мере присоединения формо- и словообразующих суффиксов ударение перемещается в конец слова: sekiz (216) «восемь» - sekizinçi (216) «восьмой».

Гармония гласных в общетюркских словах в основном соблюдалась: semiz (216) «жирный», egev (84) «напильник», suvuq (216) «холодно», barmaq (51) «палец», osal (179) «плохой». В заимствованных словах из других языков гармония звуков не всегда выдерживается: ср. xalqa (100) «кольцо», maqala (163) «статья», nafas (167) «дыхание» и nizam (172) «порядок), nişan (172) «метка», «цель».

В татарском (куманском) языке «Кодекса» четко прослеживаются диалектные различия в области гласных и согласных звуков, как и в диалектах современного крымскотатарского языка. Соответствия в области гласных звуков следующие: 1) огузскому лабиализованному u во втором слогe соответствует кыпчакское y: ojun - ojun (175) «игра», bojun - bojun (63) «шея». Подобные соответствия наблюдаются и в словообразовательных суффиксах, например, borç+lu - borçly (65) «должник»; 2) лабиализованный узкий гласный u во втором слогe при присоединении притяжательного суффикса выпадает, например, oçul (173) «сын» - oçlu (173) «его сын). Выпадение u наблюдается также в первом слогe в безударной позиции, например, burun (67) «нос», brun (69) «нос»; 3) отмечаются случаи замены лабиализованного широкого гласного o в первом слогe узким гласным u, например, boçdaj (62) «пшеница» - buçdaj (62) «в том же значении».

В области согласных имеются следующие соответствия: 1) кыпчакское q в начале, середине и в конце некоторых слов заменяется огузским x,

например, qamuyş (100) «камыш» - xamuyş «в том же значении», xalqa (100) «кольцо» - xalxa (100) «в том же значении», xanlıq (100) «ханство» - xanlıx (100) «в том же значении»; 2) отмечаются случаи соответствия увулярного γ губно-губному v , например, a γ uz (30) «рот» - avuz (45) «в том же значении», bo γ um (63) «связка» – buvun (63) «в том же значении», bayla- (47) «завяжи» - bavla- (53) «в том же значении».

Структура слога

Слог является одной из важнейших единиц звукового строя языка. Изучение структуры слога выявляет основные фонетические закономерности языка.

Наиболее универсальной классификацией слога является определение типа слогов по характеру конца и начала: открытые, закрытые, неприкрытые, прикрытые. Слоги, заканчивающиеся гласным, называют открытыми слогами; слог, заканчивающийся согласным – закрытыми; слог, начинающийся с согласного, называются прикрытыми; слог, начинающийся с гласного – неприкрытыми.

По составу гласных и согласных фонем в языке «Кодекса» имеется шесть основных структурных типов, которые можно разделить на две группы: открытые и закрытые.

Открытые слог: 1) слог, состоящий из одного гласного, например, первые слог в словах a-ta (44) «отец», a-ra-ba (39) «арба», «телега», e-giz (84) «двойня», o-ba (173) «куча»;

2) слог, состоящий из согласного и гласного, например, ke-ri (139) «назад», ki-bi (142) «подобно», qa-ra (193) «черный» или первый слог в слове bu-lut (68) «облако».

Закрытые слог: 1) слог, состоящий из гласного и согласного, например, at (44) «лошадь» или первый слог в словах al-tun (36) «золото», al-ty (36) «шесть»;

2) слог, состоящий из согласного + гласный + согласный, например, bar (50) «есть», «имеется», bal (48) «мед», qar (193) «снег»;

3) слог, состоящий из гласного + сонорный + глухой согласный, например, a j t + ty (32) «он сказал» или в слове ant (38) «клятва»;

4) слог, состоящий из согласного + гласный + сонорный + глухой согласный, например, qart (194) «старик», «старый» или во втором слог слова sa-γунĉ (211).

В языке «Кодекса» гласные звуки определяют в силу законов сингармонизма характер согласных, входящих в данный слог: в зависимости от качества гласного слог может состоять только из твердых или только из мягких звуков. Твердость или мягкость слова зависит от твердости или мягкости слога, а твердость или мягкость слога, в свою очередь, зависит от твердости или мягкости гласных звуков, его образующих.

Слогообразующий гласный является как бы показателем качества примыкающих к нему согласных. Если гласный является передним, то и согласные имеют более продвинутую вперед артикуляцию; если задний – то и согласные имеют несколько сдвинутую назад артикуляцию; губные гласные также соответствующим образом влияют на характер входящих в данный слог согласных.

Морфонологические сведения

Структура корня

В древнетюркском языке корни слов в основном были односложны.

В татарском языке «Кодекса» корень слова имеет следующую структуру:

- гласный: o (172) – (≤ул) «он»;
- согласный + гласный: bu (67) «этот», de- (81) «говори»;
- гласный + согласный: ař (43) «еда», iř (107) «работа», at (44) «лошадь», aq (39) «белый»;
- согласный + гласный + согласный: bař (52) «голова», qař (195) «бровь», tiz (246) «колени», toz (250) «пыль», tař (236) «камень»;
- гласный + согласный + гласный: ana (37) «мать», aγa (28) «брат старший», ata (42) «отец»;
- гласный + согласный + согласный: ast (43) «низ», «под», ajt- (32) «скажи», ant (38) «клятва»;
- согласный + гласный + согласный + согласный: qart (194) «старик», «старый», dōrt (83), tōrt (251) «четыре»;

- согласный + гласный + согласный + гласный: qara (193) «черный», sary (215) «желтый»;

- гласный + согласный + гласный + согласный: ayaç (28) «дерево», aуur (29) «тяжелый», aуuz, avuz (30) «рот»;

- гласный + согласный + согласный + гласный: alma (35) «яблоко», alty (36) «шесть», aqça (39) «деньги»;

- гласный + согласный + согласный + гласный + согласный: aqşam (39) «вечер»;

- согласный + гласный + согласный + гласный + согласный: bulut (68) «облако», burun (69) «нос», bukún, bugún (68) «сегодня», qaşuq (196) «ложка»;

- согласный + гласный + согласный + согласный + гласный: balta (48) «топор», qatty (196) «твердый», «сильно»;

- согласный + гласный + согласный + гласный + согласный + гласный + согласный: balaban (48) «большой», «огромный».

В начале слова стечение согласных в исконно тюркских словах не допускалось. Самыми распространенными типами корней в татарском языке Крыма в XIII веке были: «с + г + с»; «г + с + г» и «г + с».

Литература

1. Мелиоранский П.М. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900 (УУФТ). – М. – Л., 1960.
2. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982
3. Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-поволжья. М., 1979.
4. Grønbech K. Komanisches wörterbuch. – København, 1942
5. Bell A.M. Sounds and their relations. – Washington, 1894.
6. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Изд. второе, переработанное и дополненное. – М.: «Высшая школа», 1979.
7. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т.1.
8. Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной транскрипции (УУФТ). – М. – Л., 1960.

СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В «КОДЕКС КУМАНИКУС»

Меметов Айдер

доктор филологических наук, профессор

Аннотация. В настоящей статье выявляются иранские, арабские, монгольские, греческие, славянские и другие заимствования в лексическом составе куманского (татарского) языка, которые отражены в письменном памятнике «Кодекс Куманикус» (XIII в.). Устанавливается характер языковых контактов, определяется роль иноязычных заимствований в развитии лексики татарского (куманского) языка, производится классификация заимствованных слов по предметно-тематическим группам, анализируются особенности адаптации заимствований из других языков на лексико-грамматическом уровне принимающего языка.

Методом сплошной выборки нами проанализирован весь лексический состав словарной части «Кодекса Куманикуса». Всего исследовано около трех тысяч слов-знаков. Из них тюркскими являются 2347 слов-знаков. Заимствованные слова составляют 381 слов-лексем. В том числе, персидские – 163, арабские – 145, монгольские – 29, греческие – 16, русские – 6, итальянские – 2, согдийские – 2, латинские – 1, из других языков – 17.

Тюркский пласт лексики при дальнейшей классификации разделяется на следующие группы: 1) общетюркский слой, включающий как протюркскую лексику, так и слова, ставшие общетюркскими благодаря языковым контактам и заимствованиям; 2) общекрыпчакский слой, частично распространенный и среди некрыпчакских тюркских языков, имевших связи с крыпчакскими языками; 3) ареальная для западнокрыпчакских языков лексика; 4) лексика, имеющая общность с ареалами, непосредственно соприкасающимися с западнокрыпчакскими языками (западнокрыпчакско-огузская или юго-западная, западнокрыпчакско-северокрыпчакская, западнокрыпчакско-восточнокрыпчакская); 5) лексика, характерная лишь для куманского (татарского) языка.

Ключевые слова: «Кодекс Куманикус», куманы, крымскотатарский язык.

Annotation. This article identifies Iranian, Arabic, Mongolian, Greek, Slavic and other borrowings in the lexical composition of the Kuman (Tatar) language, which are reflected in the written monument “Codex Cumanicus” (XIII century). The nature of language contacts is established, the role of foreign language borrowings in the development of vocabulary of the Tatar (Kuman) language is determined, the borrowed

words are classified by subject groups, the adaptation features of borrowings from other languages are analyzed at the lexical and grammatical level of the host language.

Using the continuous sampling method, we analyzed the entire lexical composition of the vocabulary part of the “Code of Cumanicus”. A total of about three thousand word signs were investigated. Of these, Turkic are 2347 word signs. Borrowed words make up 381 words-tokens. Including, Persian - 163, Arabic - 145, Mongolian - 29, Greek - 16, Russian - 6, Italian - 2, Sogdian - 2, Latin - 1, from other languages - 17.

In the course of further classification, the Turkic layer of vocabulary is divided into the following groups: 1) the common Turkic layer, which includes both the Turkic vocabulary and words that have become common Turkic due to linguistic contacts and borrowings; 2) the common Kipchak layer, which is partly spread among the non-Kypchak Turkic languages that had connections with the Kypchak languages; 3) areal vocabulary for Western languages; 4) vocabulary that has a commonality with the ranges directly in contact with Western languages (West-Pypchak-Oguz or South-West, Western-Kypchak-North Kypchak, Western Pypchak-East-Pypchak); 5) vocabulary, characteristic only for the Kuman (Tatar) language.

Key words: “Codex Cumanicus”, Cumana, Crimean Tatar language.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

В «Кодексе Куманикусе» общетюркский слой представлен корневыми и производными словами, в основном исконно тюркскими, восходящими к пратюркской эпохе. Многие общетюркские слова зарегистрированы в древнетюркских памятниках письменности: это главным образом группы слов, в течение тысячелетий имевшие высокую частотность употребления в быту и в тех отраслях хозяйства, которые преобладали у носителей языка. Сюда относятся имена существительные – названия предметов окружающего мира и явлений природы: taš (236) «камень», toz (250) «пыль», aj (30) «луна», kün (158) «солнце», jamur (112) «дождь», qar (193) «снег», bulut (68) «облако», jel (121) «ветер», savuq, suvuq (216) «холод», su (224) «вода», buz (70) «лед» (здесь и далее в скобках указаны страницы из книги К. Grönbech «Komanisches Wörterbuch» [13]) Слова, входящие в данную предметно-тематическую группу, являются общетюркскими. Они сохранились в большинстве современных тюркских

языков с незначительными фонетическими изменениями, которые отражены и в диалектах крымскотатарского языка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

Иранские элементы в «Кодексе»

Тюркоязычные предки татар, проживавших в Крыму в XIII веке, с древнейших времен имели непосредственные контакты с иранскими и ираноязычными племенами. Эти контакты часто носили мирный характер. Тогда процветала торговля, развивалась культура, строились города на всей территории Дешти Кыпчака. О тесных мирных связях татар и иранцев в XIII веке свидетельствует и памятник «Кодекс Куманикус, в котором наряду с татарским языком представлен и иранский. Оба эти языка служили средством международного общения на всей территории шелкового пути начиная от Черноморского побережья до Средней Азии, Индии и Китая. В результате торговых, политических и экономических связей из иранских языков проникло большое количество лексических, грамматических и синтаксических элементов. В свою очередь иранские языки обогатились за счет заимствований из тюркских языков.

Заимствованные иранизмы в татарском (куманском) языке Крыма широко употреблялись в различных предметно-тематических группах и в первую очередь в области земледелия. В частности, в виноградарстве, садоводстве и цветоводстве, например: *baḡ* (46) «виноградник», *baḡça* (47) «сад», *bostan* (65) «бахча», *armut* (40) «груша», *badam* (46) «миндаль», *хорма* (103) «хурма», *iñgir* (107) «инжир», *şaftalu* (230) «персик», *gül* (97) «роза», *nohut* (172) «горох (крупный)», *rajgan* (209) «мята», «базилик», *şalyam* (230) «репа», *hejar* (102) «огурец».

Значительное количество заимствованных иранизмов в татарском языке Крыма в XIII веке использовалось для обозначения диких и домашних животных и птиц: *fil* (97) «слон», *ḡanavar* (98) «дикое животное», «зверь», *ralaḡ* (187) «леопард», *bülbü*l (70) «соловей», *хороz* (103) «петух», *sansar* (216) «белка», *totu* (250) «попугай».

Группа иранизмов в татарском разделе «Кодекса Куманикуса» обозначала части тела, человеческие качества, взаимоотношения между людьми, например, ğigar (98) «печень», balıam (48) «слизь, мокрота», avaz (45) «голос», baxt (48) «счастье», mihir (164) «любовь», azat (46) «свободный», badbaqt (46) «несчастный», dost (83) «друг», düşman, tüşman (84) «враг».

Определенная группа заимствованных иранизмов употреблялась в сфере торговли, например, bazar (53) «рынок», «базар», bazargan (53) «продавец», mijançı (164) «маклер», «посредник», tarazu (236) «весы», mohor (165) «печать».

Иранские заимствования в команском (татарском) языке использовались и в сфере строительства: çaguç (73) «молоток», dyvar (84) «стена», çatır (74) «шатер», saraj (214) «дворец», şahar (230) «город», kireç (148) «известь», taqta (235) «доска» и др.

Иранизмы, используемые для обозначения предметов быта, домашнего обихода, названий продуктов и напитков: pijala (187) «пиала», çуraq (79) «свечка», ajna (31) «зеркало», kilim (142) «ковер», şeker (230) «сахар», şıra (230) «сок», «вино» и др. Заимствованная иранская лексика, обозначающая географические понятия и названия дней недели: ğahan, ğehan (98) «мир», «вселенная», hafta (99) «неделя», je-şanbe (123) «воскресенье», se-şanbe (218) «вторник», sahar-şanbe (72) «среда», ran-şanbe (187) «четверг». Персидские заимствования в татарской части «Кодекса» встречаются также в религиозной сфере: rajıambar (186) «пророк», ferišta, frişte (97) «ангел», ğan (98) «душа», haç (99) «крест».

В лексико-грамматическом плане заимствованные татарским (куманским) языком иранизмы представляют собой следующие части речи:

1) существительные (например, avaz (45) «голос», badam (46) «миндаль», divar (84) «стена»);

2) прилагательные (например, badbaqt (46) «несчастный», d(e)raz (83) «длинный»), nezik (172) «нежный», harkiz, herkiz (101) «каждый», «всякий»;

3) наречия (например, d(u)rust (83) «правильно», beğuda (54) «напрасно», «зря»), tez (243) «быстро», hanuz (100) «сейчас»;

4) местоимения (например, определительное – her (102) «каждый», «всякий»; отрицательное – heç, eç (102) «никто», «ничто»);

5) числительные (например, jek (121) «один». Другие числительные заимствованы в составе сложных слов, и они в татарском языке не вычленяются, например, tu-şanbe (257) «понедельник», где фонетически видоизмененный вариант tu от du означает «два»; şahar-şanbe (72) «среда», где şahar означает «четыре». В составе ran-şanbe (187) «четверг» первый компонент ran выступает усеченным вариантом числительного ranç «пять»;

б) союзы (например, eger, egir (84) «если», ham (100) «и», «тоже», ne...ne (169) «ни...ни».

Заимствованные иранские слова полностью адаптированы морфологической системой куманского (татарского) языка. Существительные изменяются по числам путем присоединения татарских аффиксов множественного числа -lar/-ler, склоняются по падежам, принимают аффиксы принадлежности и сказуемости. От иранских основ при помощи татарских аффиксов образуются: 1) имена существительные - baqça + çu (49) «садовник», çуraq+lyq (79) «подсвечник»; 2) глаголы – хог + la (103) «мучить», «издеваться», nişan + la (172) «целиться», «взять на мушку»; «засватать»; 3) прилагательные - baxt + ly (48) «счастливей».

На новой языковой почве все иранизмы полностью утратили свою «внутреннюю форму», т.е. все иранизмы независимо от структуры в языке-источнике в татарском (куманском) языке воспринимаются как непроемные основы. Например, слово badbaqt (46) «несчастней» в иранских языках является производным и состоит из двух слов – прилагательного bad «плохой» и существительного baqt «счастье». Однако это сложное иранское заимствование в принимающем языке, т.е. в куманском (татарском) морфологически представляет неделимую основу.

Арабские элементы в «Кодексе»

Среди значительного количества иноязычных слов в лексическом составе татарского (куманского) языка заметное место занимают арабские заимствования, проникшие сначала в результате экономических, а затем и религиозных контактов татар с арабами. Как отмечают исследователи, заимствование арабской лексики тюркскими языками началось, главным образом после завоевания арабами Византии, Ирана, Средней Азии и других соседних государств [4; с. 187-201, 5, 7, 14; с. 200-207]. На завоеванных территориях прежде всего арабы стремились распространить свою религию – ислам. Для этого вместе с военными отрядами в походах участвовали и проповедники ислама. Исламизация покоренных народов привела к широкому употреблению арабского языка в области мусульманского богословия, в официально-чиновничьем мире, в культурной жизни и научной работе [6; с. 327].

В больших масштабах арабская лексика стала заимствоваться тюркскими языками Средней Азии, как отмечает Н.А.Баскаков, с X в. [2; с. 76], т.е. после принятия ислама тюркоязычным населением, перешедшим к оседлой жизни [1; с. 16].

Распространение ислама на территории Крыма, а вместе с ним и усиленное проникновение арабских элементов в лексический состав татарского (куманского) языка относится к XIII – XIV векам. Так, с XIII в. в Крым стали прибывать проповедники ислама из различных городов мусульманского мира, в основном из Дамаска, сельджукской Кони, Бухары и Хорезма. Названия этих крупных малоазиатских и среднеазиатских центров, откуда осуществлялась в тот период интенсивная мусульманская пропаганда, явственно отражают вещественные памятники: строительные надписи мечетей, надгробия, огромное количество которых найдено в Старом Крыму и Отузах во время раскопок, проведенных археологическими экспедициями в 1925 – 1926 и 1928 гг. [10; с. 5-7]

Сооружение самых ранних мечетей в Крыму относится ко второй половине XIII века. По мнению известного турецкого историка Эвлия Челеби, посетившего Крым в XVII в., одна из первых мусульманских мечетей в Старом Крыму была построена каким-то выходцем из Бухары в

сентябре-октябре 1263 года, о чем свидетельствует строительная надпись, сделанная прописью по-арабски [11; с. 663]. По распространенному мнению, средства на строительство самой большой мечети, воздвигнутой в Старом Крыму в 1287 г. [9; с. 89], выделил египетский султан Бейбарс, поддерживавший тесные контакты с Крымом.

Строительная надпись на мечети Узбека в Старом Крыму, прочитанная и опубликованная Н.Мурзакевичем, свидетельствует о ее сооружении в 1314 году [8; с. 529]. Медресе при этой мечети было построено Инджи-бек (по другим источникам Ильчи) хатун в 1332/33 г., что также подтверждает строительная надпись и надгробие с именем и датой смерти (1371 г.) учредительницы этого медресе, найденными на его территории [3; с. 639, 11; с. 289-299].

Ценный материал о времени распространения и закрепления ислама в Крыму дает нам и язык надписей на надгробных камнях. Так, на могильных плитах (дюрбе) XIII века параллельно с надписями на старокрымском языке встречаются надписи на арабском алфавите, а на памятниках XIV века надписи на арабском алфавите уже преобладают. Кроме того, на надгробиях XIV – XV вв. уже редко встречаются тюркские имена, вытесненные мусульманско-арабскими.

Таким образом, учитывая время прибытия первых проповедников ислама в Крым и сооружение там первых мусульманских мечетей, а также язык надписей на надгробных камнях и замену тюркских личных имен арабскими, можно предположить, что ислам закрепился среди местного населения Крыма только в XIV веке. Следовательно, интенсивное проникновение арабской лексики в татарский язык Крыма началось в этот период. Если вначале арабские элементы проникали в результате торгово-экономических взаимоотношений татар Крыма с арабами, то позже, после принятия ислама, арабская лексика вошла в татарский язык вместе с мусульманской культурой: арабским письмом, с богословскими книгами и духовными школами.

Заимствованные татарским (куманским) языком арабизмы классифицируются следующим образом:

Арабизмы, обозначающие части тела человека, его духовные, физические, умственные и интеллектуальные особенности: haqul, aqul (101) «ум, разум», qovat (201) «сила, мощь», nafas (167) «дыхание», ʻam (97) «горе, печаль», sabur (210) «терпение», haziz, aziz (102) «дорогой», «уважаемый», hormat (103) «уважение, почет», haq (101) «право», barakat (50) «благополучие», saadat (209) «счастье», muxtaʻ (165) «нуждающийся», amanat (36) «надежность», «верность», «преданность», «честность», aʻuq (44) «влюбленный».

Религиозная лексика: molla (165) «мулла, духовный наставник», alqoran (35) «Коран», «Священная книга мусульман», qurban (203) «жертва для заклания», sadaʻa (210) «милостыня», xallal (99) «дозволенное по Корану», haram (101) «недозволенное по Корану», rahim (209) «милосердный», elfoqah (87) «чтец Корана», «знаток мусульманского права», rebe (209) «религ. господь», šerijat (230) «шариат», «свод мусульманских законов», toba (246) «покаяние».

Арабизмы, употребляющиеся в области обучения и образования: qalam (191) «средство для письма, карандаш», maqala (163) «статья», noqta (172) «точка», ʻovar (98) «ответ», duvat (83) «чернильница».

Арабизмы, обозначающие профессии: qasap (195) «мясник», ham(m)al (100) «носильщик, грузчик», katir (134) «писарь, секретарь», hakim (99) «правитель».

Заимствованные арабизмы, употребляющиеся для обозначения географических понятий и предметов окружающей среды: alam (34) «мир, вселенная», dunja (83) «вселенная», hava (101) «воздух», nur (172) «свет».

Арабизмы, употребляющиеся в сфере торговли: harʻ (101) «расход, издержки», «деньги на расходы», hasyr (101) «убыточный», atar (44) «душистый, ароматический», baqam (49) «молодой скот, молодняк», ketan (141) «лен», kibrit «сера», «спички», laal («жемчуг», «рубин»), maʻgun (161) «паста, мастика», «замазка», oqt (178) «мера веса равная 400 драхам или 1, 248 кг.», qatifa (196) «бархат», «вельвет», «плюш», saraf (214) «размен», «расходование», naqt (168) «наличные деньги», suf (225) «шерсть».

Арабизмы, употребляющиеся для обозначения предметов быта и домашнего обихода: *sufra* (225) «стол», *paal* (167) «подкова», *paqş* (167) «рисунок», «украшение», *qalır* (191) «колодка, форма»; «колодец», *maxsyt* (162) «серп, коса», *miret* (165) «зеркало», *murvat* (166) «кусочек камня, кусочек кварца», *sunduq* (225) «сундук», *tabaq* (231) «поднос».

В процессе заимствования и усвоения арабские слова в татарском (куманском) языке претерпели определенные фонетические трансформации, обусловленные различиями фонетических структур арабского и татарского языков. Однако следует иметь в виду, что многие варианты слов и их чтение являются условными, так как «Кодекс Куманикус» состоит из множества документов разных авторов и общая его редакция не была осуществлена.

Арабизмы, усвоенные татарском (куманским) языком, служат основой для образования:

новых имен существительных при помощи продуктивных аффиксов принимающего языка -лыкь/ -лик/ -лукь/ -люк, например, *salamat+luq* (212) «здоровье», *emin+lik* (98) «уверенность», *sabur+luq* (210) «терпение»;

новых глаголов при помощи продуктивных татарских аффиксов –ла/ -ле, например, *hormat* (103) «уважение» + суфф. –la = *hormatla-* (103) «уважать», *mülk* «собственность», «имущество» + суфф. -le- = *mülkle-* (167) «завладеть собственностью, имуществом»;

новых прилагательных, например, *naamat* «благословение», «благополучие» +lu = *naamatlu* (167) «благословенный», «благополучный».

На новой языковой почве многозначные заимствования обычно сужали объем своей семантики и употреблялись в одном значении, например, заимствованное слово *tajtun* (162) в татарском (куманском) языке употребляется для обозначения «обезьяны», тогда как в арабском языке это слово было полисемантическим и обозначало: 1) счастливый, благоприятный, блаженный; 2) обезьяна.

Расширение семантической структуры заимствованных иранизмов и арабизмов для обозначения ими новых предметов и понятий окружающей

нас действительности, изменение первоначального их значения на новой языковой почве нами в «Кодексе» не обнаружено.

Заимствования в «Кодексе» из других языков

Из общего количества заимствований в «Кодексе» (381 слово-лексем) монголизмы составляют 29 слов, что соответствует 7,61 %. Как известно, вопросы тюркских и монгольских взаимоотношений занимают немаловажное место в кругу алтаистических проблем. Если одни ученые, такие как Владимирцов Б.Я., Рясянен М., Юнусалиев Б.М., Базилхан Б. выступают сторонниками генетического родства тюркских и монгольских языков, основываясь на значительной общности их лексического состава и грамматического строя, то другие (Санжеев Г.Д., Котвич В., Батманов И.А., Щербак А.М.) тоже не без оснований считают преждевременно говорить об их едином происхождении, и в большом сходстве тюркских и монгольских языков усматривают лишь результат длительных и интенсивных контактов их носителей.

Выявленные в «Кодексе» монголизмы отражают древние и средневековые взаимосвязи тюркских и монгольских языков, которые, по мнению Клосона Дж., были устойчивыми и наиболее интенсивными в IV – VII и VIII–XII вв. [12; с. 174-187].

В фонетическом плане заимствованные монголизмы в татарском (куманском) языке не претерпели существенных изменений. Сингармонизм монгольских слов полностью сохранился, коренной перестройки звукового облика заимствований не произошло, так как и в заимствующем языке четко прослеживается гармония гласных.

В морфологическом отношении заимствованные монголизмы в татарском (куманском) языке также не подверглись серьезным изменениям. Они употребляются в виде тех же лексико-грамматических основ, что и в языке-источнике: существительные (например, *mañlaj* (162) «лоб», *poqta* (172) «уздечка», *oba* (173) «холм», «куча», «курган»); прилагательные (например, *şeber* (74) «ловкий», «проворный», «искусный», *serövün* (218) «прохладный»).

Заимствованные в «Кодексе» слова из греческого, итальянского, латинского и других языков используются в основном в сфере религии, например, altar (36) «алтарь», amen, amin (37) «аминь», apostol (38) «апостол», ave (45) «аве», baptisma (49) «баптизм», evangelim (96) «Евангелие», klisa (149) «церковь», kristian (157) «христианин», qanfor (192) «камфора», organa (179) «орган», paraz (187) «поп», psalmo (187) «псалом», qatolik (196) «католик».

Литература:

1. Бартольд В.В. История Туркестана. Ташкент, 1922. – 50 с.
2. Баскаков Н.А. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. IV. Лексика. М.: Изд-во АН СССР. 1962. – С.69-101
3. Бороздин И.Н. Солхат (предварительный отчет о работе археологической экспедиции в 1925 г.) // Новый Восток. 1926. № 13 – 14. – С 271-301.
4. Дмитриев Н.К. Арабские элементы в башкирском языке // Строй тюркских языков. М., ИВЛ. 1962. - С.187-201
5. Иванов С.Н. Арабизмы в турецком языке. Л., 1973
6. История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент: Фан, 1967.
7. Майзель С.С. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945. – 30 с.
8. Мурзакевич Н. Эски-Крымская арабская надпись. // Записка Одесского общества истории и древностей. Т. II, III. Одесса. 1850.
9. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XIII века. Спб., 1887. – 824 с.
10. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII – XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1. (58-й). С. 5-17
11. Evliya Celebi seyahatnamesi. (Турецкое издание, т. 1 – 10. Стамбул, 1887 – 1938 гг.). Т. VII.

12. Clauson G. The earliest Turkish loan words in Mongolian. CAJ, 1V, 3, 1959, p. 174 – 187.
13. Grönbech K. «Komanisches Wörterbuch», Kobenhavn, 1942.
14. Scherner Bernd. Probleme arabischer und Neupersischer Lehnworten im Tatarischen. – «Ural-Altäische Jahrbucher». Wiesbaden, 1972, band 44, p. 200-207.

ВКЛАД Л. БУДАГОВА В КРЫМСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Меметов Айдер,
доктор филологических наук, профессор

Аннотация: в статье анализируется жизнь и научная деятельность Л.З.Будагова. Излагаются основные принципы составленного им «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий...», оставившего заметный след в истории тюркской лексикографии. Выявляется вклад Л.З.Будагова в развитие крымскотатарской лексикографии.

Ключевые слова: востоковедение, турецко-татарские языки, общетюркская и межтюркская лексика, арабские заимствования, персидские заимствования.

Annotation: the article deals with the analysis of L.Z. Budagov's life and scientific activity. The present work outlines the main principles of his "Comparative Dictionary of Turkish-Tatar dialects", which left a significant mark in the history of Turkic lexicography. The article also reveals the contribution of L.Z. Budagov to the development of the Crimean Tatar lexicography.

Key words: Oriental studies, Turkish-Tatar languages, common Turkic and inter-Turkic vocabulary, Arabic borrowings, Persian borrowings.

Лазарь Захарович Будагов родился в Астрахани в апреле 1812 года. Начальное образование он получил в армянском училище в Астрахани, а среднее – в астраханской гимназии. Языковое многообразие Астрахани, расположенного на пересечении торговых путей из России в Азию, предопределило интерес его к восточным языкам. Некоторое время Л.Будагов слушал лекции на историко-филологическом факультете Московского университета и состоял (в течение двух с половиной лет) преподавателем арифметики в Лазаревском институте восточных языков. Затем он поступил в Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета, которое успешно закончил в 1840 году с золотой медалью.

После окончания университета начинается долгая педагогическая деятельность Л.З.Будагова; с 1840 по 1844 гг. он преподавал «татарский» (азербайджанский) и персидский языки в Тифлисской гимназии и женском институте. В 1845 году он был утвержден преподавателем «татарского»

языка (азербайджанского наречия) на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета; позднее (с 1849г.) - адъюнкт, с 1864г. – доцент. Вышел на пенсию 4 апреля 1870 года.

С 1861 г. Л.З.Будагов совмещал преподавательскую деятельность со службой в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в должности переводчика (драгомана) с татарского и армянского языков. Эту должность он занимал до своей кончины, т.е. до 30 декабря 1879 года [1, с.130 - 131].

В списке основных научных трудов Л.З.Будагова особое место занимает «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, с включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык», состоящий из двух томов. Этот словарь является одним из самых больших тюркских словарей XIX века. Первый том словаря, состоящий из 810 страниц, впервые был издан в Санкт-Петербурге в 1869 году. Второй том, включающий 415 страниц, был издан там же в 1871 году. В целом, Словарь содержит 25 200 лексем. Лексический материал в Словаре построен в алфавитном порядке арабской графики. В первом томе слова даны только в арабской графике, без транслитерации русскими буквами, во втором томе русскими буквами указана транскрипция каждой лексической единицы. Естественно, это намного облегчило пользование данным словарем.

В 1960 году Словарь Л. З. Будагова с предисловием члена-корреспондента АН СССР А.Н. Кононова был репродуцирован фотомеханическим способом.

В предисловии от автора Л.З.Будагов пишет, что словарь предназначен для учащихся, чиновников, переводчиков и торговых людей, в связи с чем в нем представлена «группа наречий самых употребительных» [2,с.V]. При этом автор сознательно ограничивает количество сравниваемых тюркских наречий (языков), выбирая только самые «употребительные», т.е. самые распространенные. Следовательно, по мнению автора, самыми «употребительными» или самыми распространенными на тот момент были тюркские наречия (языки)

азербайджанский, алтайский, башкирский, бухарский, джагатайский, казанский, кашгарский, киргизский, кокандский, крымский, кумыкский, ногайский, язык сибирских татар, татарский, турецкий, туркменский, уйгурский [2, 1X].

Характеризуя свой словарь, Л.З.Будагов пишет: «Я предлагаю его как первый и слабый опыт, который мог бы послужить для других основанием или пожалуй материалом, для более обширного и более ученого труда» [2, с. V1].

Словарь построен на сравнении лексического материала двух основных классификационных групп тюркских языков, на которые эти последние в ту пору делились еще чисто интуитивно, а именно групп «турецкой» (по современной терминологии – огузской, или юго-западной) и «татарской» (по современной терминологии кыпчакской или восточной). В словаре широкое отражение нашла общетюркская и межтюркская лексика, которая и в настоящее время употребляется с незначительными фонетическими изменениями в современных тюркских языках – татарский, киргизский, башкирский, ногайский, крымскотатарский, азербайджанский, турецкий, туркменский и др. Примечателен тот факт, что Л.З.Будагов все эти языки в момент составления своего словаря называет наречиями; азербайджанское, т.е. азербайджанское, алтайское, башкирское, бухарское, джагатайское, казанское, кашгарское, кыргызское, кокандское, крымское, кумыкское, ногайское, туркменское, уйгурское [2, с. 1X и др.]

Кононов А.Н. отмечают «следующие наиболее важные особенности Словаря:

1) многие слова сопровождаются разъяснением их этимологического состава (в большинстве случаев весьма удачно);

2) при терминах (административных, правовых, научных, религиозных и т.п.) приводятся полезные краткие объяснения, часто со ссылкой на соответствующий источник или литературу;

3) географические названия, имена героев тюркского эпоса и фольклора, слова, обозначающие некоторые реалии быта и обычаев тюркских народов, как правило, снабжены краткими пояснениями.

Эти сведения весьма обогащают Словарь, придавая ему черты, присущие толковым, этимологическим и, отчасти, энциклопедическим словарям» [2, с. 1У].

Богатые языковые и экстралингвистические материалы для составления словаря по крупницам собирались автором из многочисленных источников.[3, с.43]. Источниковедческой базой для данной работы послужили произведения Абуль-Газы, его история; Бабура, его записки на джагат. наречии, изд. в Казани Ильминским, 1857; Бурханы-Каты, рукописный словарь персидского языка; Вамбери, его *djagataische Sprachstudien*. Leipzig, 1868; джагатайского наречия словарь к стихотворениям Мир-Алишира, с переводом на турецкий язык; Ильминский, его материалы киргизского наречия; Камус, словарь арабского языка с объяснениями на турецком языке, изд. в Константинополе; калькутский словарь джагатайского наречия с персидским переводом, изд. в Калькутте, 1820 г.; Радлов В.В., образцы народной литературы тюркских племен, с немецким переводом, часть 1, поднаречия Алтая, изд. в С.Петербур. 1866; Троянский, его словарь каз. наречия; Фарханги -Шури, словарь персидского языка с турецким переводом, изд. в Константинополе; Ханджери, его словарь; Ценкер из словаря: Сенги-Лахи, или Лехджет-уль-лугет; *سراج القلوب* солнце сердец, рассказ о пророках, неизвестного автора, переведено было с арабского оригинала на персидский, а с персидского на джагатайское наречие, изд. в Казани, 1864 г.; *قصص الانبيا ربغوزى* история пророков на джагат. Наречии, написанное в 809 г. Гиджры Кадием местечка Рыбаты-Угузы, Бурхан-эддином, сыном Насыр-эддина, изд. в Казани, 1859 г.; *محاكمة اللغتين* тяжба языков, тюркского с персидским, соч. Мир-Алишира; тут же и *تاريخ ملوك عجم* краткая история древних царей Персии, изд. Катрмера, Париж, 1841. [2, с.1Х]. В связи с этим Сравнительный словарь Будагова наиболее полно отражает лексикон старописьменных тюркских литературных языков – османско-турецкого, крымскотатарского и чагатайского.

При построении словарной статьи Л.Будагов воспользовался методикой Даля, которую он применил при составлении «Толкового

словаря живого великорусского языка». Это и способ размещения слов, и оснащённость словарных статей огромным количеством иллюстративных материалов, чаще всего пословицами, поговорками, разнообразной фразеологией, этнографическим материалом. Принятое Л. Будаговым словообразовательно-гнездовое словорасположение оказалось очень сложным, но удачным. В именной словарной статье за вариантами заглавного слова приводятся сначала его именные образования, а затем как подраздел – «Производные и составные» - отыменные и составные глаголы, имеющие в качестве именного компонента заглавное слово, устойчивые словосочетания и фразеологизмы.

Словообразовательно-гнездовое словорасположение дало возможность автору раскрыть семантические связи однокорневых слов, а также сравнительную словообразовательную и грамматическую характеристику тюркских языков и диалектов в целом, что в свою очередь позволяет усматривать в лексикографическом труде зачатки комплексного общетюркологического словаря. Для этой же цели служат, например, самостоятельные словарные статьи, посвященные буквам арабско-тюркского алфавита. Исключения из этого правила приходятся на такие производные слова, которые сами служат производной основой для образования новых слов. Впрочем, этот принцип выдержан далеко не во всех случаях [2, 1V]. Помимо словообразовательной стороны, Л.Будагов дает в Словаре грамматическую характеристику отдельным турецким (тюркским) наречиям. Этим объясняется обилие в Словаре грамматических разъяснений, посвященных описанию образования залогов глагола, причастий и т.д. По мнению Н.К.Дмитриева, эти грамматические экскурсы могли служить материалом для будущей сравнительной грамматики тюркских языков.

Заслугой автора Словаря является представление основного словарного фонда живых тюркских языков и диалектов второй половины XIX столетия с учетом их специфических лексико-семантических и фономорфологических особенностей. Большое количество статей, в которых общетюркские и межтюркские слова совпадают в сравниваемых

тюркских языках, открываются пометами «тур., тат.»: тур. – турецкое (общее тюркское слово; сравнительно с другими наречиями значит турецко-османское); тат. – татарское (вообще)[2, 1X]. Ср. «тур. тат. су, дж., ад. су (каз. произносят сыу, уйг. сув, кир. суу, баш. су и ну, монг. усу) вода»[2, 705, 706]. Именно этот пласт лексики – основной словарный фонд (базисная лексика) представлен наиболее обширными словарными статьями. Например, статьи: ата «отец» [2, с. 8-9], اچماق / اشماق ашмакь «открывать, растворять, отпереть»[2, с. 13-15], ات ат «лошадь» [2, с. 56-58], الماق алмакь «брать, взять»; «получать, принимать, покупать»[2, с. 86-87], باش / باس баш, бас «голова, глава, начало»[2, с. 225-228] и многие др.

Словарь дает полное представление о лексическом составе литературного крымскотатарского языка XIX века. Например, Л.Будагов отмечает, что в крымском наречии для обозначения свадьбы используется слово دوگون / دوگن / دوگون дугюн [2, с.563]. Это же слово, в том же значении с некоторыми фонетическими изменениями имеется и в османском языке, где оно произносится дүүн [2, с.563]. В современном крымскотатарском литературном языке для обозначения свадьбы используется слово طوی той, как и в других кыпчакских языках. Слово дугюн сохранилось только в южнобережном диалекте крымского языка.

Рассматривая в историческом плане развитие тех или иных слов, Л.Будагов тонко подмечает их истинное происхождение. Так, например, анализируя слово پاشا паша «титул вельмож, министров, губернаторов, главных должностных лиц в Турции» в крымском наречии (языке), он учитывает фонетические изменения, которые произошли в этом слове при заимствовании из персидского языка (< پادشاه «падишах») [2, с.309].

При заглавных словах, начинающихся в тюркских языках на букву چ «чим», Л.Будаговым регулярно приводятся башкирские соответствия с начальным ص «сад»: тур., тат. چالمق чалмакь, баш. صالمق салмакь «резать, колоть (животное)»[2, с.463]. Тюркскую диалектную лексику Л.Будагов дает в качестве вариантов к заглавному слову словарной части чаще всего с пометами «провинц.» или «прост.».

В отдельных словарных статьях Л.Будагов приводит целый ряд словообразовательных аффиксов (по терминологии автора – частиц) и их алломорфов. Так, например, наиболее часто встречаются в Словаре словообразовательные частицы (аффиксы): тур. -лу, -ли, образующие имена прилагательные (باشش баш «голова» - باشلو башлу «умный»); -сыз, -сиз, образующие имена прилагательные, обозначающие отсутствие того или иного признака (باشسىز башсыз «безголовый», «отчаянный»); -лыкь, -лик, образующие существительные из прилагательных, а из существительных – существительные с отвлеченным значением (باشسىزلىق башсызлыкь «своевольство», «безначалие») [2, с. 225-226].

В арсенале средств Словаря встречается немало способов и приемов переводной и беспереводной семантизации тюркской языковой картины мира. Л.Будагов не ограничивается только переводом тюркских слов, но и дает многоаспектное толкование слова, объясняя и описывая обозначаемые понятия и реалии. Эпизодически переводит тюркские слова на персидский и арабский языки. В результате Словарь превращается в своего рода энциклопедию общественно-политической жизни, быта, традиций и менталитета тюркских народов.

В Словаре широко представлены заимствования из восточных языков – арабизмы и иранизмы, что нашло отражение в полном названии лексикографического труда. В нем приводятся санскритские и китайские этимологии, а также армянские языковые параллели.

Значительное место в лексикографическом труде занимают заимствования из западно-европейских языков: греческого [2, с. 638;] и новогреческого [3, с. 86], итальянского [2, с. 309, 633], английского [2, с. 45], венгерского [2, с. 224], польского [2, с. 313], русского [2, с. 45, 46] и др.

Особое место в словаре Л.Будагова занимает общеалтайская лексика, в частности монголизмы с пометой «с монг.», «сродно с монг.», «сродно с монг. и манджурским». Эти лексические параллели могли возникнуть в тюркских и монгольских языках вследствие их общего генетического происхождения или древнейшего контактного развития [4, с. 40].

Таким образом, унаследовав принцип составления словаря из опыта Даля, Л.С.Будагов стал основателем новой традиции в тюркской лексикографии, согласовав и реализовав в одной работе принципы описания материала в переводных, толковых и этимологических изданиях. Традиция эта была продолжена через 70 с лишним лет К.К.Юдахиным при составлении им «Киргизско-русского словаря», а также Э.В.Севортяном при создании «Этимологического словаря тюркских языков». Исторические экскурсы в словарных статьях и этимологические исследования будут полезны для составителей этимологического словаря и исторической грамматики крымскотатарского языка.

Библиографический список

1. Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов: дооктябрьский период. М.: Наука, 1974. 340 с.
2. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык: в 2-х т. СПб.: Тип. АН, 1869. Т.1. 810 с.; СПб.: Тип. АН, 1871, Т.2. 415 с.
3. Благова Г.Ф. Лазарь Будагов – лексикограф – энциклопедист // Советская тюркология. – Баку – 1985. - № 6 (ноябрь-декабрь). – С.42-56.
4. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986. – 152 с.

РАДЛОВ В. В.: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ КРЫМСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**Меметов Искандер Айдерович,
кандидат филологических наук, доцент**

Аннотация: в данной научной статье рассматривается вектор проблематики актуального в эпоху современности развития тюркологии и вклад в эту отрасль науки В.В. Радлова. Автор акцентирует свое внимание на основополагающих проблемах, касающихся особенностей проведённых В.В.Радловым научных исследований в сфере тюркских языков, указывает на взаимосвязь между изучением лингвистического и этнокультурологического базисов в работе данного ученого-тюрколога. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ научной и организаторской деятельности В.В. Радлова.

Ключевые слова: В.В. Радлов, тюркология, востоковедение, ориенталистика, языкознание.

Abstracts: the ranges of problems which are related with Turkic-oriented research development and V.V. Radlov's contribution in the dimension of philology being urgent nowadays are considered in this scientific article. The researcher draws his attention to the fundamental tasks that are concerned with peculiarities and ways of V.V. Radlov making scientific researches in the domain of Turkic languages and also displays the interconnection between researching of the linguistic and ethnocultural basements in investigations of this philologist. There is comparative and juxtapose analysis of the scientific and organizational activities of V.V. Radlov as well as the results of them being scientific legacy.

Key words: V.V. Radlov, Turkic-oriented philology, oriental studies, orientalism, linguistics.

На сегодняшний день в контексте глобализации языкознание и тюркология в частности сделали значительные шаги вперед, что отразилось, прежде всего, на совершенствовании теоретического фундамента и экспериментального подхода к практическому аспекту в области тюркологии. В условиях современности эта универсальная разнонаправленная область языкознания привлекает все больший интерес среди молодых и опытных исследователей, в результате чего возникает все

большее количество научных трудов. Однако в каждой отрасли научного знания имеется целый ряд основоположников, корифеев, чьи труды обладают фундаментальной значимостью благодаря не только их первенству возникновения, но и глубине проводимых этими учеными исследований. Одной из таких личностей являлся В.В. Радлов, выдающийся тюрколог, педагог, специалист в области востоковедения, а также археолог. Именно изучению данной личности и проведенных ею научных трудов посвящено данное исследование. Но прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению биографической линии В.В. Радлова, стоит отметить, что изучению его жизни и научной деятельности посвящен достаточно широкий объем научных работ, освещающих конкретный, определенный тот или иной вектор его биографии или же творчества. Речь идет об исследованиях, проведенных такими авторами как Е.А. Артюх, Ф.Ш. Нуриева, Л.Н. Закирова, С.Б. Сарбашева, И.Я. Селютина, Ф.Б. Хамраев и др. С учетом этого можно сказать, что представленная личность и основные ее выдающиеся научные изыскания уже являются в значительной степени проработанными и исследованными. Однако целью данной статьи выступает рассмотрение основных работ выдающегося тюрколога, посвящённых развитию востоковедной мысли в Крыму, а также проведение их целостного анализа, принимая во внимание весь комплекс, что не было произведено ранее. И этот факт, в свою очередь, обуславливает не только актуальность, но и научную новизну данной статьи.

Говоря об исследованиях в области биографии В.В. Радлова, важно сделать акцент на том примечательном факте, что информация о жизни выдающегося тюрколога является достаточно лимитированной. Однако благодаря предыдущим исследованиям не только отечественного, но и зарубежного научного фонда, резюмируя которые, представляется возможность ее систематизации и градации в хронологическом порядке. Так, В.В. Радлов был рожден в 1837 году в семье полицейского комиссара в городе Берлин [14, с. 295-296]. Интерес, проявляемый юным будущим исследователем к филологии, был проявлен еще во время обучения в гимназии, по окончании которой в 1854-м году В.В. Радлов поступил в

Берлинский университет на факультет философии. Изначально он изучал теологию, но вскоре пребывающий в нем интерес к филологии поспособствовал возникновению заинтересованности в сравнительно-историческом языкознании. Особое воздействие на формирование и дальнейшее развитие научных интересов В.В. Радлова, равно как и стремление посвятить себя исследованиям в области ориенталистики, было оказано В. Шоттом, у которого будущий тюрколог обучался таким восточным языкам как монгольский, маньчжурский, татарский, китайский и т.п., а также изучал новейшие теории и проблемы урало-алтаистики [3, с. 641; 9, с. 130]. Немаловажно отметить, что у ученого в самом начале его научного пути был интерес, проявляемый не только в области сравнительного языкознания, но и к малоизвестным на тот момент народам, проживающим в азиатской части России. С учетом этих факторов В.В. Радлов постепенно приходит к решению посвятить себя исследованию языков, культуры и истории народов тюркского Востока. Однако для достижения этой цели было необходимо переехать в Россию, поскольку в 1854-м году в университете Петербурга был сформирован восточный факультет, что и было сделано ученым сразу же после присуждения ему в Йенском университете степени доктора философских наук в 1854-м году [12, с. 52]. Впоследствии В.В. Радлов был рекомендован на место преподавателя латинского и немецкого языков в Барнаульском высшем горном училище, которое предоставляло возможность поездок на Алтай с целью изучения языков проживающих там народов непосредственно внутри языковой среды. Стоит отметить, что 1859—й год стал знаменательным в жизни ученого, поскольку 11 мая он не только принял присягу на подданство и верность России, но и получил распоряжение управляющего Кабинетом его императорского величества барона Мейендорфа, согласно которому он в период с 1860-1870 годы был обязан совершать путешествия в определенные отдаленные населенные пункты Южной Сибири с целью изучения как языка, так и быта обитающих на тех территориях инородцев [5, с. 126]. Результативность данных длительных исследовательских экспедиций было обеспечена тем, что каждый год В.В.

Радлов представлял документированные отчеты, которые впоследствии передавались в академию для дальнейшего напечатания в бюллетенях [5, с. 10].

Что касается основных научных трудов выдающегося рассматриваемого нами в данной работе тюрколога-востоковеда, то нельзя не упомянуть, о том, что в 1866-м году вышел первый том работы В.В. Радлова под названием «Образцы народной литературы тюркских племен», которое представляло собой собрание текстов на различных тюркских языках, которые сопровождались немецким переводом [10, с. 752]. Второй же том вышел спустя два года – в 1868-м году, а третий – в 1870-м. Особенность данного научного труда в том, что именно это выдающееся по объему фольклорного и лингвистического материала издание стало первичной ступенью на пути к научной известности В.В. Радлова в мировом масштабе [7, с. 257]. Немаловажно уточнить тот факт, что ученый-филолог, помимо исследований в области фольклора и языка, занимался также археологическими раскопками в Киргизской и Барабинской степи, на Алтае, Минусинской котловине, а также различных районах Средней Азии. Научность данных археологических экспедиций обуславливается тем, что в период с 1853-1859 гг. В.В. Радловым было обнаружено порядка 150 курганов, в том числе Берельский и Большой Катандинский курган, который дал название этапу развития кочевнической культуры Восточного Казахстана V—IV века до н. э. (эпоха раннего железного века) [11, с. 140].

Нет смысла в данной работе акцентировать внимание на организаторской, общественной деятельности выдающегося тюрколога, поскольку это выходит за пределы нашей научной компетенции. Таким образом, можно сказать, что, даже при занятии работой организационного характера, для ученого главным приоритетом выступает изучение тюркских языков народов, проживающих на Поволжье, для осуществления чего В.В. Радлов активно принимает участие в деятельности Общества любителей этнографии, антропологии, естествознания при Казанском университете [16, с. 216]. Особенно важно отметить, что в 1872-м году в свет выходит четвертая часть «Образцов народной литературы тюркских

племен», носящая название «Наречия тарских, барабинцев, тюменских и тобольских татар» [15]. Последней его работой в Казани считается труд «Aus Sibirien», в котором собраны богатые материалы по этнографии, археологии и религии Западной Сибири. Впоследствии, уже в Петербурге, начиная с 1888 г., Радлов приступит к публикации своего «Опыта словаря тюркских наречий», который выходил выпусками в течение двадцати лет, вплоть до 1911 г. Он представлял собой тюркско-русско-немецкий словарь, в который В.В. Радлов включил материалы примерно по сорока тюркским языкам и наречиям, часть которых он собрал лично [8, с. 165]. Этот труд стал сенсацией в научном мире того периода, и до сих пор сохраняет свое высокое научное значение.

15 марта 1894 г. на объединенном заседании Физико-математического и Историко-филологического отделений в связи со смертью академика Л.И. Шренка прошли выборы нового директора Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. В тот же день В.В. Радлов вступает на пост директора МАЭ, и «судьба музея ... отныне неразрывно связывается с именем этого ученого, отдающего себя всецело на служение его интересам» [1, с. 121]. Он принял великий музей в плачевном состоянии: хронический недостаток финансирования, ограниченность музейных площадей, неразобранные коллекции, крошечный штат. Радлов возглавлял музей в течение четверти века, с 1894 по 1918 гг., и сыграл решающую роль в становлении его как подлинно научного учреждения мирового уровня. Для решения поставленной задачи было необходимо создать на базе МАЭ научный центр, организовать пополнение, регистрацию и научное описание коллекций, создать новую современную экспозицию, обеспечить издание научных трудов. В основу деятельности музея был положен принцип собирания путем систематических научных экспедиций.

С самого начала В.В. Радлов отказывается от взгляда на музей как на учреждение, предназначенное для изучения этнографии «преимущественно России», и вынашивает проект создания «научного музея общечеловеческой культуры» [13, с. 190]. Такой музей должен был дать полную картину отдельных культур различных народов и представить

все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры. Таким образом, территория научного ведения музея – вся эйкумена человека и все народы земли. Идея создания такого музея в те годы буквально витала в воздухе. Ее реализация становится для В.В. Радлова делом всей жизни: огромными темпами пополняются коллекции и осуществляются экспедиции, которые во многом были реализованы благодаря «команде» В.В. Радлова, точно так же фанатично приверженной музейному делу, как и он сам [2, с. 21]. Каждому человеку в этой команде была отведена своя роль.

Весь период управления МАЭ Радлов придерживался последовательной политики, направленной прежде всего на расширение коллекционного фонда. Во многом именно для этого был введен институт корреспондентов на местах (1898), благодаря которому МАЭ обогатился коллекциями из разных стран мира. В.В. Радлов начал активное сотрудничество с ведущими этнографическими музеями мира. В целом именно благодаря последовательной политике в этой области стало возможным сформировать богатые коллекции, способные конкурировать с собраниями профильных музеев мирового уровня (с 1894 по 1914 гг. число коллекций по разным отделам выросло с 40 до 1783, число предметов увеличилось более чем в 6 раз) [6, с. 9].

В 1898 г. Радлов организовал Турфанскую экспедицию в Центральную Азию во главе с Д.А. Клеменцом, начал изучение и публикацию обнаруженных последним древнеуйгурских памятников. Большое значение для развития отечественного уйгуроведения имело подготовленное и осуществлённое Радловым издание уйгурского текста «Сутры золотого блеска». Во многом благодаря В.В. Радлову XII Международный конгресс востоковедов (1899 г.) принял решение о создании Международной ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях с постоянным центром в Санкт-Петербурге. В.В. Радлову принадлежит сама идея учреждения и Международной ассоциации во главе с Русским комитетом, при его активном участии были

выработаны и сформулированы устав и рабочие органы союза. В итоге Русский комитет стал учреждением, сыгравшим одну из главных ролей в изучении Центральной Азии [5, с. 12].

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что существующая на сегодняшний день основанная В.В. Радловым тюркология, несмотря на обилие научных изысканий в области тюркистики, не может обойтись без того огромного научного наследия, которое было оставлено как следствие многолетней научной деятельности данной личности. Более того, нами было установлено, что испытываемый ученым интерес к филологии позволил ему осуществить ряд открытий не только в области языкознания, но также и в культуре и истории изучаемых тюркоязычных народов. В ходе исследования было обнаружено, что научная деятельность В.В. Радлова позволила ему организовать Музей антропологии и этнографии, что напрямую связано с диапазоном его научных изысканий. Таким образом, нами была достигнута поставленная изначально цель исследования, а сама проблематика работы полностью раскрыта.

Список использованных источников:

1. Анучин Д.Н. Юбилей В.В. Радлова // Этнографическое обозрение. - 1999. - №1. - С. 121-122.
2. Артюх Е.А. В.В. Радлов об опыте хозяйственного и культурного освоения западной Сибири // Аграрная наука - сельскому хозяйству. - 2016. - С. 20-22.
3. Вайнштейн С.В. В.В. Радлов и его труд «Из Сибири». – М.: Омега-Пресс, 1989. – 749 с.
4. Закирова Л.Н. Материалы о В.В. Радлове в документах национального архива Республики Татарстан // Российская тюркология. - 2012. - №1 (6). - С. 125-130.
5. Залеман К.Г. Труды В.В. Радлова в хронологическом порядке // Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. – СПб., 1907. - С. 5–25.

6. Матвеева П.А. В.В. Радлов и становление музея антропологии и этнографии (1894-1918) (по архивным источникам): автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.07. - М., 2013. - 20 с.

7. Нуриева Ф.Ш., Закирова Л.Н. В.В. Радлов - представитель казанской лингвистической школы // И.А. Бодуэн Де Куртенэ и мировая лингвистика. - 2015. - С. 256-259.

8. Садыкова С.З. «Образцы народной литературы северных тюркских племен» В.В. Радлова как основа комплексного изучения тюркских языков // Наука, техника и образование. - 2026. - С. 164-168.

9. Сарбашева С.Б., Селютина И.Я. В.В. Радлов и алтайская фонология // Немецкие исследователи на Алтае. - 2007. - С. 129-133.

10. Селютина И.Я., Шайдуров В.Н. Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) // Историческая энциклопедия Сибири. - 2009. - С. 749-754.

11. Хамраев Ф.Б. В.В. Радлов и уйгурский фольклор // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. - 2010. - №2. - С. 138-142.

12. Циркин А.В. В.В. Радлов - исследователь Южной Сибири XIX столетия // Этнография Алтая и сопредельных территорий. - 2001. - С. 51-54.

13. Шаскольская Т.И. В.В. Радлов - организатор библиотеки МАЭ // Primusinter pares. - 2015. - С. 188-193.

14. Юсупов Ф.Ю. Научная деятельность В. В. Радлова в становлении российской тюркологической науки (к 175 – летию великого тюрколога России В.В. Радлова) // Современные проблемы науки и образования. - 2012. - №4. - С. 295-300.

15. Юсупов Ф.Ю. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: Ч. IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. - М.: Литрэс-М, 2012. - 519 с.

16. Юсупов Ф.Ю. Хронологический перечень трудов В.В. Радлова и литературы о нем // Научный Татарстан. - 2012. - №2. - С. 211-222.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А.Н. САМОЙЛОВИЧА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КРЫМУ

Меметов Искандер Айдерович,
кандидат филологических наук, доцент

Аннотация. В данной работе мы взяли за изучение исследования известного ученного-туркменоведа, филолога-тюрколога Александра Николаевича Самойловича. В рассматриваемой статье описывается научно-исследовательская деятельность ученого, его вклад в развитие грамматики турецкого и татарского языков.

Ключевые слова: востоковедение, турецко-татарские языки, общетюркская и межтюркская лексика, арабские заимствования, персидские заимствования

Annotation: In this work, we took the study of the study of the famous scientist-Turkmenologist, philologist-Turkologist Alexander Nikolaevich Samoilovich. This article describes the scientifically-research activity of the scientist, his contribution to the development of the grammar of the Turkish and Tatar languages.

Key words: Oriental studies, Turkish-Tatar languages, common Turkic and inter-Turkic vocabulary, Arabic borrowings, Persian borrowings.

Александр Николаевич Самойлович родился 17 декабря 1880 г. в Нижнем Новгороде в семье директора классической гимназии. Выбившиеся в люди ценой огромных усилий, родители Самойловича весь свой достаток тратили на то, чтобы дать образование своим детям, которых у них было шестеро. Александра удалось устроить в 1888 г. в привилегированную классическую гимназию, так называемый Нижегородский дворянский институт, который он окончил с серебряной медалью в 1899 г. В том же году Александр по совету отца поступил на факультет восточных языков Петербургского университета по арабско-персидско-татарскотурецкому разряду. Александр Николаевич был счастлив в учителях, среди которых мы видим блестящего и разностороннего тюрколога-лингвиста проф. П. М. Мелиоранского, превосходного знатока турецкого языка и литературы проф. В. Д. Смирнова, ученого-энциклопедиста проф. В. В. Бартольда, археолога проф.

Н. И. Веселовского, ираниста проф. К. Г. Залемана, арабистов проф. В. Р. Ровена, проф. А. Э. Шмидта и др. Позже он прошел основательную школу у крупнейшего тюрколога того времени акад. В. В. Радлова, непосредственно причастного к дешифровке древнетюркских рунических памятников[6].

Уже на студенческой скамье А. Н. Самойлович по предложению и под руководством проф. В. В. Бартольда и на основании его историко-географических работ составил и напечатал в виде пособия для студентов книгу «Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества». Однако началом самостоятельной научной деятельности А. Н. Самойловича следует считать его студенческую командировку в Туркмению в 1902 г., которую он предпринял по совету и указаниям П. М. Мелиоранского для изучения туркменского языка и последующего написания дипломной работы [2, с. 245]. Располагая для пребывания в Туркмении только летними месяцами, А. Н. Самойлович ограничился тогда изучением одного текинского диалекта. Собрав значительный материал (сказки, загадки, пословицы и т. п.) и записав его в так называемой академической транскрипции, А. Н. Самойлович по возвращении в Петербург обработал этот материал и написал на его основе довольно полный фонетический и грамматический очерк исследованного им диалекта. Факультет, куда была представлена работа, отметил «новизну и сложность предмета, а также несомненно обнаруженную автором способность и любовь к самостоятельному научному труду» и признал ее достойной награждения золотой медалью[6].

Как успешно окончивший университет, А. Н. Самойлович был с 1 июня 1903 г. оставлен при нем для приготовления к профессорской деятельности по кафедре турецко-татарской словесности. Свое положение магистранта А. Н. Самойлович использовал не только для сдачи обычных магистерских экзаменов, но и для совершенствования своих знаний в области общих вопросов тюркологии и древне- и среднетюркских языков под руководством П. М. Мелиоранского и В. В. Радлова.

Первое выступление А. Н. Самойловича в кругу ученых состоялось 29 апреля 1904 г., когда он прочел в Восточном отделении Русского археологического общества свой доклад «Туркменская поэма о столкновениях туркмен с персами в 60-х годах XIX столетия»^{1 2}. Доклад был тогда же опубликован в виде статьи под заглавием «Книга рассказов о битвах текинцев». «Уже в этой статье, — отмечал позже В. В. Бартольд, — обратили на себя внимание качества, редко соединяющиеся в одном лице: с одной стороны, темперамент пионера и талант популяризатора, а с другой — строгая точность ученого, во всех случаях тщательно отделяющего свои личные наблюдения от расспросных сведений, достоверно доказанное от возможного и вероятного» [2, с. 251].

Начав научную деятельность как исследователь-туркменовед, А. Н. Самойлович очень скоро должен был пробовать свои силы в других областях. В 1906 г. скоропостижно скончался его учитель проф. П. М. Мелиоранский, и А. Н. Самойловичу в качестве приват-доцента (он был утвержден в этой должности 1 июля 1907 г.) пришлось принять на себя всю тяжесть преподавания турецкого языка и литературы в университете, читать лекции по введению в тюрко-татарские языки, вести семинар по чтению орхоно-енисейских памятников и «Кутадгу билиг» и наблюдать за изданием работы П. М. Мелиоранского «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха» [4, с. 169]. В 1908 г. А. Н. Самойлович избирается действительным членом Русского археологического общества по его Восточному отделению и почти одновременно — членом Русского географического общества по Этнографическому отделению, причем в последнем с 1910 и до 1915 г. он состоит секретарем отделения и принимает участие в редактировании журнала «Живая старина». В 1912 г. он избирается действительным членом Таврического общества истории, археологии и этнографии и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. Свое членство в этих обществах А. Н. Самойлович оправдывал многочисленными публикациями в их печатных органах [5].

В начале 1911 г. к преподавательской деятельности в университете добавляется работа в качестве хранителя Восточного музея, где он среди прочих занятий увлекается описанием монет. В этом же году А. Н. Самойлович начал преподавание турецкого языка в Практической восточной академии, продолжавшееся до 1917 г. Летом 1911 г. А. Н. Самойлович совершил вторую поездку в Турцию (первая была предпринята в 1900 г. с учебными целями), где изучал литературный и народно-разговорный язык, проверил и пополнил свою рукописную грамматику турецкого языка и приобрел огромную коллекцию газет, журналов и книг, так что когда в 1912 г. В. В. Бартольд организовал журнал «Мир ислама», А. Н. Самойлович подготовил и опубликовал в нем великолепный обширный обзор мусульманской периодической печати в России и Турции [3, с. 86]. В это же время А. Н. Самойлович принял участие в составлении «Русской энциклопедии» и «Малой Энциклопедии» Мейера, в которых опубликовал ряд заметок 4 5, не нашедших отражения в прилагаемом ниже списке его трудов.

Летом 1912 г. А. Н. Самойлович побывал в Крыму и на Ставрополье, где читал лекции по грамматике крымскотатарского языка для татар-учителей, собирал диалектный и этнографический материал и изучал (в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии) восточные рукописи. В 1913 г. состоялась его поездка в Будапешт, Вену, Париж и Берлин, главным образом для занятий в рукописных хранилищах. Важнейшим результатом этой поездки было предварительное изучение двух рукописей Парижской национальной библиотеки «Хосрев и Ширин» и «Собрание стихотворений императора Бабура», которые тогда же были выписаны в Петербург, но лишь вторую из них А. И. Самойлович смог обработать и издать [8, с. 113].

В начале 1915 г. А. Н. Самойлович успешно защитил опубликованную в предыдущем году книгу «Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев» в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра турецко-татарской словесности. В 1916 г. ученый предпринял интересную научную поездку по маршруту Петроград—Ярославль—Кострома

(Татарская Слободка)—Казань — Самара — Оренбург — Ташкент — Красноводск — Баку—Тифлис—Владикавказ—Крым и привез с собой большую коллекцию старых рукописей и новых публикаций на тюркских языках, а также этнографические материалы. Результатом этой поездки был ряд работ ученого.

Когда в нашей стране совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, А. Н. Самойлович без колебаний поставил себя на службу молодой рабоче-крестьянской республике и уже 17 декабря 1917 г. был избран экстраординарным профессором тюрко-татарской словесности Петроградского университета [7, с. 85]. В 1918—1920 гг. он работает, уже в качестве профессора, одновременно в Петрограде (университет и Восточный отдел Академии Генерального штаба) и в Москве (в бывш. Лазаревском институте) и принимает активное участие в перестройке старых востоковедных заведений в соответствии с потребностями нового строя. Во вновь созданном осенью 1920 г. Петроградском институте живых восточных языков (позже ЛИЖВЯ им. А. С. Енукидзе) избирается проректором и одновременно является профессором этого института и ведет занятия по турецкому и узбекскому языкам. С осени 1920 г. до начала 1922 г. совмещает работу в петроградских вузах со службой в Наркоминделе РСФСР в качестве консультанта отдела Востока.

С 9 марта 1921 г. по 19 января 1922 г. А. Н. Самойлович командирован Наркоминделом РСФСР в Туркестанскую АССР, Бухарскую и Хорезмскую народные советские республики/ Благодаря своим знаниям языков, нравов и обычаев проживающих там народов ученый оказывает большую помощь полпредствам РСФСР в Бухаре и Хиве в налаживании более тесных и глубоких связей Российской Федерации с молодыми народными республиками, в укреплении республиканских советских и партийных органов власти, проведении в жизнь ленинской национальной политики: принимает участие в местных советских и партийных курултаях и переводит обращенные к ним речи полпредов, помогает назирам составлять доклады для курултаев, выступает от имени

полпредов на народных митингах, организует всенародные праздники единения узбеков с туркменами, редактирует узбекский текст конституции, изучает актуальные в то время вакуфный и земельно-водный вопросы, близко знакомится с положением юстиции и просвещения в республиках, переводит с узбекского на русский «Историю Бухарской революции» Айни и т.д. [2, с. 254].

В 1922 г. А.Н. Самойлович избирается ректором Петроградского института живых восточных языков и продолжает работу на его османско-турецком и сартско-узбекском разрядах, где он кроме турецкого и узбекского языков преподает также историю Турции. Одновременно читает введение в изучение тюркских языков и народов и другие курсы (в частности, преподает туркменский язык) в университете, состоит членом Научно-исследовательского института истории языков и литератур Запада и Востока им. А. Н. Веселовского и заведует (вплоть до ноября 1929 г.) этнографическим отделом Государственного Русского музея. Наиболее заметный след в истории тюркологии оставил организованный А. Н. Самойловичем осенью 1924 г. в ЛИЖВЯ специальный тюркологический семинарий, ставший настоящей кузницей тюркологических кадров для тюркоязычных республик [6].

В 1924 г. А. Н. Самойлович избирается членом-корреспондентом АН СССР, и с этого времени его деятельность протекает в стенах Академии, ЛИЖВЯ (преобразованного в 1927 г. в Ленинградский восточный институт) и Ленинградского университета, включая и отпочковавшийся от него Ленинградский государственный историко-лингвистический институт. 12 января 1929 г. А. Н. Самойлович избирается действительным членом АН СССР, почти одновременно становится академиком-секретарем ее Отделения гуманитарных наук. С введением Устава 1930 г. А. Н. Самойлович в марте 1930 г. избирается академиком-секретарем Отделения общественных наук и остается на этом посту до марта 1933 г. Когда в 1932 г. принимается решение о создании Казахской базы АН СССР, А. Н. Самойлович назначается первым председателем ее президиума и принимает участие в организации ее первых институтов. В то же время А.

Н. Самойлович возглавляет киргизскую и казахстанскую, а также узбекскую секции Совета по изучению производительных сил страны [5]. С начала 1934 г. и до самой смерти А. Н. Самойлович — директор Института востоковедения АН СССР, где одновременно заведует также сектором литературы. 13 февраля 1938 г. А. Н. Самойловича не стало [1, с. 254].

Подводя итоги, следует отметить, что А. Н. Самойлович принадлежал к тому типу ученых, которые по преимуществу пишут произведения малых форм — статьи небольшого объема, но, взятые в совокупности, они охватывают самые разнообразные области тюркологии — от древнетюркских памятников до современных литературных языков, от первых зачатков тюркоязычной литературы до современных поэтов и прозаиков. Его интересовала духовная жизнь тюркских народов в ее многообразных проявлениях, поэтому среди его работ мы видим статьи и о языке, и о литературе, и о театре, и о быте. Для всех его сочинений характерны четкость в постановке вопроса, ясность и краткость изложения. Вместе с тем, в каждом из них легко обнаруживается та широта кругозора, которая составляет обаяние всего его творчества.

Список использованной литературы:

1. Алпатов В.М., Ашнин Ф.Д. Архивные документы о гибели академика А.Н. Самойловича // Восток. - 1996. - №5. - С. 153-162.
2. Ашнин Ф.Д. Александр Николаевич Самойлович (1880-1938) // Народы Азии и Африки. - М., 1963. - № 2. - С. 243-264.
3. Баскаков Н.А. А.Н. Самойлович в письмах к В.А. Гордлевскому // Советская тюркология. - Баку, 1973. - № 5. - С. 84-89.
4. Непомнящий А.А. Крымоведение и крымоведы в научной судьбе академика А.Н. Самойловича // Золотоордынская цивилизация. - 2016. - №9. - С. 163-185.
5. Самойлович А.Н. // Самойловичи. Народ. - Режим доступа: http://samoilovich.narod.ru/samo-xix/sam_an.html (дата обращения: 09.02.2019).

6. Самойлович Александр Николаевич // Научное наследие России. - Режим доступа: <http://library.ruslan.cc/authors> (дата обращения: 09.02.2019).

7. Эркинов А. Российская империя и Хивинское ханство (русские: ученый А.Н. Самойлович и путешественник В.Г. Ян в Хивинском дворце в начале XX в.) // Проблемы востоковедения. - 2013. - №3 (61). - С. 84-91.

8. Erkinov A. A.N. Samojlovich's visit to the Khanate of Khiva in 1908 and his assessment of the literary environment // International Journal of Central Asian Studies, 2010. - №14. - P. 109-146.

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЗИЗА НЕСИНА

**Меметов Искандер Айдерович,
кандидат филологических наук, доцент**

Ряпов Руслан Игоревич

Аннотация: исследование представляет собой проведение литературного анализа изученных художественных средств, которые были использованы Азизом Несином в его произведениях. Актуальность работы обусловливается тем, что сфера художественных средств и их роли в произведениях данного автора является малоизученной. Авторы в качестве основного вектора нацелены на изучение художественных средств, функциональной роли, которую они выполняют, классифицирование художественных средств по их непосредственному функциональному признаку в произведении.

Ключевые слова: художественные средства, классификация средств выразительности, литературоведение, турецкая литература.

Искусство, как и культура, в любом его проявлении для человека играет большую роль в вопросах нравственного воспитания и эстетической перцепции окружающего мира. Можно сказать, что диалог того или иного вида искусства с человеком есть взаимодействие познающего с еще не познанным. И литература не является исключением. Художественная литература представляет собой удивительный синтез композиции и лейтмотивов, сюжетных линий и, что немаловажно, внутреннего мира самого автора. Беря все сказанное выше во внимание, мы можем задать вопрос: «С помощью чего любой автор создает неповторимое по своей сути и содержанию произведение?» И здесь важно понимать, что в качестве основного фундамента, на котором базируется структура любого литературного произведения, выступает именно комплекс художественных средств выразительности. И в данном научном изыскании мы задаемся целью проанализировать и детально изучить вышеупомянутые средства в контексте турецкой малой прозы.

Важно обратить внимание на тот факт, что сами по себе художественные средства выразительности уже были изучены рядом как российских (Малзурова Л.Ц. [5], Пшизова А.К. [7], Чичканов Е.С. [9]), так и турецких ученых (Öztoğat Nedret [18], İleri Selim [17], Gümüş Semih [16]). Однако, несмотря на это, в данной научной статье пойдет речь о художественных средствах, используемых в произведениях выдающегося турецкого писателя-новеллиста и сатирика Азиза Несина.

Примечательно, что творчеству такой далеко небезызвестной фигуры в литературном мире посвящено внушительное количество научных изысканий, однако сфера художественных средств и их роли в произведениях данного автора по-прежнему остается малоизученной, что и обуславливает актуальность проводимого нами исследования.

Прежде чем перейти к раскрытию непосредственно темы данной научной работы, следует рассмотреть художественные средства в теоретической проекции. Данное действие позволит нам в более полной мере исследовать избранную нами проблематику. Изначально стоит определить, что именно являют собой художественные средства в контексте литературного произведения. Для этого можно обратиться к толкованию данного литературного термина, которое трактуется Г.О. Винокуром в его научной работе как «литературные приемы, обладающие способностью усиливать яркость речи, приумножать характерное для нее эмоциональное воздействие, а также привлекают внимание слушателя, в данном случае читателя к высказыванию» [2; С. 61]. Отметим также, что, помимо отображенных нами выше основополагающих функций художественных средств, такой ученый как М.М. Гиршман в своем научном изыскании указывает на то, что такие средства «выступают в роли помощника для автора при конструировании художественного образа, а для читателя, в свою очередь, в качестве своеобразного проводника в художественный мир произведения, что позволяет им в дальнейшем раскрыть аутентичный замысел автора» [3; С. 41].

Теперь, когда нами раскрыто теоретическое понятие художественных средств, важно сделать акцент на том, что такое сложное и неоднородное

явление в литературном аспекте подразумевает под собой четкую классификацию средств как таковых. Стоит указать на то, что в трудах отечественных ученых по теории литературы имеются классификации художественных средств по самым различным признакам. Однако в целях соблюдения целостности научного подхода нами выбрана классификация, предложенная А.А. Новиковым [6; С. 84]. Преимущество выбранной нами классификации упомянутого выше ученого заключается в том, что в ней художественные средства типизируются по их непосредственному функционалу. Более того, автор выделяет их на две группы: первичные и вторичные средства художественной выразительности. Представим их в виде прямого списка:

Первичные художественные средства:

- Гипербола – умышленное преувеличение [12; С. 311]. Пример: «я не видел его сто лет».

- Метафора – перенос признака с предмета на предмет на основе их ассоциативной связи, субъективно воспринятого сходства [10; С. 408]. Пример: «время бежит».

- Сравнение – сопоставление изображаемого автором явления или предмета с другим объектом согласно общему им обоим определенному признаку [11; С. 792]. Пример: «любопытный, как Варвара».

- Эпитет – образное определение, характеризующее тот или иной объект [12; С. 487]. Пример: «застенчивое солнце».

Вторичные художественные средства:

- Аллегория – идейное или композиционное отображение определенного диалога или художественного образа [15; С. 52]. Пример: «белый голубь – мир во всем мире».

- Аллитерация - повторение однородных или одинаковых согласных в литературном произведении, придающее ему особую звуковую выразительность [15; С. 52]. Пример: «сам себе сомелье».

- Алогизм – отсутствие логического подхода к рассмотрению художественной ситуации [10; С. 64]. Пример: «ехала деревня мимо мужика».

- Ирония – изображение некоего отрицательного объекта или же явления в положительной манере с целью дискредитировать и высмеять таковое [13; С. 317]. Пример: «нищей бедноты парад – боже, боже, как я рад!»

- Метонимия – слово или словосочетание, которым заменяется смежное с ним понятие [12; С. 358]. Пример: «пить настой из ромашки – пить ромашку».

- Синекдоха - название части вместо названия целого, частного вместо общего и наоборот [13; С. 608]. Пример: «и слышно было до рассвета, как ликовал француз».

- Эпифора - повторение одного и того же слова в конце смежных речевых отрезков [14; С. 703]. Пример: «кругом одни деньги: в дружбе деньги, в милой деньги, будто деньги – каждый день».

Исходя из представленной выше классификации, мы можем наблюдать, что она демонстрирует 11 типов художественных средств выразительности, которые выступают в качестве художественного базиса того или иного литературного произведения.

Но прежде чем перейти к рассмотрению употребления ряда художественных средств выразительности в произведениях выдающегося турецкого писателя Азиза Несина, мы считаем необходимым указать на то, что данное изыскание построено на верифицированных переводах в области специалистов переводоведения и турецкого языкознания, каковыми являются Г. П. Александров, К. П. Глазунов [1]. Но тот факт, что нами анализируется не оригинальный текст произведений на турецком языке, а его эквивалент в русском, никоим образом не отражается на аутентичности художественного посыла автора, одними из составляющих которого выступают рассмотренные в классификации выше литературные средства.

В качестве материальной базы данного исследования нами было произвольно отобрано три произведения А. Несина, а именно рассказы «Он остается» [1; С. 2], «По сходной цене» [1; С. 22] и «Вот мы и поженились» [1; С. 54]. Проведение литературного анализа произведения «Он остается»

продемонстрировало, что в нем было использовано порядка 37 вариаций художественных средств. Представим их в виде таблицы:

Таблица 1

Художественное средство	Пример
Эпитет	Отсидка была тяжелой; старая пишущая машинка; жалкие пожитки; особое отвращение; презренная тварь; долгие поиски; потрепанный чемодан; трудное жильё; новое место; усиленные поиски; политическая деятельность и т.д.
Метафора	Ссылка доконала; торговля не идет; все оживилось; жизнь забила ключом; дело сладилось; к горлу подступил комок; на глаза навернулись слезы; все захиреет и т.д.
Метонимия	Торговцы; полицейские.
Сравнение	Одинокий как перст; оглядывали его, как презренную тварь; у нас стало жить как в городе.
Гипербола	Вы нам счастье принесли.
Аллитерация	Всем сообщить эту радостную весть.

При осуществлении анализа данного произведения нами было обращено внимание на следующее явление: в тексте автор употребляет следующие друг за другом эпитеты, которые при этом являются автономными. К примеру, «дешевый, маленький домик на далекой

окраине». В данной ситуации наглядно демонстрируется два независимых друг от друга объекта, характеризующиеся различными определениями (эпитетами). Данное явление нами было названо поликомпонентным художественным средством или художественным поликомпонентом. Отметим также и то, что подобные художественные средства необязательно в тексте предшествуют друг другу; напротив, они могут быть разъединены другими однородными членами, однако обязательным условием выступает их присутствие в одной структурно-синтаксической единице – в одном предложении. Помимо приведенного в пример выше поликомпонента, в тексте также присутствуют и такие варианты, как «большие деньги + доходное место», «бакалейная лавка + летняя кофейня» и «застекленный лоток + восточные сладости». Примечательно, что в качестве художественного поликомпонента в произведении преимущественно выступает именно эпитет.

Особое внимание при проведении данного исследования привлекло то, что автор пошел несколько дальше, чем заурядное использование художественных средств. В данном случае речь идет о том, что А. Несин вводил в текст объединенные воедино две различных художественных средства выразительности. Продемонстрируем это на примере, взятом из текста новеллы «Он остается»: «оглядывали его, как презренную тварь». Особенность употребленного данного художественного средства заключается в том, что в нем одновременно присутствуют два отдельных средства выразительности, а именно сравнение «как презренную тварь» и эпитет «презренную тварь». Данное уникальное явление нами было названо художественным синтезом.

Далее следует рассмотреть следующее произведение А. Несина, которое было проанализировано нами на наличие художественных средств выразительности, - «По сходной цене», чье количество равняется 14. Представим их в виде таблицы:

Таблица 2

Художественное средство	Пример
Эпитет	Потрепанная одежда; долгий взгляд; большой завод; столярный цех; хороший товар; любая работа; неплохой парень; доброе дело; прекрасные машины.
Метафора	Дверь распахнулась.

Нельзя не отметить тот факт, что нами в таблице отображены все имеющиеся в тексте, а, следовательно, использованные автором художественные средства. И, как мы можем наблюдать из взятой в качестве основной классификации, далеко не все из имеющихся в ней художественные средства находят свое отражение в тексте.

Следует сделать акцент на том, что в рассматриваемом здесь произведении также были обнаружены художественные поликомпоненты: «большая фабрика + утренний кофе», «ремесленное училище + первоклассный слесарь». К нашему всеобщему удивлению, в тексте посредством литературного анализа был обнаружен один случай употребления художественного синтеза: «Я буду работать так, что руки отвалятся». В данном случае наглядным образом демонстрируется использование такого художественного средства, как гипербола (очевидно, что данной контекстуальной ситуации «руки» физически не могут «отвалиться»). Но, более того, в данной фразе имеется ещё и скрытая гиперболой метафора «руки отвалятся». Таким образом, мы можем сказать, что в данном произведении, помимо стандартных и обозначенных классификацией художественных средств, использованы такие художественные приемы, как художественный поликомпонент и художественный синтез.

В качестве последнего произведения, формирующего материальную базу данного исследования, представляется «Вот мы и поженились». Приведем примеры использованных в тексте художественных средств (17 единиц):

Таблица 3

Художественное средство	Пример
Эпитет	Свадебное путешествие; хорошенький домик; золотое сердце; неспокойное море; самая дорогая брошь; пышная свадьба.
Метафора	Отели проходят.
Сравнение	Ты не как эти выскочки.
Гипербола	Три месяца будем бродить по свету!; это ни с чем не сравнится; разумней тебя не найдешь в целом свете.

Эпитет Свадебное путешествие; хорошенький домик; золотое сердце; беспокойное море; самая дорогая брошь; пышная свадьба.

Метафора Отели проходят.

Сравнение Ты не как эти выскочки.

Гипербола Три месяца будем бродить по свету!; это ни с чем не сравнится; разумней тебя не найдешь в целом свете.

Что касается отдельным образом выведенных нами литературных приемов, то в данном произведении они также встречаются.

Художественный поликомпонент: «скромная девушка + с хорошим вкусом» (директива эпитета).

Художественный синтез: «ты настоящий ангел» (эпитет, гипербола); «недовольные найдутся!» (эпитет, метонимия, метафора); «наше гнездышко» (эпитет, метонимия).

Вывод: благодаря проведению данного научного изыскания нам представилась возможность осуществить детальный литературный анализ выборочных произведений одного из самых выдающихся писателей-новеллистов в турецкой литературе Азиза Несина, в ходе которого было выявлено точное количество использованных художественных средств и их типизация. Более того, было уделено отдельное внимание комплексному

подходу к отображенным автором в текстах своих произведений средствам выразительности. Последнее позволило обнаружить, что, кроме обычных поддающихся выбранной фундаментальной классификации художественных средств, имеют место такие литературные приемы, как художественный поликомпонент и художественный синтез, сущность которых в полной мере описывается в данном исследовании.

Список использованной литературы:

1. Александров Г. П., Глазунов К. П. Азиз Несин. Избранное. - М.: Наука, 1974. - 150 с.
2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. — М., 1991. – 217 с.
3. Гиршман М. М. Литературное произведение: Теория и практика анализа. — М., 1991. – 322 с.
4. Зворыгина О.И. Сравнение как компонент системы образных средств русской литературной сказки // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. - 2011. - С. 57-60.
5. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006. – 840 с.
6. Литературная энциклопедия. В 11 т.; М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского. 1929—1939. – 517 с.
7. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель. Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. – 1995. – 1152 с.
8. Малзурова Л.Ц. Роль художественных средств в бурятских легендах и преданиях // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. - 2011. - №10. - С. 233-237.

9. Новиков А. А. Художественный текст и его анализ. — М., 2007. – 192 с.
10. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 3 изд., стер. - Москва: Азъ, 1996. - 907 с.
11. Пшизова А.К. Художественные средства создания исторического колорита в новеллистике Тембота Керашева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. - 2012. - С. 119-123.
12. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка: Около 100000 слов / Д.Н. Ушаков. - М.: Аделант, 2013. - 800 с.
13. Червоний А.М. Выражение движения мысли художественными средствами языка (на материале романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание") // Известия Южного федерального университета. Технические науки. - 2010. - С. 29-34.
14. Чичканов Е.С. Интерактивность как средство художественной выразительности // Вестник Костромского государственного университета. - 2009. - №4. - С. 309-314.
15. Энциклопедический словарь / Ред. кол.: Н.М. Сикорский, гл. ред., О.Д. Голубева, А.Д. Гончаров, И.М. Дьяконов и др. – Москва: Изд-во Сов. энциклопедия, 1981. – 664 с.
16. Gümüş, Semih. "Öykünün Dünyası ve Eleştirisi". Adam Öykü 23 (Temmuz-Ağustos 1999): 100-110.
17. İleri, Selim. "Türk Öykücülüğünün Genel Çizgileri". Türk Dili Türk Öykücülüğü. - Özel Sayısı 286 (1 Temmuz 1975): 2-20.
18. Öztokat, Nedret Tanyolaç. "Çağdaş Türk Yazınında Kısa Kısa Öykü". Adam Öykü 12 (Eylül-Ekim 1997): 41-50.

**КРЫМСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ, ПОЭТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ –
ГАЗЫ ГЕРАЙ ХАН II (1554 – 1607)**

**Усеинов Тимур Бекирович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры крымскотатарской филологии**

Аннотация. В статье исследуется жизнь и творчество легендарного средневекового крымского правителя – Газы Герая хана II (1554–1607), писавшего под литературным псевдонимом “Газай”, освещается степень изученности его поэзии. На основе анализа малого сборника газелей (диванче) поэта выделен тематический спектр, индивидуальный стиль, творческие параллели между стихами крымского автора и общепризнанных поэтов-классиков Востока.

Ключевые слова: Восток, средневековая крымскотатарская литература, Газай, семантика.

**THE CRIMEAN RULER, POET AND ENLIGHTENER –
GAZY GERAY KHAN II (1554 – 1607)**

Annotation. The article explores the life and work of the legendary medieval Crimean ruler – Gazy Geray Khan II (1554–1607), who wrote under the literary pseudonym “Gazai”, highlights the degree of knowledge of his poetry.

Based on the analysis of the small collection of gazelles (divanche) of the poet, the thematic spectrum, individual style, and creative parallels between the poems of the Crimean author and generally recognized classical poets of the East are highlighted.

Key words: East, medieval Crimean Tatar literature, Gazai, semantics.

Одной из самых ярких страниц в истории крымскотатарской литературы является поэзия Крымского ханства классической эпохи.

XVI век становится для литературы Крыма временем развития и процветания. Классическая эпоха крымскотатарской литературы совпадает с периодом наибольшего военного могущества Османской империи и Крымского ханства как её составной части.

Прежде всего, новые гуманистические тенденции обнаруживаются в лирических произведениях светской литературы. Произведения Усеина эфенди Кефевий (...–1601), Газы Герая хана II (1554–1607), Резмий Бахадыр Герая хана (1602?–1641), Хаджи Селим Герая (...–1700) объединяют в себе

две богатейшие традиции – поэзию, выросшую на иранской “классической” культуре и вольнодумную народную поэзию.

Газаи, Бора Газы Герай хан II (1554, Крым – 1607, крепость Темрюк), крымскотатарский поэт, мыслитель, композитор-исполнитель и государственный деятель. Будучи сыном тринадцатого крымского хана – Девлет Герай хана I, он дважды занимал престол Крымского государства (1588–1596, 1596–1607).

Неоднократно принимал участие на стороне Османской империи в ирано-турецкой войне 1578-90 гг. В одном из боёв попал в плен. Непродолжительное время провёл в темнице Кахкаха (ныне посёлок Каахка, Марыйской области Туркменистана). Вскоре был освобождён из-под стражи и переведён на привилегированное положение. Это дало ему возможность перебежать в расположение османских войск. Так же проводил многочисленные военные походы против государств-соседей. Погребён в Бахчисарайском ханском дворце.

Пользовался, однокоренным с собственным именем, поэтическим псевдонимом “Газаи”. Написанное на крымскотатарском, османском и персидском языках его литературное наследие считается классическим. Это малый сборник – “Диванче”, поэмы-месневи “Гуль ве Бульбуль” (“Роза и Соловей”), “Долап” (“Мельничное колесо”), несохранившаяся до наших дней поэма-месневи “Кахве ве Баде” (“Кофе и Вино”), явившаяся “ответом” (назира) на творчество азербайджано-персидского поэта-классика Мухаммеда Физули (1494–1556), а также целый ряд стихотворных произведений на героико-патриотическую, сатирическую, философско-дидактическую, повествовательную тематики.

Борец против произвола – Газаи осуждает злоупотребления властью высокопоставленных вельмож, обличает взяточничество, воспекает милосердие и великодушие. Прослеживается влияние на творчество Газаи целого ряда поэтов-предшественников: Джелаледдина Руми (1207–1273), Лютфи (1366/67–1465/66), Алишера Навои (1441–1501), Мухаммеда Физули (1494–1556), Мухибби (Султана Сулеймана Великолепного (1495–1566), Неви (1533/34–1599).

Неповторимое своеобразие поэзии Газы Герай хана II вызывают в XIX-XX веке неподдельный интерес целого ряда учёных: Ф. Хартахай, Й. Хаммер-Пургшталь, И. Франко, Б. Чобан-заде, О. Акчокраклы, А. Гирайбай, Э. Шемьи-заде, Усеинов Т.Б. [3, 4] и др.

Произведения Газай переведены на русский, украинский, немецкий и другие языки. Рукописи произведений поэта хранятся в крупнейших библиотеках России, Турции, Украины и других стран.

Краткий обзор поэтического наследия Газы Герай хана II (1554-1607)

В данную эпоху наблюдается тенденция к вытеснению из различных областей государственной и общественной жизни арабского и персидского языков и расширению ареала использования крымскотатарского языка.

Культурное движение классического характера – одно из волн возрождения и самоопределения тюркских народов, начавшихся в Средней Азии и перекинувшихся на Передний Восток, дав миру такие личности, как Алишер Навои (1441–1501) и Мухаммед Физули (1495–1556).

Видные представители гуманистической мысли классической эпохи, и в том числе Газы Герай хан II (1554–1607), пользовавшийся однокоренным с собственным именем поэтическим псевдонимом “Газай” находятся под влиянием вышеупомянутых поэтов, воспевают идеал человека, развитого всесторонне, патриота, защитника собственного языка, чтящего духовные ценности, способного к уличению и осуждению нравственных пороков.

В произведениях Газай, как яркого представителя своего времени и человека образованного, в значительной степени получило отражение творчество целого ряда общепризнанных поэтов-классиков Востока.

Совершенство поэтических форм Руми (1207–1273), закодированное и потрясающее своей глубиной гуманистическое содержание творчества в огромной степени имело влияние на мистические, лирико-мистические и философско-дидактические произведения крымского поэта.

Говорить о литературном явлении НАЗИРА, имея ввиду некоторое семантическое сходство произведений поэтов, нельзя, однако факт влияния творчества Руми всё-таки присутствует.

В поэтическом наследии Физули (1494–1556) крымского последователя привлекает гуманистическое начало. Особо отметим лирические произведения азербайджанского классика. Темы утверждения права человека на земную любовь, стремление достичь “увы недостижимого” совершенства в любви, а также мистическая направленность заимствуются Газаи. Во многих случаях “аллегория и перифраз, метафора и остроумные высказывания, имеющие двойной смысл, стиль заимствованы у Физули” [5; с. 33].

Необходимо особо отметить влияние на Газаи творчества великого узбекского поэта Алишера Навои (1441–1501). Эмоциональная напряжённость, глубина содержания, сила художественного воздействия на читателя, а также выступление за “укрепление позиций тюркского-староузбекского языка” [2; с. 217] особо заостряют на себе внимание Газаи. Он, исследуя произведения предшественника, развивает и укрепляет собственным творчеством позиции родного тюркского языка, и как итог сделанного выглядит месневи “Гуль ве Бульбуль” (“Роза и Соловей”), написанная на чагатайском языке. Существующие ответные строки Газаи не уступают образцу по мелодичности и благозвучию, а также по лаконичности и семантической насыщенности.

Одним из самых значительных поэтов Османской империи является Мухибби, или же Султан Сулейман Великолепный (1495–1566). Доведший турецкую газель до совершенства, Мухибби имел большое одухотворяющее влияние на крымского поэта. Существует прямая параллель между газелями двух авторов. Стихотворения близки по духу, характер воспевания любви, манера изъяснения, размер и рифма так же идентичны.

Непосредственно исследуя поэтическое наследие Газаи, отметим, что основное место в его творчестве занимают любовно-лирические произведения. Для Газаи любовь – “суть мира”.

Хотя она иногда бывает беспощадна подобно “селю”, “потокам”, поэт непоколебим в своём желании броситься с головой в эту стихию и “пасть жертвой”.

В сюжетных произведениях поэт воссоздаёт прямо или косвенно целый ряд историй любви, широко распространённых на Востоке, – Роза и Соловей, Юсуф и Зулейха, Фархад и Ширин, Лейля и Меджнун.

Одно из ключевых мест в произведениях, воспевающих земную любовь, занимает образ возлюбленной. Она традиционно объединяет в своём лице всё положительное, присущее человеку.

В то же время в ряде произведений она изображается как источник всех бедствий и страданий, падающих на голову влюблённого.

Образ влюблённого в лирических произведениях Газаи – не всегда образ безвыходно страдающего и терпящего горести любви человека. Влюблённый в целом ряде произведений изображается как настоящий мужчина, носитель таких качеств, как отвага, благородство, верность идеалам, целеустремлённость, настойчивость. Влюблённый – по сути человек, одержимый чувством, человек – ценитель красоты.

В некоторых лирических произведениях отводится место образу соперника. Традиционно этот образ является полной противоположностью влюблённому: он не воспитан, груб, бессердечен, жесток и т.п.

Наряду с понятием земного чувства любви в творчестве Газаи присутствует понятие “мистическая любовь”. Поэт воспринимает реальную человеческую земную любовь как этап на пути к постижению Всевышнего.

Подобно паломникам-мусульманам, совершающим ритуальный обход вокруг Каабы, влюблённый ходит вокруг жилища своей возлюбленной. Отказавшись от щедрот бренного мира, он мечтает лишь о встрече с ней. По мнению Газаи, понятия “душа” и “любовь” взаимосвязаны. Взамен любви поэт может предложить лишь собственную душу.

Газаи заметно расширил тематику лирики, обострил её социальную направленность. Вслед за Навои им была переработана “традиция, в силу

которой любовные чувства составляли единственный или почти единственный объект описания” [1; с. 15].

Ряд произведений Газаи прославляют чувство патриотизма, любовь к вере и готовность встать на защиту общечеловеческих ценностей.

Главный герой произведений – человек мудрый, являющийся для окружения примером духовности и нравственности. Земные богатства имеют второстепенный характер для героя. В героических произведениях воспевание женской красоты отходит на второй план. Защита государства и веры – вот что первостепенно:

*Стягу мы преклоняемся стана поглощающей душу вместо,
К бунчуку душу привязываем благоухающих локонов вместо...* [5; с. 37].

Героические произведения призваны повысить, укрепить духовные и нравственные идеалы общества, придать уверенность в собственных силах и определить предстоящие цели, по достижению которых наступит всеобщее процветание.

Социальная критика Газаи сродни критике Навои и Физули. Главной задачей литературы крымский поэт считает утверждение прекрасного и борьбу против социального зла. Его сатира “не направлена на отдельную личность, произведения остро показывают недостатки социальной жизни” [5; с. 40]. Темы взяточничества, нечистоплотности судей и религиозных вельмож, показное расточительство и роскошь высокопоставленных лиц, беспорядки, царящие в сфере просвещения, особо акцентируются в произведениях данной тематики.

Обличая и подвергая критике действительность, великий гуманист средневекового Крыма искренне верит в “оздоровление общества”.

Особое место в творчестве Газаи занимает дидактика. Существуют отдельные стихи и поэмы, полностью несущие дидактическую мысль. Они посвящены проблемам жизни общества, проповеди высоких идеалов и принципов, напоминанию о бренности коварного мира и т.п. Его строки утверждают превосходство людей высокой нравственности над теми, кто игнорирует справедливость и моральные устои.

Необходимо отметить, что до настоящего времени не отмечено работ, исследовавших поэтику творчества Газаи. В данной работе предпринята попытка осветить такие вопросы, как архитектоника, композиция, стихотворные метры и рифма произведений крымского автора.

Ценнейшее литературное наследие Газаи оказало огромное влияние на целый ряд видных поэтов. Косвенно оно ощущается в творчестве современника Газаи, крымского поэта, Усеина эфенди Кефевий (...–1601), турецких поэтов XVIII века Хюсейна Бедри паши и Козаноглу Дженаб Мухиддина, а также Бурсалы Мехмед Тахир бея (1861–1926).

Опыт следования произведениям Газаи имел огромное значение для развития и дальнейшего расцвета дворцовой крымскотатарской литературы XVII – начала XVIII вв. Большинство поэтов дивана ощущали на себе воздействие мыслей и форм своего великого предшественника. Данный процесс продолжается и по сей день.

Несмотря на значительность данной фигуры, литературное наследие Газы Герай хана II мало изучено. Он стал одним из первых ярких поэтов классической эпохи, заявивших о себе и во многом повлиявших на качественный скачок в развитии крымскотатарской дворцовой литературы.

Литература:

1. *Навои Алишер. Поэмы* / Библиотека всемирной литературы / Сост. А. Каюмова. – М.: Худож. литература, 1972. – 815 с.
2. *Навои* // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1974. – Т.17. – С.194-195.
3. *Усеинов Т.Б.* Поэтическое наследие Газаи: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – крымскотатарская литература – Симферополь, 2000. – 20 с.
4. *Усеинов Т.Б.* Семантический аспект поэзии Газаи (газельное наследие крымского хана). Монография. Книга 1. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 140 с.
5. *Ertaylan I.H.* Gazi Geray han. Hayati ve eserleri. – Istanbul, 1958. – 91 s.

МЕТРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРНЫЕ ФОРМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ АШЫКСКОЙ ПОЭЗИИ

Усеинов Тимур Бекирович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры крымскотатарской филологии

Аннотация. В статье рассматривается сущность и особенности применения метрических стихотворных форм в рамках крымскотатарской ашыкской поэзии. Отмечается их арабское происхождение, за редким исключением (месневи, рубаи).

Ключевые слова: Восток, крымскотатарская ашыкская литература, метрика, формы поэзии.

METRIC VERSES FORM MEDIEVAL CRIMEAN TATARIAN ASHYK POETRY

Annotation. The article discusses the nature and features of the use of metric poetic forms in the framework of the Crimean Tatar Ashyk poetry. Their Arabic origin is noted, with rare exceptions (mesnevi, rubai).

Key words: East, Crimean Tatar Ashyk literature, metric, forms of poetry.

Крымскотатарская ашыкская метрическая поэзия в подавляющем большинстве написана арабскими формами поэзии [2, с. 85-92]. Поэты-ашыки весьма успешны в метрическом стихосложении. Следствием их подражания сочинителям дивана стало то, что средневековая крымскотатарская ашыкская поэзия содержит, наряду с силлабическими формами, написанными на основе пармака, также метрические произведения, сочинённые на основе аруза.

В период Крымского ханства наибольшее распространение получили следующие метрические формы поэзии:

Везн-и ахар (везн-и ахар) – “форма поэзии, слагающаяся арузом, согласно рукну mustefilatun mustefilatun mustefilatun mustefilatun” [3, с. 362].

Встречаются везн-и ахар, написанные на основе двустиший, трёхстиший и четырёхстиший. Данные произведения пишутся поэтами-виртуозами, так как требуют особого технического мастерства.

Строка, как правило, делится на четыре равные части, каждая из которых соответствует рукну *mustefilatun*.

Всевозможные манипуляции отмеченными рифмованными (ритмическими) составными частями строки (и строфы, в целом) приводят к тем или иным, в большей степени “математическим” схемам. Рассмотрим наиболее применяемые формулы написания *везн-и ахар*:

а) В рамках двустиший, которые рифмуются по типу газели (AA | BA | CA | DA...): 1 2 3 4 / 4 5 6 7

Порой мисра разделяется не на четыре части, а на две: 1 2 / 2 3

б) В рамках трёхстиший, рифмующихся по схеме (AAA | BBA | CCA | DDA...): 1 2 3 4 / 4 5 6 7 / 7 8 9 10

В случаях, когда мисра разделяется на две части, их расположение выглядит следующим образом: 1 2 / 2 3 / 3 4

в) Отметим наиболее применяемые формулы *везн-и ахар* в рамках четверостиший, которые рифмуются по типу мурабба (AAAA | BBBA | CCCA... или AAAB | CCCB | DDDV...): 1 2 3 4 / 2 3 4 5 / 3 4 5 6 / 4 5 6 7;

другой вариант: 1 2 3 4 / 4 5 6 7 / 7 8 9 10 / 10 11 12 13

Выделим разновидность описанной формы поэзии, которую назовём произвольная *везн-и ахар* (*сербест везн-и ахар*). Составные рифмованные части мисры в этих произведениях не поддаются какой-либо схеме и используются автором в произвольном порядке: 1 2 3 4 / 3 5 6 7 / 8 1 6 9 / 3 7 4 10.

Необходимо отметить, что средневековые поэты при написании этих стихотворных произведений, в первую очередь, обращают внимание на техническую сторону, тем самым (по их мнению) подтверждают своё мастерство в области стихосложения. Это стремление авторов неизбежно отрицательно отражается на семантической нагрузке произведения.

Одной из народных форм, пишущихся арузом, является диван (диван), часто называемый дивани (дивани). “Это стихотворные произведения, написанные в форме газель, мурабба, муседдес и мухаммес, в соответствии с рукном *failatun failatun failatun failun*” [3, с. 354].

Приведём в пример дивани из творчества Мустафа Джевхери (...–1715-16), написанный в стихотворной форме мурабба, по схеме рифмовки: ААВА | СССА | ДДДА... Пример: “Gönlümü kıldı perişan derd ile efkar meded...” [1, с. 365-366].

Дивани также пишутся в форме газели по схеме рифмовки, традиционной для этой формы поэзии: АА | ВА | СА | DA...

Нередко в ашыкской метрической поэзии используется расширенное дивани (кениш дивани) [термин автора]. Данная разновидность образуется вследствие прибавления к основной строке дивани, написанной в форме газели, соответствующей рукну failatun failatun failatun failun, короткой строки, после каждой мисры, согласно рукну failatun failun. При этом рифма короткой строки должна дублировать рифму предыдущей, основной мисры.

Таким образом, схема рукнов бейта расширенного дивани, в форме газели, выглядит так:

failatun failatun failatun failun

failatun failun...

В творчестве народных поэтов (ашыков), достаточно часто, используется форма поэзии – календери (къалендери). “Написанная арузом, согласно рукна mefulu mefailu mefailu faulun, в форме газель, мурабба, муседдес и мухаммес стихотворное произведение” [3, с. 359].

Отметим, что основное количество календери, в крымскотатарской метрической поэзии, пишется в форме газели. Приведём пример из творчества Мустафы Джевхери (...–1715-16). Пример: “Göster güzelim hüsnüne hayran olayım ben...” [1; с. 367].

Сатранч (сатранч) – “написанное арузом в рукне mufteilun mufteilun mufteilun mufteilun, в формах поэзии газель и мусаммат лирическое произведение” [3, с. 362].

Оно характеризуется довольно продолжительной (в шестнадцать слогов) мисрой. Отсюда и разделение строки тремя цезурами на четыре равных рифмующихся отрезка. Данная форма довольно редко пишется крымскотатарскими ашыками.

Отметим сатранч Ашыка Омера (...–1707) в форме газели. Автор делит мисру на четыре равные составные рифмованные части и использует внутреннюю рифму. На схеме это изображается следующим образом:

AAAA

AAAA

BBBB

BBBA...

Пример: “İtme cefa | bana şeha | cevri reva | görme seza...” [1; с. 359].

Селис (селис) – “написанная арузом, соответствующая рукну feilatun feilatun feilun, в форме мурабба, муседдес и мухаммес стихотворное произведение” [3, с. 360]. Селис традиционно рифмуется подобно таким формам поэзии, как дивани, календери и семаи.

Семаи (семаи) – лирическое “произведение, написанные в арузе, согласно рукна mefailun mefailun mefailun mefailun и в форме газель, мурабба, муседдес и мухаммес” [3, с. 356].

Подобные семаи, наряду с кошма, являются самыми излюбленными формами в творчестве крымскотатарских поэтов – Веджихи (...–1660), Шефий (...–1671-72), Ашыка Омера (...–1707) и Мустафы Джевхери (...–1715-16) и др. В виде примера, предлагаем семаи средневекового крымскотатарского поэта – Ашыка Омера, в форме газели и соответствующей схеме рифмовки: AA | BA | CA | DA... Пример: “Semalin dilbera bağ-i İrem’dür de ne dersen de...” [1, с. 364].

В большом количестве стихотворцы пишут семаи в форме мурабба по традиционной схеме рифмовки: AAAB | CCCB | DDDB...

В представленном ниже отрывке указана семаи, написанная по несколько видоизменённой схеме: AABA | CACA | DDDA... Пример: “Bu gün sananı gördüm kemalî şad ü hurremdir...” [1, с. 367-368].

Существует разновидность данной формы поэзии называемая расширенное семаи (кениш семаи) [термин автора]. Когда после каждой мисры семаи, построенной в форме мурабба и в соответствии с рукном mefailun mefailun mefailun mefailun, следует дополнительная, в два раза короче, мисра, соответствующая рукну mefailun mefailun.

Четверостишие (бент) расширенного семаи можно отобразить на схеме следующим образом:

mefailun mefailun mefailun mefailun
mefailun mefailun
mefailun mefailun mefailun mefailun
mefailun mefailun...

Ещё одна разновидность расширенного семаи строится по следующей, в большей степени математической, формуле. Строка делится на четыре равнозначные рифмованные части, каждая из которых соответствует рукну “mefailun”. При этом последующая, новая строка начинается с повтора второй части первой мисры. Начало же третьей строки повторяет вторую рифмованную часть второй строки и т. д.

Обозначив составные рифмованные части мисры четверостишия цифрами, можно сказанное отобразить следующим образом: 1 2 3 4 / 2 3 4 5 / 3 4 5 6 / 4 5 6 7

Наиболее распространённой темой, освещаемой в семаи, написанных как на основе пармака, так и на основе аруза, бесспорно, остаётся лирика.

Достаточно частые нарушения правил аруза в рамках народной литературы обычно объясняются недостаточной образованностью народных поэтов в области грамматики и стихосложения. Это не касается ашыков-классиков, таких, как Ашык Омер (...–1707) и Мустафа Джевхери (...–1715-16), хотя и в их творчестве встречаются погрешности подобного рода.

Выводы. – Средневековая крымскотатарская ашыкская поэзия содержит, наряду с силлабическими стихами, метрические стихотворные произведения. Данный факт – это следствие подражания народными авторами поэтам дивана;

– Большинство форм крымскотатарского дивана арабского происхождения и лишь единицы – персидского (маснави, рубаи).

Литература:

1. *Усеинов Т.Б.* Ритм и образ в крымскотатарской письменной поэзии классического периода (конец XVI–начало XVIII вв.): монография. – Симферополь: КРП “Издательство “Крымучпедгиз”, 2012. – 424 с.

2. *Усеинов Т.Б.* Семантический аспект поэзии Газаи (газельное наследие крымского хана). Монография. Книга 1. – Симферополь: КРП “Издательство “Крымучпедгиз”, 2008. – 140 с.

3. *Dilçin C.* Örneklerle Türk Şiir bilgisi / Cem Dilçin. – Ankara: Bizim büro Basimevi, 1997. – 529 s. – ISBN 975-16-0489-3.

СУЩНОСТЬ ПРОКЛЯТИЙ И ЗАЩИТНЫХ ЗАГОВОРОВ, ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ СТЕПНЫМИ КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ В ПОСЛОВИЦАХ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

**Усеинов Тимур Бекирович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры крымскотатарской филологии**

Аннотация. Несмотря на исламский запрет, магия активно используется в устном народном творчестве степных крымских татар рубежа XIX-XX вв. В статье рассматриваются сущность и особенности применения негативных словесных формул и защитных заговоров, предлагается их классификация, отмечается отношение к ним авраамических религий. Исследования паремиологического фонда степных крымских татар позволили выделить также проклятия в рамках малых жанров устного народного творчества.

Проклятия и защитные заговоры распространены во всех культурах мира. Так же, как и в случае с гаданием, мусульманский запрет на колдовскую деятельность не возымел действия, а проклятия применяются степными крымскими татарами и сегодня.

Ключевые слова: крымские татары, общественные науки, лингвистика, метафизика духовной жизни, оккультизм, магия.

Проклятия и защитные заговоры, применяемые крымскими татарами, проживающими в степном Крыму, совершенно не изучены. Исследование подобного текстологического материала производится впервые. В целях нераспространения большинство оригинальных текстов проклятий в статье не приводится, а предлагается их смысловой перевод.

Проклятия и защитные заговоры распространены во всех культурах мира. Так же, как и в случае с гаданием, мусульманский запрет на колдовскую деятельность не возымел действия, а проклятия применяются степными крымскими татарами и сегодня. Данная практика, будучи вербальным ритуалом, посредством слова, служит для нанесения ущерба лицу, либо группе людей (семье, роду и т.д.) на короткий срок (продолжительность жизни), либо на долгосрочную перспективу (на

поколения наследников проклинаемого). Причём проклятие может начать “действовать” как сразу, так и по истечению некоторого времени после его озвучивания.

Области применения проклятий также различны – от бытовых, затрагивающих сферу интересов отдельно взятого индивида, до глобальных, оказывающих воздействие на ход исторических событий.

Вызывает интерес отношение авраамических религий к использованию негативной словесной формулы.

Прежде всего, отметим признание данного ритуала в Иудаизме и как подтверждение этому использование (часто публичного) коллективного акта проклятия, носящего название “Пульсей де-нура” (*арам.* פולסא דנורא, “удар огня»), имеющего “воздействие” только по отношению к единоверцу [4].

Необходимо упомянуть и традицию “проклятия устами праведника”, имеющую место в еврейской среде.

В Библии ритуал проклятия продолжает упоминаться в связке с деяниями святых. Пророк Элиша (пророк Елисей) проклял малых детей и их тотчас убили хищники: “И пошёл он [Елисей] оттуда в Вефиль. Когда он шёл дорогою, малые дети вышли из города и насмеялись над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребёнка” (4 Книга царств 2:23,24) [1].

В 21 главе Евангелия от Матвея (стихи 18-19) встречаем описание факта проклятия Иисусом смоковницы за несколько дней до его казни на Голгофе: “Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла” [1].

Ислам заявляет об отрицательном отношении к ритуалу проклятия, который, несмотря на это, активно используется мусульманами на бытовом уровне.

Абу Дауд¹ пишет, что пророк Мухаммад предупреждал о серьёзности данного шага и тяжёлых его последствиях: «Знайте, что проклятья того, кто несправедливо проклинает других, вернутся к нему» (Абу Давуд, Адаб, 4908) [13].

В Исламе не поддерживается и озвучивание проклятия в адрес иноверца.

Имам Муслим² повествует о том как соратники обратились к пророку Мухаммаду «Призвать проклятия на идолопоклонников!» Он ответил: «Я послан в качестве милости, а не как проклинающий!» (Муслим, Бирр, 2597) [13].

Отметим, что авраамическими религиями объявлен тяжелейшим грехом и наложен строжайший запрет на проклятие Тв-рца и собственных родителей.

Будучи, не подлежащим отмене, актом отчаяния, проклятие несёт эмоциональную окраску ненависти, сопряжённую с безысходностью, которая находит отражение в воспроизводимом скверном энергетическом импульсе.

Существует и защитная функция проклятий, когда негативная словесная формула направлена на лицо, заведомо совершающее злодеяние (расхитителя могил, кладов и т.д.).

Заслуживает внимания классификация проклятий в Иудаизме, как одной из авраамических религий: “Проклятие в талмудической литературе выражалось в трех формах: обращение к Богу, чтобы Он послал смерть или несчастье определенному лицу; произнесение слов проклятия; устремленный гневный взгляд” [3, с.1]. Данное разделение мы и возьмём за основу.

В процессе развития древних эмбриональных форм религии укрепляется вера во всемогущество божественных сил и возможность привлечения их “на свою сторону” с помощью слова, обеспечив тем самым собственную защиту, а также, зачастую, достижения личного,

¹ Абу Дауд (*араб.* السجستاني داود أبو; 817, Систан – 888, Басра) – известный исламский учёный-хадисовед

² Имам Муслим (*араб.* مسلم إمام; 821, Нишапур – 875, Нишапур) – признанный исламский б-гослов и хадисовед

меркантильного интереса (вне зависимости от нравственного содержания). Вероятно, эта мотивация и послужила причиной появления указанного выше *первого вида* проклятий. Отмеченная постановка сохранилась и в рамках современных авраамических религий, когда вслух или же в мыслях проклинаящий, для усиления эффекта, взывает Небеса к помощи в нанесении урона кому-либо.

В негативных словесных формулах степных крымских татар наблюдается обращение к Аллаху за содействием. Одна группа этих проклятий направлена на нанесение увечий частям тела проклиняемого, другая же на ниспослание ему наказания, несчастья и беды, в целом.

Второй вид проклятий (“произнесение слов проклятия” от первого лица), носящий традиционный характер, также широко представлен в паремиологическом фонде степных крымских татар.

Особенностью применяемых негативных словесных формул данной разновидности является то, что большинство из них носят *соматический характер*. Урон зачастую видится лишь в нанесении телесных повреждений, которые должны привести к осложнению пребывания проклиняемого на этом свете.

О летальном исходе в соматических проклятиях речи не идёт. Их можно разделить на упоминающие части тела человека и упоминающие его органы:

части тела человека – желают гниющую руку, сломанную ногу, сломанную поясницу и др.;

органы человека – желают выдолбленное глазное яблоко, вываленный (вылезший) глаз, раздавленные внутренности (печень) и др.

Некоторые проклятия призваны нарушить те или иные физиологические функции человека, не претендуя на смертельный исход: призывают к нарушению деторождения, к не прекращаемому кровотечению изо рта, к послаблению стула, к ослеплению и др.

Часто, семантика, позволяет проследить этимологию проклятий. Представленная ниже двойная негативная словесная формула содержит историческую информацию о древних методах казни – через повешение и

посажение на кол: **Йип богъзынъа, къязыкъ котинъе – Йип богъзынъа, къязыкъ котинъе** – Верёвка твоему горлу, кол твоей заднице [8]¹.

Более того, со времён античности и до средневековья словесные формулы “йип богъзына” (“верёвка его горлу”) и “къязыкъ котине” (“кол его заднице”), в той или иной фонетической редакции, по всей вероятности, использовались пращурами степных крымских татар, как публично озвучиваемые формулировки обвинительного приговора смертнику.

Часто приведённое выше двойное проклятие используется как две самостоятельные негативные словесные формулы. Через столетия упомянутые разновидности казни утратили свою актуальность, однако словесная формула с пожеланием смерти, усиленная отсылкой к некогда происходившим историческим событиям, сохранилась. Данное проклятие небрежно используется сегодня и на бытовом уровне, неся эмоциональную нагрузку безразличия, применяясь в значении: “Мне всё равно, что ты говоришь”.

Отметим ещё одно проклятие по аналогии с представленным выше примером, упоминающее манипуляцию с деревянным колом, как метода казни – в данном случае кол вбивают в рот. Этот эпизод также предполагает смертельный исход: **Агъзынъа агъач кирсин – Авзынъа агъач кырсын** – Пусть тебе в рот забьётся кол [5, 6].

Данная словесная формула до сих пор нерадиво используется народом для отображения возмущения происходящим, в значении: “Что же это такое?!”, “Сколько же можно?!”

Нельзя оставить без внимания и некоторую часть проклятий, носящую крайне агрессивный, классический для жанра характер, видящую лишь летальный исход, как единственный и бесповоротный результат произведённого действия. Данные клише коротки в объёме (один-три слова), но содержат сконцентрированный мощный негативный посыл, который можно коротко охарактеризовать значениями: “Сдохни!”, “Сгинь!” и т.д.

¹ Примеры в статье предлагаются по следующей схеме: стандартный литературный крымскотатарский вариант пословицы – диалектный степной крымскотатарский вариант пословицы – смысловой русский перевод пословицы

Проклятия степных крымских татар видится целесообразным разделить ещё на два направления:

безоговорочно “вступающие в силу” после их озвучивания и в содержании которых изначально заложено условие, при котором оно “начнёт действовать”.

Проклятия первой разновидности необязательно начинают “работать” сразу же после их произнесения – до этого момента может пройти некоторое время, но сам негативный посыл уже “отправлен”, “ящик Пандоры открыт” и его нельзя “отменить”. Примеры: проклинаемому желают прилипший к нёбу язык, сломанную руку, состояние здоровья, не позволяющее ему дойти до дома и др.

Вторая разновидность проклятий может и вовсе не “начать действовать”, т.к. не наступило заложенное в его содержании условие, выполняющее роль “ключа в запуске механизма”. К примеру, если проклинаемый плохо выскажется о ком (о чём), то пусть у него отнимется (онемеет) язык; если проклинаемый проявит себя, как завистник (ненавистник) или же посмотрит нездоровым взглядом, то пусть у него вылезет глаз и др.

В процессе исследования становится ясно, что народные массы в полной мере не осознают и не придают значения серьёзности озвучивания негативных словесных формул (проклятий), которые часто применяются безотчётно – в бытовой сфере.

Исследования паремиологического фонда степных крымских татар [9, 10, 11] позволили выделить также проклятия в рамках малых жанров устного народного творчества. Рассмотрим пословицы рубежа XIX-XX вв.: **Яз яткъаннынъ янбашы сынсын, къыш юргеннинъ аягъы сынсын – Джаз джаткъаннынъ джанбашы сынсын, къыш джюргеннинъ аягъы сынсын** – У пролежавшего всё лето пусть бедро сломается, у проходящего всю зиму пусть ноги ломаются [12]; **Менден сонъ дюнъя тютюз олсун – Менден сонъ дунъя тум туз болсун** – Пусть станет совершенно плоским мир после меня [12].

По мнению народа, не всякому проклятию суждено воплотиться в жизнь, особенно из уст часто проклинаящих: **Сынъырсыз къаргъыш ерини тапмаз – Джыкъсыз къаргъыш джерин тапмаз** – Бесконечное проклятье не воплотится [12].

Защитные заговоры

Причиной “нереализованности” проклятий могут служить несколько факторов – от “непрофессионализма” проклинаящего и до чудесного “противодействия” отрицательной энергетике защитных заговоров, озвученных вслух или проговоренных мысленно самим проклинаяемым, а иногда третьим лицом – его “защитником” (колдуном и др.).

В качестве “щита” перед злой энергетикой рассматривается, прежде всего, психологическое состояние “объекта нападения” – его способность совладать с собственными ответными эмоциями, сохранение по отношению к создавшейся ситуации хладнокровия, безразличия и блокировка, таким образом, злой энергетике “на подступах к себе”.

Следующее средство – ответный защитный заговор, произносимый как можно скорее после “введения в действие” всех трёх видов проклятий по Каценельсону Л. и Гинцбургу Д.Г. [3].

По сути, защитные заговоры, в подавляющем большинстве, представляют собой те же проклятия, только несущие ответный, защитный характер. Порой, не уступая в агрессивности традиционным проклятиям, они призваны “сработать” по принципу “клин клином вышибают” или “проклятьем на проклятье”. Причём, словесная формула переадресовывается от проклинаяемого к самому проклинаяющему по принципу “от себя к тебе”: **Айткъан сёзюнь озюнье олсун – Айткъан сёзинь озюнье болсын** – Пусть сказанные твои слова на тебя же возымеют действие [6] и др.

Меньшая часть многосоставных защитных заговоров представляют собой “не агрессивное парирование” негативной энергии по принципу “от себя в сторону”: **Агъзынъдан ель алсын – Авзынъдан ель алсын** – Чтобы ветер унёс из твоих уст [сказанное плохое] [5, 7]; **Айткъан ери йыракъ** –

Айткъан ери йыракъ – Пусть далеко будет место, о котором он говорит [2, 5] и др.

Встречаются также “не агрессивно парирующие” защитные формулы, состоящие из одного слова, обычно применяемые против третьей формы проклятия (устремленного гневного [недоброго – У.Т.] взгляда). Причём произносятся они самим обладателем “дурного глаза”, не желающим навредить кому-либо, в ниже приведённом примере – малолетнему ребёнку [кр.тат. сабий – младенец, дитя]: **Сасыкъ – Сасыкъ** – Вонючий [-ая]; **Чиркин – Чыркын** – Страшненький [-ая] (не красивый [-ая]) и др. [5, 6].

Так же, как и в случае с проклятиями, защитные заговоры степных крымских татар предлагается разделять на два основных вида:

незамедлительно “действующие” и

“активизирующиеся” при наступлении определённого условия.

Первую разновидность защитных высказываний желательно произносить в лицо проклинаящему, и оно должно “сработать” мгновенно: **Агзынъдан учурып, къойнынъа кирсин – Авзынъдан учурып, къойнынъа кырсын** – Из твоих уст слетев, в твою пазуху (объятия) пусть проникнет [7]; **Озюнь башынъа олсун – Озунъ башынъа болсын** – Твоей собственной голове пусть будет [5, 6] и др.

Вторая разновидность, “начинает действовать” при определённых условиях (агрессивных действиях кого-либо): **Къаргъагъанынъ озюнье олсун – Къаргъагъанынъ озюнье болсын** – Пусть твои проклятия тебе же и будут [5, 6]; **Айткъанынъ озюнье олсун – Айткъанынъ озюнье болсын** – Пусть тобой сказанное тебе же и будет [5, 6] и др.

Защитный заговор используется и в случае с “устремленным гневным взглядом” (третьей формой проклятий). Отметим, что семантика представленных ниже высказываний до конца не выяснена. Скорее всего, мы имеем дело с видоизменённой обценной лексикой, отсылающей недоброжелателя “подальше от себя” – традиционно, к гениталиям человека, животных и т.д.: **Козюнье къоян ташагъы – Козынъе къоян ташагъы** – На твой [недобрый, гневный] взгляд – яички кролика [7];

Козинье папий ташагъы – Козынье папий ташагъы – На твой [недобрый, гневный] взгляд – яички селезня [8] и др.

Защитные заговоры применяются также вне вербального ритуала проклятия, к примеру, в отношении агрессивного, негативного поведения кого-либо, “угрожающего” таким образом биоэнергетической оболочке окружения: **Къутургъанынь башынъа олсун – Къутургъанынь башынъа болсын** – Пусть твоё беснование на твою же голову будет [обрушится] [5, 6, 7]; **Къутургъанынь озюнье олсун – Къутургъанынь озюнье болсын** – Пусть твоё беснование тебе же и будет [обрушится] [5, 6] и др.

Основные выводы. – Большинство проклятий, применяемых у степных крымских татар, носят соматический характер;

– Некоторые проклятия, представляют собой крайне агрессивные языковые формулы, которые ставят летальный исход, как единственный для проклинаемого;

– На основе семантики, можно проследить этимологию проклятий;

– Зачастую народ озвучивает проклятия неосознанно, используя их для обслуживания бытовых ситуаций;

– Проклятия обнаруживаются в рамках малых жанров устного народного творчества степных крымских татар;

– Причиной “нереализованности” проклятий может служить чудесное противодействие отрицательной энергии защитных заговоров;

– Проклятия продолжают применяться степными крымскими татарами и сегодня.

Литература:

1. *Библия-центр. Синодальный перевод.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ieshua.org/pochemu-iisus-proklyal-smokovnitsu.htm>

2. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А.А. Боданинским, Э.Л. Мартино и О. Мурасовым / Под ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева. – Симферополь, 1914. – 67 с.

3. *Проклятіє* // Еврейская энциклопедія. Сводъ знаній о еврействѣ и его культурѣ въ прошломъ и настоящемъ / Подъ общей редакціей д-ра Л.

Каценельсона и барона Д.Г. Гинцбурга. Томъ тринадцатый. – С.-Петербургъ: Издательство Брокгаузь-Ефронъ, 1908-1913.

4. *Пульса де-нура. Википедия.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пульса_де-нура

5. *Рукопись:* Из воспоминаний Абдулхайыровой Зейнеп (1921-2009), уроженки села Шибан (Лужки) Сейитлерского района (Нижегородского района).

6. *Рукопись:* Из воспоминаний Абдулькеримовой Урие (1905-1999), уроженки села Сарабуз татарский (Укромное) Симферопольского района.

7. *Рукопись:* Из воспоминаний Кадырова Наримана Энверовича (1954), уроженца города Шахрисабз республики Узбекистан (родители – уроженцы Джанкойского и Белогорского (Карасубазарского) районов).

8. *Рукопись:* Из воспоминаний Усеинова Бекира Усеиновича (1943-2002), уроженца города Симферополь (Акьмесджит) Симферопольского района.

9. *Усеинов Т.Б.* Диалектологический аспект в процессе создания лексикографических изданий, отражающих крымскотатарский паремиологический фонд // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2017. – Выпуск 1 (4) – С. 5-10.

10. *Усеинов Т.Б.* Диалектологический взгляд на издание сборников крымскотатарских паремий // Научный вестник Крыма. – 2017 – № 3 (8). – С.1-6.

11. *Усеинов Т.Б.* Основные прагматические функции крымскотатарского паремиологического фонда // Научный вестник Крыма. – 2018. – № 3 (14). – С. 1-11.

12. *Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler /* Hazırlayan M. Ülküsal. – Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970. – 253 s.

13. *Islamtoday.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://islam-today.ru/veroucenie/vopros-otvet/cto-v-islame-govoritsa-o-proklatii-dozvoleno-li-eto-po-otnoseniu-k-komu-by-to-ni-bylo>

THE ESSENCE OF CURSES AND PROTECTIVE PLOTS, ESPECIALLY THEIR USE OF THE STEPPE CRIMEAN TATARS

Useinov Timur Bekirovich

Abstract. Despite the Islamic ban, magic is actively used in the oral folk art of the steppe Crimean Tatars. The article discusses the nature and features of the use of negative verbal formulas and defensive conspiracies, suggests their classification, notes the attitude of Abrahamic religions to them. Taking the semantics as a basis, the etymology of some of the curses of the Crimean Tatars can be traced.

Studies of the paremiological fund of the steppe Crimean Tatars also made it possible to single out curses within the framework of small genres of oral folk art.

Curses and defensive conspiracies are common in all cultures of the world. Just as in the case of fortune telling, the Muslim ban on witchcraft activities had no effect, and the curses are used by the steppe Crimean Tatars today.

Key words: Crimean Tatars, social Sciences, linguistics, metaphysics of spiritual life, occultism, magic.

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

Усеинов Тимур Бекирович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры крымскотатарской филологии

Аннотация. Календарные пословицы, рассматриваемые в статье, были записаны отечественными этнографами в степной части полуострова до депортации крымскотатарского народа (1944 г.). Предлагается классификация пословичного корпуса, в основу которой ставится семантика языковых клише и отсылка к календарю. Синкретическая сущность лежала в основе создания малых жанров фольклора степных крымских татар. Отмеченный паремиологический фонд, несмотря на свою культурную ценность, до сих пор не стал предметом научных исследований, чем обуславливается актуальность представленной работы.

Ключевые слова: крымские татары, пословицы, календарь, семантика.

Abstract. Calendar proverbs considered in the article were recorded by domestic ethnographers in the steppe part of the peninsula before the deportation of the Crimean Tatar people (1944). A classification of the Crimean Tatar proverbial corpus is proposed, which is based on the semantics of language cliches and reference to the calendar. The syncretic essence underlay the creation of small genres of folklore of the steppe Crimean Tatars. The noted paremiological foundation, in spite of its cultural value, has not yet become the subject of scientific research, which determines the relevance of the presented work.

Keywords: Crimean Tatars, proverbs, calendar, semantics.

При исследовании календарной поэзии народов мира становится ясно, что наиболее часто используемой стихотворной формой, отражающей данное направление, является песня [4, с. 24-26]. Однако этот факт не умаляет места и роли паремий в календарной поэзии.

Малые поэтические жанры фольклора играют важную роль в сохранении и передаче культурного наследия крымскотатарского народа. Несмотря на это отмечено небольшое количество работ, освещающих общие вопросы крымскотатарской паремиологии [5, 6, 7].

Автохтонное население исторически образуют три этнических составляющих: степные крымские татары (кипчаки), южнобережные крымские татары (огузы) и татары средней полосы (Предгорного Крыма), вобравшие культурные традиции обеих предыдущих групп.

Отметим, что сохранившийся пословичный материал рубежа XIX-XX вв. представляет собой паремиологическое наследие кипчакской (т.н. степной, северной, ногайской) культурной составляющей крымскотатарского народа. Единичные паремии на огузском диалекте не позволяют раскрыть лингвокультурный типаж крымского татарина Предгорья или Южнобережья.

На протяжении многих веков форма клише поддавалась влиянию новых культурных веяний, видоизменялась и совершенствовалась.

Говоря об основных факторах, повлиявших на развитие формы и содержания пословиц степных крымских татар, необходимо отметить культурное влияние мусульманской и фрагментарно языческой цивилизаций.

До XX века крымские татары-степняки, в большей степени, проживали в сельской местности. По этой причине малые жанры фольклора отражают мировосприятие деревенского человека степного Крыма.

Понятие о времени в сознании степняка неразрывно связано с народным календарем, нашедшим отражение в паремиях.

Взяв за основу семантику языковых клише и их отсылку к календарю, были выделены следующие типы пословиц:

1. Пословицы, отражающие *запрещение или указание к действию*, связанные с календарной датой: **Язда азыкъсыз, кьышта тонсыз елгья чыкъма** – *Язда азыкъсыз, кьышта тонсуз джолгья щыкъма* – Летом без провизии, зимой без шубы не выходи в дорогу¹ [8]; **Юз он – тарлагья кьон** – *Юз он – тарлагья кьон* – Через сто десять дней после ноября вспахивай поле [8].

¹ Примеры в статье предлагаются по следующей схеме: стандартный литературный крымскотатарский вариант пословицы – диалектный степной крымскотатарский вариант пословицы – смысловой русский перевод пословицы

2. Часто календарные пословицы отражают *критический взгляд на происходящее*. Прежде всего, отметим пословицы, связанные с тем или иным народным обрядом, в рамках которого критически раскрывается гиноцентричная субъективность, как отклонение от стандартной андроцентричной картины мира: **Кокте той бар деселер, къадынлар мердивен къурмагъа чалышырлар – Кокте той бар деселер, къадынлар мердивен къурмагъа чалышырлар** – Если скажут, что на небесах есть свадьба, женщины начнут устанавливать туда лестницу [3]; **Макътавлы къыз тойда осурыр – Макътавлы къыз тойда осурур** – Хваленая девушка (невеста) на свадьбе громко испортит воздух [8].

Не часто встречается критика, в связке с временами года: **Язгъа чыкъардыкъ тананы, бегенмез олды ананы – Язгъа щыгъардыкъ тананы, бегенмез болду ананы** – К лету вывели теленка, стал не признавать мать [8].

3. Третий тип образуют *пословицы, характеризующие тот или иной промежуток календарного времени*. Они связаны с конкретной календарной датой (днем, месяцем, временем года). В них же встречаем описание отличительных особенностей календарной поры и связь с той или иной сезонной деятельностью человека.

Пословицы, характеризующие календарный день. Зимнее солнцестояние, приходящееся на 22 декабря, активно праздновалось во многих языческих традициях по всему миру, а также продолжает почитаться в рамках современных культур.

Паремиологический фонд степных крымских татар содержит отсылку на этот знаковый календарный день: **Къырым къышы къантардан анълашылыр – Кърм къышы къантардан анълашылыр** – Крымская зима будет понятна после кантара¹ [3].

Ниже представленная пословица повествует о дне Теркунь, сопутствующему свадебному обряду, проводимому, как правило, осенью: **Теркуню якъын сабыр этемез, тешек ерини топлап оламаз – Теркуню**

¹ Кантар – (кр.тат. Къантар), т.е. “весы”, день 22 декабря

якъын тозалмаз, тешек орнун джыялмаз – Та, чей день-теркунь¹ близок, не может вытерпеть, не может собрать свою постель [8].

Пословицы, характеризующие календарный месяц. В пословицах степных крымских татар рубежа XIX-XX вв. наиболее часто упоминаемым месяцем является *март* (обнаружено восемь пословиц). Именно в это время закладывается основа всестороннего процветания семьи на протяжении будущего календарного года, которое зависит, в том числе, и от капризов природы.

Материальные возможности степняка в марте ограничены, зимние запасы на исходе: **Март къапыдан бакътырыр, къазма-курек якътырыр** – *Март къапыдан бакътырыр, къазма-курек джакътырыр* – Март за дверь заставит выглянуть, кирку и лопату заставит сжечь² [8]; Март айы, дерт айы – Март айы, дерт айы – Месяц март – месяц страданий [8]; **Март докъузы къыш томпузы** – *Март токъузу къыш томпузу* – Девятое марта – зимы палица [8].

Март ассоциируется в сознании народа с окончанием холодного времени года, хотя в самом начале этого не совсем весеннего месяца морозы еще сильны. Аналогичную позицию по отношению к марту обнаруживаем в пословицах соседних славянских народов. Пример:

*“Як прийде марец – обмерзне старцю палец (малорос.)
Мартъ коровъ рогъ шибаеъ” (великорус.)* [2, с. 145].

Семантически близким к представленному выше образцу является следующий пример, касающийся апреля: **Къоркъ абирлининъ бешинден, огузню айырыр эшинден** – *Къоркъ абирлининъ бешинден, огузню айырыр эшинден* – Бойся пятого апреля³, он быка (вола) разлучает от его пары [8].

¹ Теркуню – *тюрк.* день первого (после замужества) посещения невестой родительского дома

² На рубеже XIX-XX вв. степные крымские татары в деревнях отапливаются кизяком, который заканчивается в марте. Люди вынуждены сжигать в печах черенки от домашних инструментов

³ В пятых числах апреля погода по-зимнему холодает, часто убивая быков, разлучая пару животных

Встречаются пословицы противопоставляющие, казалось бы, находящиеся “по соседству” март и апрель.

По мнению степняка, очень важно, чтобы в марте лишняя влага не мешала посевной, а уже в апреле она придется очень кстати: **Мартта бакъа сиймесин, абириде бир тамсын – Мартта бакъа сиймесин, абириде бир тамсын** – В марте лягушка пусть не мочится, а в апреле – пусть хотя бы один раз покапает¹ [8]; **Март – къуракъ, абирли – сувлакъ – Март – къуракъ, абирли – сувлакъ** – Март – засушливый (безводный), апрель – изобилующий водой [8].

Так же в пословицах упоминается месяц *ноябрь*², часто, как олицетворение начала зимы (обнаружено три пословицы): **Къасым келир кесим башлар, хысым келип бизде къышлар – Къасым келир кесим башлар, къысым келип бизде къышлар** – Касым придет и начнется забой скота, родственники придут и останутся зимовать [8].

Таким образом, наиболее часто упоминаемым в пословицах степных крымских татар рубежа XIX-XX вв. являются следующие месяцы: март – 8 пословиц, ноябрь – 3, декабрь – 2 и апрель – 2 единицы.

Пословицы, характеризующие время года. Данная категория пословиц степных крымских татар является самой многочисленной.

С точки зрения семантики, календарные пословицы предлагается разделять на две группы:

о летнем периоде (с 6 мая по 8 ноября): **Яз ели ярдай – атны йыкъар – Джаз джели джардай – атны джыгъар** – Летний ветер, как овраг – лошадь свалит [8]; **Бир чичекнен яз олмаз – Быр щещекмен джаз болмаз** – Одним цветком лето не наступит [8] и

о зимнем периоде (с 8 ноября по 6 мая): **Къайда олсанъ анда ол, пердалязизде эвде ол – Къайда болсанъ анда бол, пердалязизде³ уйде бол** – Где ты будешь, там и будь, но на лютые холода будь дома [3].

¹ “В марте лягушка пусть не мочится”, т.е. излишняя влага земле не нужна, “а в апреле – пусть хотя бы один раз покапает”, т.е. влага уже необходима для посевов

² *Къасым, къасым – календ.* 1. ноябрь; 2. половина года (с 8 ноября, т.е. начала зимы – до 6 мая, т.е. начала лета)

³ *Пердалязиз – календ.* пора между зимой и весной; дни, когда зима и весна “тягаются” между собой

Первый, летний период, неся семантическую нагрузку развития, приумножения, накопления, призван отразить стремление народа к увеличению материальной составляющей. В большей степени сказанное касается сельскохозяйственной деятельности и скотоводства.

Летняя пора, в противовес зимней, долгожданна и благодатна. Что бы в этот период не делал человек – все приводит к его изобилию: **Яз куню атынъ уч аягы сувда, бир аягы унда олур – Джаз куну атынъ уч аягы сувда, бир аягы унда болур** – Летом три ноги твоей лошади в воде, одна – в муке [8].

Суровый климат степного Крыма и Северного Причерноморья предоставляет в распоряжение татарину-степняку небольшой временной отрезок, за который ему необходимо пополнить запасы продовольствия, отопительного материала и т.д.: **Къырмыскъадан орнек ал, яздан къышкъа азырлан – Къымырскъадан орнек ал, джаздан къышкъа азырлан** – Бери пример с муравья, готовься к зиме с лета [8].

Второй период неразрывно связан с понятиями, использования, расходования материального достатка, наработанного в предыдущий календарный цикл. Если лето благоволит человеку, то зима – скорее испытание, а возможно и выживание.

“Холодный зимний ветер заметает за ночь невысокие татарские саманные дома по самые крыши так, что утром, тот, кто смог выбраться из собственного жилища, ходит по соседям и высвобождает их от “снежного плена”¹.

Красоты зимней степи далеко не радуют степняка, так как за первым снегом придут лютые холода: **“Къар ягъа” – деп къуванма – аязы олур – “Къар джава” – деп къуванма – аязы болур** – Не радуйся, что идет снег – будет мороз [8].

Большое количество календарных пословиц строятся на основе противопоставления “лето-зима”: **Яз екъсулнынъ, къыш барлынынъ – Джаз джарлынынъ, къыш барлынынъ** – Лето – бедного, [а] зима –

¹ Из воспоминаний Зейнеп Абдулхайровой (1921-2009), уроженки села Шибан (Лужки) Сейитлерского района (Нижегородского района) Крыма

богатого [8]; **Къыш кольмексиз, яз отьмексиз елгъа чыкъма – Къыш гольмексиз, яз отьмексиз ела чыкъма** – Не выходи в дорогу зимой без рубахи, [а] летом без хлеба [3]; **Язда азыкъсыз, къышта тонсыз елгъа чыкъма – Язда азыкъсыз, къышта тонсуз джолгъа щыкъма** – Летом без провизии, [а] зимой без шубы не выходи в дорогу [8]; **Тенбельнинъ иши битмез, яз кельсе де къышы битмез – Тенбелин иши питмез, джаз кельсе де къышы питмез** – Работа лентяя не закончится, хотя пришло лето – его зима не закончится [8].

Также используется противопоставление “весна-осень”: **Баарь елине келиним, кузь елине къызым чыкъсын – Бахарь джелине келиним, куз джелине къызым щыкъсын** – На [холодный] весенний ветер пусть выйдет невестка, а на (теплый) осенний ветер – дочь [8].

Порой наблюдается и подмена семантически близких понятий “весна” и “лето”, приводя в действие нестандартное противопоставление “лето-осень”: **Къозу корсень – яз олур, черен корсень – кузь болур – Къозу корсень – яз олур, черен корсень – кузь олур** – Ягненка увидишь – значить лето наступит, стог увидишь – значить осень наступит [3]; **Язда япып, кузьде комюп кет – Джазда джабып, кузде кемуп кет** – Уходи летом прикрыв, а осенью закопав [8].

4. Прогностическая функция, с характерной ей *способностью к предвидению*, активно применяется в календарных паремиях и составляет одноименный прогностический тип: **Вакъытсыз ачкъан терек бой атмаз – Вакъытсыз ащкъан терек бой атмаз** – Несвоевременно расцветшее [по весне – У.Т.] дерево не прибавит в росте [8]; **Арфе куню ялан айткъаннынъ байрамда бети къызарыр – Арпе куну ялан айткъаннынъ байрамда бети къызарыр** – У говорящего неправду в предпраздничный день в праздник лицо покраснеет [8].

Клишированные синтаксические конструкции выражают причинно-следственные отношения между единицами сообщения с применением следующих элементов:

если – если: **Баарь кельсе от бурьленир, фырдат тюссе – халкъ тюрленир – Бахарь кельсе от бюрьленир, пурдат тюссе халкъ**

тюрьленир – Если наступит весна – трава распухнет, если удобный случай представится – народ воспрянет [8];

кто – тот: **Торгъайдан кьоркькъан тары экмес – Торгъайдан кьоркькъан тары экмес** – Кто боится воробьев, тот не сеет просо [3];

когда – тогда: **Баарь олса, дагь устю багь олур – Баар боса, дагь усти багь болур** – Когда наступит весна – гора станет садом [3] и т.д.

5. Национальный колорит и своеобразие наблюдается в пословицах с косвенной отсылкой на календарное время года:

весна: **Дуадакъ ягъмур ягьса баласынынъ башыны кьорчалар, бурчакъ ягьса – озь башыны кьорчалар – Дуадакъ джаун джауса баласынынъ башын кьорчалар, бурчакъ джауса – генди башыны кьорчалар** – Если пойдет дождь, дрофа¹ будет защищать голову своего детеныша, если пойдет град – будет защищать собственную голову [3];

осень: **Басымсыз пиченни ель алыр, ель алмаса, эль алыр – Басымсыз пиченинъ ель алур, ель алмаса, эль алур** – Не придавленное сено разбрасает ветер, если ветер не разбрасает – чужие заберут [3].

К данному типу относятся также пословицы, описывающие сезонные сельскохозяйственные работы и тем самым косвенно намекающие на время года, в которое выполняются. Ниже представленный образец упоминает осеннюю вспашку под яровые: **Надассыз тарла намазсыз моллагья бенъзер – Надассыз тарла намазсыз моллагья ушар** – Поле без зяблевой вспашки похоже на муллу, не делающего намаз [8].

Тема зяблевой вспашки – одна из часто используемых в календарных пословицах степных крымских татар. В текстологическом материале обнаруживается ряд отсылок к данному виду сельскохозяйственной деятельности: **Ягъмурнен надас топракъны джаныдыр – Джавынман надас топрагын джаныдыр** – Дождь и зяблевая вспашка – душа земли [8].

¹ Дрофа – произн. в славян. языках: рус. “дудак”, чеш. “dudek”, слов. “dudok”, польск. “dudek”, чеш. “dud”.

Производное от чагатайск. “тойдакъ, тогдакъ” и несколько позже крымскотат. “дувадакъ, дуадакъ”. Птица приступает к гнездованию с середины апреля до конца мая. “Птенцы держатся возле матери до зимы, а иногда и до следующей весны” [1].

6. Календарные пословицы, тесно связанные, а возможно *возникшие в рамках обряда и несущие информацию о нем*. Данные языковые клише узко функциональны, применяются в неразрывной связи с определенными национальными празднествами, обычаями и обрядами.

Несмотря на целый ряд отмечаемых в народе языческих (Наврез, Кыдырлез) и исламских (Ораза байрам, Курбан байрам) праздников, календарные пословицы степных крымских татар (рубежа XIX-XX вв.) освещают лишь празднества с не выраженной отсылкой к конкретной календарной дате.

Наиболее часто встречаются паремии, связанные со свадебным обрядом, который, как правило, проводился осенью (после сбора урожая): **Душмандан бош къайтсань да, тойдан бош къайтма – Джавдан бош къайтсань да, тойдан бош къайтма** – Даже если от неприятеля порожним вернешься, со свадьбы порожним не возвращайся [8]; **Къара къызгъа кельгенде, тань атар – Къара къызгъа кельгенде, тань атар** – Займется заря, когда дойдет дело до “черной” девушки (невесты)¹ [3].

Иногда мужское застолье под воздействием спиртного затягивалось, часто жених и вовсе не отправлялся в комнату невесты, либо уединялся позже полагаемого времени.

Произносилась эта пословица по поводу столкнувшейся со злополучием “черной” девушки-невесты, так и не дождавшейся жениха в день собственной свадьбы.

7. Календарные пословицы, содержащие *проклятия и магические приговоры*. Несмотря на строгий запрет в Исламе на колдовскую практику, в народе активно применяются магические словесные формулы: **Яз яткъаннынъ янбашы сынсын, къыш юрьгеннинъ аягъы сынсын – Джаз джаткъаннынъ джанбашы сынсын, къыш джюргеннинъ аягъы сынсын** – У пролежавшего все лето пусть бедро сломается, у проходящего всю зиму пусть ноги сломаются [8].

¹ У татар степного Крыма и татар Добруджи (Румыния) на рубеже XIX-XX вв. жених, в день свадьбы, гулял за дружеским (мужским) застольем, называвшемся “общение жениха” (“киев къонушмасы”). По традиции, после полуночи он уединялся в комнату для новобрачных, но через некоторое время вновь выводился обратно с песнопениями к молодым людям.

8. Клише, отражающие *межнациональные отношения через призму календарной даты*.

В паремиях степных крымских татар активно используются этнокультурные стереотипы применительно к наиболее многочисленным народам Крымского полуострова, примечаются наиболее характерные для них черты: **Март ичери, чингене тышары – Март ищери, щингене тышары** – Март внутри, цыган снаружи [8].

Основные выводы. – Сохранившийся текстологический материал рубежа XIX-XX вв. отражает состояние паремиологического фонда кипчакской, степной составляющей крымскотатарского народа.

– Единичные паремии на огузском диалекте не дают возможности определить лингвокультурный типаж крымского татарина Предгорья или Южного бережья;

– Календарные пословицы степных татар, являются бесценной составляющей культурного наследия крымскотатарского народа.

Список источников и литературы

1. Беме Р.Л., Грачев Н.П., Исаков Ю.А., Кошелев А.И., Курочкин Е.Н., Потанов Р.Л., Рустамов А.К., Флинт В.Е. Курообразные, журавлеобразные // Птицы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 466-481. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дрофа>

2. Ермоловъ А. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и приметахъ. – С.-Петербургъ: Типографія А.С. Суворина, 1901. – 620 с.

3. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А.А. Боданинским, Э.Л. Мартино и О. Мурасовым / Под ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева. – Симф.: Типография Таврического губернского земства, 1914. – 67 с.

4. Садокова А.Р. Японская календарная поэзия. – М.: Наследие, 1993. – 160 с.

5. Усеинов Т.Б. Диалектологический аспект в процессе создания лексикографических изданий, отражающих крымскотатарский

паремиологический фонд // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2017. – № 4. – С. 5-10.

6. Усеинов Т.Б. Диалектологический взгляд на издание сборников крымскотатарских паремий // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 3 (8). – С. 5.

7. Усеинов Т.Б. Основные прагматические функции крымскотатарского паремиологического фонда // Научный вестник Крыма. – 2018. – № 3 (14). – С. 18.

8. *Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler* / Hazırlayan M. Ülküsal. – Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970. – 253 s.

ОШИБОЧНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ СТЕПНЫХ КРЫМСКИХ ТАТАР РУБЕЖА XIX-XX ВВ.

Усеинов Тимур Бекирович,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры крымскотатарской филологии*

Аннотация. Народное мнение не всегда правильно и объективно. Большая часть (немногочисленных) крымскотатарских пословиц, транслирующих ошибочные суждения, освещают межличностные отношения. Как правило, они касаются родства через брак и неродственных отношений.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, крымскотатарские пословицы, семантика, ошибочные выводы, бином.

ERRORS IN PROVERBS OF THE STEPPE CRIMEAN TATARS OF THE XIX-XX CENTURIES.

Useinov Timur Bekirovich,

Annotation. Popular opinion is not always unmistakable and objective. The vast majority of Crimean Tatar proverbs, broadcasting erroneous judgments, illuminate interpersonal relationships. As a rule, they relate to kinship, kinship through marriage and unrelated relationships.

Keywords: Crimean Tatar folklore, Crimean Tatar proverbs, semantics, erroneous conclusions, binomial.

На рубеже XIX-XX вв. сбором и систематизацией текстологического материала, касательно пословиц степных крымских татар, занимались Боданинский А.А., Мартино Э.Л. и Мурасов О. [1], а несколько позже Улькюсал М. [4].

В теоретическом же отношении крымскотатарские пословицы остаются до сих пор слабо изученными [2, 3].

Ошибочные утверждения, поддержанные социумом, закреплённые и функционирующие на уровне подсознания человека, невольно влияют на его поведение и мировосприятие.

Пословица, будучи кратким народным изречением, передаёт обобщённую мысль, претендующую на безоговорочный и безусловный характер.

Языковые клише, в том числе и пословицы, в силу своей ритмически сжатой организации, обладают уникальной способностью к быстрому закреплению в памяти и воспроизведению в нужный момент необходимого, задаваемого суждения.

Усиление дидактического воздействия на психику читателя достигается, в том числе и за счёт широко используемого иносказания. Всё это делает пословицу эффективным инструментом в деле воспитания индивида и общества в необходимом русле.

Как показывает практика, крымскотатарские пословицы рубежа XIX–XX вв. порой не слишком “разборчивы” при формулировке тех или иных озвучиваемых морально-этических установок. Выясняется, что общественное, народное мнение не всегда объективно и безошибочно.

В этом случае возрастает роль самого индивида, слушателя, его способности к мыслительной деятельности, обобщению услышанного, выстраиванию собственной точки зрения.

Большинство немногочисленных крымскотатарских пословиц, транслирующих ошибочные утверждения, освещают межличностные отношения.

1. В этом ряду, прежде всего, выделим пословицы, описывающие *биологическое родство*, определяемое природным генетическим сходством и неправильный, ошибочный посыл, сопровождающий его.

Наиболее яркими и запоминающимися в семантическом отношении становятся ошибочные утверждения, раскрывающие бином “родитель-ребёнок”:

отец-дочь: Къызыны котеклемеген тизини котеклер – Къызын котеклемеген тизин котеклер – Никогда не колотивший свою дочь потом будет горько сожалеть об этом [4, с. 64];

отец-ребёнок: Бабадан мал-мирас къалыр, адамлыкъ къалмаз – Бабадан мал-мирас къалыр, адамлыкъ къалмаз – От отца имущество-

наследство останется, человечность [духовность – У.Т.] не останется [4, с. 27].

Критический народный взгляд не оставляет без внимания и отношения между родственниками не по прямой линии, отражающие бином – *родственник-родственник*: **Догъмуш догъмушны не ольгенини истер, не онъгъаныны – Догъмуш догъмушны не ольгенини истер, не онъгъаныны** – Родной родному не пожелает ни смерти, ни процветания [1, с. 44].

В следующем примере аналогичная ситуация “примеряется” уже на более близкие родственные связи – кровного родства по прямой линии – *брат-брат*: **Къардаш къардашыны онъгъаныны истемез – Къардаш къардашыны онъгъанны истемес** – Брат брату не пожелает преуспевания [1, с. 45].

2. Следующая группа крымскотатарских пословиц отображает ошибочный взгляд относительно внутрисемейных связей в рамках *неродственных отношений*.

*Отец-приёмш*¹: **Оксуз къозу беслесень – агъзынъы-бурнуны май этер, оксуз бала беслесень – агъзынъы-бурнуны къан этер – Оксуз къозу беслесень – агъзынъы-бурнуны май идер, оксуз бала беслесень – агъзынъы-бурнуны къан идер** – Ягнёнка-сироту откормишь – твой рот и нос зальёт маслом, ребёнка-сироту воспитаешь – твой рот и нос зальёт кровью [1, с. 46].

3. Третья группа пословиц раскрывает родство через брак и неправильное видение, связанное с ним:

муж-жена: **Къойнунъдаки апайынъ, тубюндеки атынъ, белинъдеки силя, савутынъ, озюнье душмандыр – Къойнунъдаки аврадынъ, тубундеки атынъ, белинъдеки силя, саутунъ, кендинъе душмандыр** – В твоих объятых твоя жена, твой конь под тобой, оружие на твоём поясе, твоя посуда – тебе враги [1, с. 45];

¹ Приёмш – усыновлённый (удочерённый) ребёнок

Къыркъ оглунъ олгъандже, бир уфакъ акъайынъ олсун – Къыркъ

оглунъ олгъанджек, бир офакъ акъайынъ олсун – Чем сорок сыновей, пусть у тебя будет один “маленький” муж [1, с. 46].

4. Отдельно, в выше представленном списке, располагается небольшое количество крымскотатарских пословиц, озвучивающих те или иные неправильные дедуктивные заключения. В данном случае дедукция “не срабатывает” и примитивизм берёт вверх над логическим мышлением: **Кунеш догъар батмакъ ичюн, инсан догъар ольмек ичюн – Гунеш догъар батмакъ ичун, инсан догъар ольмек ичун** – Солнце восходит для того, чтобы зайти за горизонт, человек рождается, для того чтобы умереть [1, с. 37].

Основные выводы. – Крымскотатарские пословицы рубежа XIX-XX вв. порой не “разборчивы” при формулировке тех или иных озвучиваемых морально-этических установок;

– Большинство крымскотатарских пословиц, транслирующих ошибочные суждения, освещают межличностные отношения;

– Причиной (немногочисленных) неправильных утверждений в крымскотатарских пословицах порой становится примитивизм, который берёт вверх над логикой.

Библиографический список

1. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А.А. Боданинским, Э.Л. Мартино и О. Мурасовым / Под ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева. – Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1914. – 67 с.

2. *Усеинов Т.Б.* Диалектологический аспект в процессе создания лексикографических изданий, отражающих крымскотатарский паремиологический фонд // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2017. – № 4. – С. 5-10.

3. Усеинов Т.Б. Основные прагматические функции крымскотатарского паремиологического фонда // Научный вестник Крыма. – 2018. – № 3. (14). – С. 18.

4. *Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler* / Hazırlayan M. Ülküsal. – Ankara: Üniversitesi Basımevi, 1970. – 253 s.

ТРАДИЦИЯ ПЕРЕПИСИ ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В КРЫМУ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Сухоруков Алексей Николаевич

Введение. Персидский язык в средние века получил широкое распространение по всему исламскому миру. С конца XIII века, сразу же после усиления позиций ислама в Крыму, на полуострове появляются и первые произведения на персидском языке. В этом отношении стоит сразу упомянуть такие оригинальные произведения на персидском языке, написанные в конце XIII – начале XIV в., как латино-персидско-татарский словарь «Кодекс Куманикус» [8], христианская евангелистская литература на персидском языке, написанная в самом Солхате христианами миссионерами [5], а также крупное поэтическое произведение на персидском языке «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми [1], – поэтический ответ на «Маснави-йи ма‘нави» Джадаладдина Руми. Помимо творчества на персидском языке с начала XIV века в Крыму устанавливается традиция составления списков с популярных персоязычных произведений, прежде всего, сборников стихов, а также отдельных научных и мистических сочинений. Перепиской в то время занимались отдельные энтузиасты при мечетях или медресе, либо специально нанятые люди по чьему заказу.

Цель. Целью данного исследования является изучение традиции переписи персоязычных произведений на территории Крымского полуострова в период нахождения его в составе Золотой орды.

Результаты исследований. В Крыму в период нахождения его в составе Золотой орды основным культурным центром, в котором составлялись списки с текстов на персидском языке, был город Солхат (Кърым) - столица Крымского улуса, а также расположенный в трёх километрах от Солхата армянский монастырь Сурб-Хач.

В начале 1260-х годов небольшое селение на пути из портового города Кафа в степную часть Крыма, занятую монгольскими войсками,

стало выполнять функцию своего рода таможенного пункта. Оно быстро увеличилось в размерах и превратилось в важный торговый центр, игравший роль перевалочной базы на Шелковом пути. Туда была перенесена ставка монгольского правителя крымского улуса. В тюркских языках это селение, превратившееся в город, стало именоваться «Кърым» (قریم), в записях генуэзцев Кафы называется «Солхатом». В 1265/1266 году, возвращаясь в Крым после удачного похода, хан Берке (Баракат-хан) привёл с собой, как об этом сообщает «История Тохта-бая» в передаче Э. Челеби, около 1800 учёных-шейхов (бабайи) из Балха и Бухары, построил им соборные мечети и медресе и наделил их имуществом [6, с. 7]. Вскоре из другой части исламского мира в город Кърым прибыла ещё одна крупная группа образованных мусульман. Город Кърым был отдан в управление бывшему правителю государства Сельджукидов Кей-Кавусу II. В результате стечения экономических, политических и культурных факторов город Кърым превратился в многонациональный центр, стал известен на всём протяжении Шёлкового пути и дал наименование всему полуострову. Арабский историк и географ Абу-ль-Фида ещё в первой половине XIV века писал, что «под словом Кърым вообще подразумевают не столько землю, как сам город» [2, с. 342].

С большой долей уверенности можно утверждать, что именно в городе Кърым в конце XIII века христианскими миссионерами был составлен латино-персидско-татарский словарь «Кодекс Куманикус», включающий переводы более тысячи персидских слов. Единственный дошедший до нас экземпляр словаря представлен ранним списком 1303 года и хранится в библиотеке собора Святого Марка в Венеции.

Наиболее крупным из известных нам персоязычных произведений Крыма золотоордынского периода является «Каландар-наме» Абу-Бакра Каландара Руми [1]. Арабский путешественник Ибн Баттута упоминает о встрече с Абу-Бакром и называет его шафиитским проповедником при соборной мечети Кърыма [7, с. 281]. «Каландар-наме» представляет собой мистико-дидактическую поэму на персидском языке объёмом 16121 бейтов (около 800 страниц). Написана она в городе Кърым (قریم), автор приступил

к написанию в 1320 году при Узбек-хане и завершил в 1340 году при Джанибек-хане. Единственный сохранившийся экземпляр «Каландар-наме» представлен ранним списком 761 г.л.х. (1359/1360) и хранится в Рукописном фонде Института Востоковедения им. Абу Райхана Бируни Республики Узбекистан (инв.№ 11668). Переписчиком её является Шейх Баязид уш-Шаки Самрини. О месте подготовки списка судить сложно. Однако можно предположить, что в Наманган рукопись попала в ходе оттока части крымскотатарского населения с полуострова после революционных событий 1917 года. Известно о «Каландар-наме» стало в 1966 году, когда в ходе работы по пополнению Фонда рукописных сочинений и литографированных книг института Востоковедения в Ташкенте путём выкупа ценных материалов у населения в руки сотрудников института - К. Мунирова и А. Джуванмардиева попала данная рукопись [4]. Али Хамзин утверждает, что при личном общении с этими сотрудниками один из них сообщил, что «Каландар-наме» был передан им через другое лицо крымским татаринном, который попросил не упоминать его в отчёте, опасаясь преследований, так как крымские татары в то время находились в Узбекистане в качестве депортированного народа, рукопись в своё время не была сдана в соответствующие органы, а тайно вывезена.

Ещё одним ценным памятником, относящимся к золотоордынскому периоду, является рукописный Коран с подстрочным переводом на персидский язык из Хан-Джами Бахчисарайского дворца. В настоящее время он хранится в Фонде рукописных и старопечатных книг БИКАМЗ (Бахчисарай) под инвентарным номером К-729. Исследование, проведённое Мамутовой З. А. [3], показало, что по старой части с потемневшими от времени листами бумаги из волокон хлопка, по использованию в письме трёх видов письма – «куфи», «сульс», «наسخ», и особенностям художественного оформления этот экземпляр Корана с персидским переводом следует датировать XIII–XV веками, т.е. временем, когда город Кърым был самым крупным на полуострове научным центром.

К началу XV века относится список своеобразной энциклопедии на персидском языке «نوادير التبادر لتحفة البهادر» от Шамс ад-Дина Донайсери.

Переписчиком её является Хасан бин Хаджи Али Къыrimi, нисба которого свидетельствует о его связи с г. Кърым. Неполный список этого произведения, озаглавленного переписчиком как «خواص منافع المجموعات», в настоящее время хранится в библиотеке литературного факультета Тегеранского государственного университета в Иране.

Перепиской персоязычных текстов в Крыму занимались не только мусульмане, но и христиане. Наибольшая их активность относится к периоду после захвата Судака генуэзцами в 1365 году и активизацией деятельности христиан-армян. В Национальной библиотеке Франции (Persan 3) хранится персидский евангельский сборник, переписанный в г. Кърым в 1374 году. Подробнее о персидской христианской литературе XIV века в Крыму (три датированных рукописи) можно ознакомиться в работе «Христианство и персидская книжность XIII–XVII вв.», автор - А. Д. Притула [5, с. 21, 27, 35]. Отдельные вопросы о переписи персоязычных произведений в Крыму, в том числе в золотоордынский период, раскрыты в работах французского исследователя Френсиса Ричарда (Francis Richard), который в своём исследовании опирается на материалы библиотек и архивов Франции [9].

Естественно, списки делались не только с персоязычных текстов, - ещё более распространённой являлась традиция переписи арабоязычной религиозной, правовой и научной литературы. В настоящее время многочисленные экземпляры средневековой арабографической (в т. ч. персоязычной) литературы, переписанной в Крыму, хранятся в собраниях и архивах по всему миру – от университета Лос-Анжелеса до национальной библиотеки Китая.

Библиографический список

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное. – Пер. с перс. И.Р.Гибадуллина, М.Р.Шамсимухаметовой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 1044 с.
2. Кеппен П. Крымский сборник. – Санктпетербургъ: Императорская Академія наукъ, 1837 – 411 с.

3. Мамутова З.А. Рукописные книги XIII–XV веков по изучению основ ислама в фондах КРУ "Бахчисарайский историко-культурный заповедник" // Східний світ . - 2014. - № 1. - С. 48-54.
4. Муниров К., Джуванмардиев А. Бесценное пополнение // Общественные науки в Узбекистане, 1966 г., №11.
5. Притула А.Д. Христианство и персидская книжность XIII–XVII вв. СПб., 2004.-163 с.
6. Резюме «Истории» Тохта Бая / Транскрипция и перевод на рус. яз. Н. Сейитяхья // Научный бюллетень (Орган НИЦ КГИПУ). 2002. № 2. С. 3-8.
7. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из сочинений арабских). – Санктпетербургъ, 1884. – 564 с.
8. Codex Cumanicus / Kuun, Géza. — Budapest, 1880. – 545 p.
9. Francis Richard. Catalogue des manuscrits persans - I - Ancien fonds. Bibliothèque nationale, Département des Manuscrits, Paris, Bibliothèque nationale, 1989. - 437 p.; VIIIр. de planches, avec Errata à la fin.

«КАЛАНДАР-НАМЕ» АБУ-БАКРА КАЛАНДАРА РУМИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЫМА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Сухоруков Алексей Николаевич

Введение. В 1966 году в Узбекистане у частного лица была выкуплена рукопись начала XIV века. Это оказалось крупное поэтическое произведение на персидском языке, названное автором «Каландар-наме» и посвящённое широкому кругу вопросов мистико-дидактического характера. На настоящий момент она является единственным известным нам полноценным богословским сочинением, созданным в Золотой Орде в XIV веке. «Каландар-наме» написан в Крыму, о чём однозначно говорит автор произведения, и представляет значительный интерес как источник по истории Крыма первой половины XIV столетия.

Цель. Целью данной работы является исследование рукописи «Каландар-наме» как источника по истории Крыма золотоордынского периода. Для этого необходимо изучить два следующие вопросы: а) история самой рукописи, обстоятельства её написания и биографии автора; б) содержание рукописи.

Результаты исследований. Сотрудники Института Востоковедения АН Узбекистана после обнаружения рукописи определили её ценность и оригинальность, однако детальное исследование её проведено не было [2]. С этой целью 30.04.2007 г. между Меджлисом крымскотатарского народа и Институтом востоковедения АН Узбекистана был подписан Договор о научном сотрудничестве и издании факсимиле «Каландар-наме» [4] с публикацией вступительной части и краткого предисловия с научным обоснованием. К сожалению, условия договора выполнены не были. Лишь в 2017 году в Институте истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан при поддержке Культурного представительства при Посольстве Исламской Республики Иран в Москве и Совета муфтиев России был подготовлен и опубликован перевод «Каландар-наме» на русском языке [1].

Обнаруженная рукопись «Каландар-наме» является не авторским экземпляром, а его ранним списком. О месте подготовки списка судить сложно. Однако можно предположить, что в Наманган (где она была выкуплена в 1966 году) рукопись попала в ходе оттока части крымскотатарского населения с полуострова после революционных событий 1917 года. Али Хамзин утверждает, что при личном общении с сотрудниками Института Востоковедения АН Узбекистана - К. Мунировым и А. Джуванмардиевым, один из них сообщил, что «Каландар-наме» был передан им через стороннее лицо крымским татаринном, который попросил не упоминать его в отчёте, опасаясь преследований, так как крымские татары в то время находились в Узбекистане в качестве депортированного народа, рукопись в своё время не была сдана в соответствующие органы, а тайно вывезена.

Сама рукопись представляет собою объёмное произведение объёмом 16121 бейтов на 400 листах (почти 800 страниц). Это хорошо сохранившаяся массивная книга в кожаном переплёте размером около 35x25x12 сантиметров, переписана прекрасным насхом, на плотной бумаге с водяным знаком (груша с двумя листочками), заглавия выделены киноварью. Написана «Каландар-наме» в городе Кърым (قریم). Автор приступил к написанию в 1320 году при Узбек-хане и завершил в 1340 году при Джанибек-хане. Единственный сохранившийся экземпляр «Каландар-наме» представлен ранним списком 761 г.л.х. (1359/1360) и хранится в Рукописном фонде Института Востоковедения им. Абу Райхана Бируни Республики Узбекистан (инв.№ 11668). Переписчиком её является Шейх Баязид уш-Шаки Самрини, а автором - Абу Бакр Каландар Руми (Аксарайи).

Сведения о жизни и деятельности Абу Бакр Каландар Руми мы можем почерпнуть, в первую очередь, со страниц его произведения. Упоминание о нём мы также находим в путевых заметках знаменитого арабского путешественника Ибн Баттуты. Так, он пишет о встрече с шафиитским проповедником Абу-Бакром, проповедовавшим при соборной мечети города Кърым [3, с. 281].

Данные о времени и месте написания «Каландар-наме» можно почерпнуть из самого текста рукописи. Автор так пишет о времени, когда он приступил к записи своего сочинения: در بیان صورت عشاقیان و اوصاف سیرت او که / بفرمان خدای تعالی از پیر قلندر رومی / در قریم اظهار شد در تواریخ هفتصد و بیست

По призыву Всевышнего к Пир Каландару Руми Речь о влюблённых и их пути / Изложена в Кърыму в семьсот двадцатом году

В рукописи автор указывает года в летоисчислении по лунной хиджре. Таким образом, 720 г.л.х. соответствует 1320/21 гг. григорианского календаря. Третья часть была завершена около 1340 года, о чём также имеется соответствующая запись: در تواریخ هفتصد بود و چهل / کین بیان چو سیل / سر برزد ز دل

Шёл год семьсот и сороковой / Из сердца хлынула речь сия бурной рекой

740-й г.л.х. соответствует 1339/40 г. О последних частях книги имеется следующее упоминание: در بیان آنکه چهار مجلد قلندرنامه در دور پادشاه عادل / آذبکه خان رحمه الله بقلم آمد در شهر قریم و مجلد پنجم در دور سلطان محمود جلال الدین جانی بیک / خان عادل خلد الله ملکه تمام شد

«Четыре тетради повествования Каландар-наме во время справедливого падишаха Узбека (да будет милостив к нему Аллах!) были записаны в городе Кърым. А тетрадь пятая – при справедливом султани Махмуде Джалаладине Джанибек-хане ... была завершена».

Период правления Джанибека приходится на 1342-1357-ые года. Таким образом, работа над составлением «Каландар-наме» длилась не менее 23 лет и была завершена в середине XIV века в городе Кырим (قریم), бывшего в то время столицей золотоордынского улуса на полуострове.

Что касается списка с авторского варианта «Каландар-наме», то в самом тексте рукописи указано, что список был закончен в месяце шаабан 761 г.х. (примерно соответствует июлю 1360 г.). Составителем списка указан Шейх Байазид аль-Ушшаки ас-Самрини. Нисба переписчика (سمرینی) может свидетельствовать о его иранском происхождении, т.к. наиболее вероятным местом, откуда он происходил, является городок Самрин (ثمرین) на северо-западе современного Ирана. В XIV столетии именно в

этом районе располагалась столица Хулагуидов. О том, где в чьих руках находилась рукопись до обнаружения в Узбекистане в определённой мере можно судить по печатям на её страницах – в частности небольшим квадратным печатям на листах 35, 69, 142, 397, 398, а также небольшой круглой печати на первой странице рукописи. Кроме того, информативной является крупная (длиной около 10-12 сантиметров) овальная печать на лицевой стороне обложки книги. Примечательно, что между завершением составления авторского варианта «Каландар-наме» и временем составления сохранившегося списка прошло немногим менее двадцати лет, что может свидетельствовать о востребованности этого произведения.

Исмагил Гибадуллин и Ильнур Миргалеев в предисловии к переводу «Каландар-наме» подробно останавливаются на характеристике личности Абу Бакра Каландара, высказывая несколько интересных предположений. Исследователи приходят к выводу, что Абу Бакр Каландар Руми (Аксарайи) аль-Умми является представителем малоизвестной ветви анатолийских каландаров, основателем суфийского ордена ‘Ушшакийан («Влюблённые»), – первый из пяти дафтаров так и назван «’Ушшак-наме» – «Поэма о влюбленных». Известно, что он родился в городе Аксарай (а Малой Азии, где нашли прибежище многие иранские учёные, спасавшиеся ранее от нашествия монголов) во второй половине XIII века, однако значительную часть жизни прожил в городе Кърым (Солхат) [3, с. 38-41]. Он упоминает о своих встречах со многими видными религиозными деятелями и суфиями того времени, причём большая их часть связана именно с территорией Малой Азии и Сирии (Султан Валад, Мухаммад Кудджани, Эрзурум Абдал, Али За’фарани, Шейх Барак Руми, Ахи-Эврен Дубильщик, Садр ад-дина Муваллах, Шейх Бахтияр Абдал, Джамал ад-дин Мухаммад б. Йунус ас-Саваджи и др.).

«Каландар-наме» построен на принципах классического ислама хотя и поданного в суфийской оболочке. Не случайно Ибн Баттута, посетивший г. Кърым весной 1333 г. называет Абу Бакра шафиитским проповедником при соборной мечети (напомним – лишь несколькими годами ранее ислам

был провозглашён ханом Узбеком официальной религией Золотой орды). При всём этом в «Каландар-наме» заметны неприсущие ортодоксальному исламу элементы бытового мистицизма, в т.ч. астрологии, примет и гадания, народной медицины. Возможно, именно с этим связано то обстоятельство, что в опубликованном переводе «Каландар-наме» отсутствуют отдельные разделы, не получившие одобрения Совета муфтиев России. Абу Бакр Каландар говорит о пяти приближённых сподвижниках, и о множестве последователей. Тем не менее, мы не замечаем видимого следа, который бы оставило это суфийское течение. Вероятно, его народный характер послужил причиной растворения этого учения среди масс, и когда в дальнейшем в Крым прибыл Эвлия Челеби, он писал уже о широком распространении суфизма по всему полуострову и наличии собственных местных братств.

На основании изложенного выше материала можно сделать следующие выводы: а) в первой половине XIV века в Крыму на постоянной основе проживали носители литературного персидского языка; б) наличие ранней копии «Каландар-наме» может говорить о том, что персоязычная духовная литература в XIV веке в Крыму была востребована и имела определённый круг читателей; в) в Крыму первой половины XIV века сформировалась и распространилась особая форма суфийского учения, объединившего сложные многоуровневые принципы ортодоксальные суфизма с народным мистицизмом, что способствовало дальнейшему распространению ислама в регионе.

Библиографический список

1. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное. – Пер. с перс. И.Р.Гибадуллина, М.Р.Шамсимухаметовой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 1044 с.
2. Муниров К., Джуванмардиев А. Бесценное пополнение // Общественные науки в Узбекистане, 1966 г., №11.

3. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из сочинений арабских). – Санктпетербургъ, 1884. – 564 с.
4. Хамзин А. «Каландарнома» философский трактат, написанный в Крыму в XIV веке / Авдет, газ. «Авдет», №27(451) 09.07.2007

СУФИЙСКИЙ ОРДЕН МЕВЛЕВИ В КРЫМУ В XIV–XIX ВЕКАХ

Сухоруков Алексей Николаевич

Аннотация. В настоящей работе проводится исследование функционирования суфийского ордена “мевлеви” на территории Крыма на протяжении длительного периода с нача XIV по конец XIX века. На основании свидетельств средневековых учёных отмечается, что последователи Джелаладдина Руми, идейного вдохновителя ордена мевлеви, оказались в Крыму уже в конце XIII века. Наибольшего распространения орден мевлеви в Крыму достиг во время Крымского ханства, находясь под покровительством правящей династии Гираев. После установления в Крыму советской власти орден мевлеви трансформировался в особую местную суфийскую традицию «саади», вобрав в себя элементы ордена йасавийа.

Ключевые слова: Руми, мевлеви, Крым, суфизм, Каландар-наме.

MEVLEVI ORDER IN THE CRIMEA IN THE XIV – XIX CENTURIES

Sukhorukov Alexey Nikolaevich,

Annotation. This article deals with the functioning of the Sufi Mevlevi Order in the Crimea for a long period from the beginning of the 14th to the end of the 19th century. On the basis of evidence from medieval scholars, it is noted that the followers of Jalaladdin Rumi, the ideological mastermind of the Mevlevi Order, found themselves in the Crimea at the end of the 13th century. The Mevlevi Order in Crimea reached its greatest extent during the Crimean Khanate, under the auspices of the ruling dynasty Giray. After the Soviet power was established in Crimea, the Order of Mevlevi was transformed into a special local Sufi tradition of «Saadi», incorporating elements of the Yasawiya Order.

Key words: Rumi, Mevlevi, Crimea, Sufism, Calandar Name.

Постановка проблемы. Джалаладдин Руми или Балхи (1207–1273), известный также как Мевлана (с арабского «господин наш»), является великим персоязычным поэтом-мистиком, оставившим после себя богатое литературное наследие. Родился он в Балхе, на севере современного Афганистана, но большую часть жизни провёл в Малой Азии, известной тогда как Рум и находившейся под управлением турок-сельджуков.

Наиболее известным произведением Джалаладдина Руми считается «Маснави-йи манави» («Поэма о сокрытом смысле»). Это мистико-

дидактическая поэма в шести частях, своеобразная энциклопедия суфизма в стихах, названная Абдурахманом Джами «Кораном на персидском языке». Кроме этого Дж. Руми является автором сборника газелей, четверостиший и других коротких поэтических форм общим объёмом около 30 тысяч бейтов, объединённых в «Диван Шамса Табризи». Эти стихи, как отмечает О. Акимушкин, «были написаны большей частью для радений и отличаются высоким эмоциональным настроением, мелодичностью, ритмичностью, экстатическим характером; почти все посвящены беззаветной любви к Богу и мистическим восторгам» [25; с. 12]. Пояснением к отдельным теоретическим и практическим вопросам из «Маснави» посвящено собрание «Фихи ма фихи» («Здесь то, что здесь (есть)»). Письма Дж. Руми представлены в сборнике «Мактубат», а отдельные проповеди с пояснениями к некоторым хадисам, прославлением Бога и Пророка вошли в собрание «Мава‘из ал-маджалис ас-саб‘а». Сам Дж. Руми писал мало – собственноручно им записаны лишь «Мактубат» и первые 18 бейтов «Маснави», остальное собрано его учениками, в первую очередь Хусам ад-дином Челеби и старшим сыном самого Руми – Султан Веледом.

Основная часть. Школа Руми была сформирована ещё около 1240-го года, но после его встречи с Шамсом Табризи и полным преобразованием в 1244 году, учение Руми приобретает совершенно иную окраску. Философская глубина содержания «Маснави», ритмичность и мистическая экстатичность многих стихотворных произведений Руми способствовали росту его популярности среди различных слоёв населения Сельджукского султаната. Уже вскоре после смерти Дж. Руми (1273 г.) его ученики формируют новый суфийский орден, получивший известность как «мевлеви», хотя Ибн Баттута, посетивший Конью в 1332 г., называет его «джалилийа» [11; с. 431], видимо, по начальному имени Джалаладдина Руми. Церемониальной отличительной особенностью ордена является особое место «сама» – религиозных песнопений с характерными вращениями, из-за чего в западном мире орден стал известен как «братство кружащихся дервишей». Усеинов Т. Б. пишет: «Великий мистик создал

суфийскую общину мевлеви, которая в короткий срок стала столь популярной в османском и крымском обществе, что правители данных государств вынуждены были считаться с позицией последователей Руми при решении тех или иных общественных и политических вопросов» [28; с. 290].

При сельджукидах, как и при последующих династиях, орден мевлеви пользовался всемерной поддержкой султанов, отдельные из которых были его последователями. Это обстоятельство во многом послужило причиной того, что орден был распространён в пределах влияния турок-сельджуков, а потом османов. Крымский полуостров не стал исключением из этого правила.

В настоящей работе будет рассмотрена деятельность представителей ордена мевлеви на территории Крымского полуострова в период с XIV по начало XX столетия.

Прежде всего, стоит кратко остановиться на истории исламизации Крыма и месте суфиев в этом процессе. Так, традиция связывает появление первых мусульман на Крымском полуострове с именами двух сподвижников пророка ислама – Малик Аштера и Гази Мансура. Имеющиеся данные и исторические свидетельства не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть эту легенду. Даже если эти сподвижники пророка и оказались в Крыму, это не привело к исламизации населения. Построение первой мечети в Крыму относят к 1221/1222 году, когда турки-сельджуки захватили Судак и всего за две недели построили мечеть, поставили кади, муэдзина и хатиба [10; с. 103]. Косвенным подтверждением распространения исламской культуры и литературы в Солхате в конце первой четверти XIII века является создание там в этот период поэмы «Юсуф и Зулейха» Махмудом Кырымлы. Последние исследования поэмы говорят в пользу того, что автор был последователем среднеазиатского суфийского шейха Ахмеда Ясави [3; с. 142].

Важным периодом в процессе исламизации Крыма стало непродолжительное, но очень богатое событиями время правления хана Берке (1255-1266 гг.), младшего брата золотоордынского хана Батыея, внука

Чингизхана. Джузджани, персидский историк XIII века, передаёт, что Берке с юных лет обучался Корану под руководством одного имама в Ходженте, проникся исламом и, после достижения 30-летнего возраста, не скрывал своих убеждений. Эвлия Челеби сообщает, что при хане Берке в главном городе Крыма – Солхате, в 1262-1263 гг. была построена мечеть силами Бей-Хаджи Умара Бухари [13; с. 83]. Сам хан Берке стал первым чингизидом, принявшим ислам. Традиционно считается, что полный переход хана Берке в ислам произошёл под влиянием личности суфийского шейха в Сейф-ад-Дина Бохарзи во время военного похода Берке в Балх и Бухару.

А 1265/1266 году, возвращаясь в Крым после удачного похода, хан Берке (Баракат-хан) привёл с собой, как об этом сообщает «История Тохтабая» в передаче Э. Челеби, около 1800 учёных-шейхов (бабайи) из Балха и Бухары, построил им соборные мечети и медресе и наделил их имуществом [23; с. 7].

В середине 1260-х годов в Крыму оказывается ещё одна крупная группа мусульман–суфиев, прибывших с другой стороны, а именно из Коньи и Анатолии, входивших в состав Сельджукского султаната. Дервиши прибыли одной большой группой, сопровождавшей в пути освобождённого из византийского плена бывшего сельджукского султана Кей-Кавуса II. Во главе дервишей находился легендарный суфийский проповедник Сары Салтук Баба, ученик Ахмета Йасави. Хан Берке, будучи уже ханом всей Золотой орды, отдал Кей-Кавусу два города в Крыму – его столицу, Солхат, и богатый портовый город Судак. Дочь хана Берке (правнучка Чингиз-хана) стала женой Кей-Кавуса. До самой смерти он был покровителем, защитником и попечителем суфиев в Крыму. При хане Берке ислам не был признан официальной религией в Золотой орде, более того, наследники Берке были сторонниками традиционных верований, и лишь заступничество и авторитет Кей-Кавуса в доверенной ему части Крыма позволили мусульманам заметно укрепить свои позиции. После смерти Кей-Кавуса (1278 г.) многие дервиши, прибывшие вместе с ним, покинули Крым и, ведомые Сары Салтуком, перебрались в Дунайский улус Ногая.

Таким образом, в середине 1260-х годов в Крым почти одновременно прибыли две группы мусульман, среди которых значительную часть составляли сторонники суфийского учения. Пришли они из двух различных регионов: из Средней Азии (Балх и Бухара) и Малой Азии (Конья и Анатолия), но были близки друг другу (тот же Сары Салтук был выходцем из Средней Азии и много лет назад отправился проповедовать в Анатолии по указанию своего учителя Йасави).

Возвращаясь к вопросу об истории ордена мевлеви в Крыму стоит указать, что сам Кей-Кавус – защитник и покровитель мусульман Крыма, поставленный золотоордынскими ханами править в столице Крымского улуса – Солхате и богатом портовом городе Судак, на протяжении долгого времени тесно общался с Джелаладдином Руми и был его учеником. Другим его мюридом (учеником), по мнению некоторых исследователей [8; с. 67], был сам Сары Салтук. Несомненно, Сары Салтук и Дж. Руми, были знакомы, и очень высока вероятность того, что именно Дж. Руми был связующим звеном между Сары Салтуком и опальным султаном Кей-Кавусом II.

Известный современный исследователь истории суфизма в Крыму Н. Абдульваапов делает осторожное заявление: «Довольно длительный период проживания Кейкавуса в Крыму даёт основания предполагать, что имя Руми и его творчество, – одна из вершин мировой мистической литературы, – могли стать известными в Крыму уже при жизни поэта» [3; с. 145].

При всём этом, сам факт проживания в Крыму учеников Дж. Руми, насколько близки они бы к нему не были, не означает, что последователи ордена мевлеви оказались на полуострове в 1260-1270-х годах хотя бы потому, что в то время орден ещё не сформировался в отдельную структуру со своим уставом и характерной ритуальной практикой. Лишь после смерти Дж. Руми в 1273 году его старший сын Султан Велед в своих сочинениях «Рубаб-нама» («Книга рубаб») и «Ишк-нама» («Книга любви») заложил основы формальной стороны учения.

До нас дошло не так много исторических свидетельств о духовной жизни в Крыму на рубеже XIII-XIV веков. Но то, что сохранилось, говорит о нахождении на полуострове образованных людей, хорошо знакомых с учением Дж. Руми и разделяющих его взгляды. Ценным источником по указанному временному периоду является объёмный поэтический труд на суфийскую тематику – «Каландар-наме». Впервые об этом сочинении становится известно в 1966 году, когда К. Муниров и А. Джуванмардиев в журнале «Общественные науки в Узбекистане» (№11) публикуют статью «Бесценное пополнение». В ней говорится о рукописи, купленной ими в ходе традиционного выезда в области, города и районы республики в научные командировки для приобретения сохранившихся на руках населения сочинений. Эшреф Шемьи-заде после этого в одной из своих книг упомянул об авторе средневекового Крыма Эбубекире Мухаммеде, написавшем философский трактат «Каландарнома». На некоторое время интерес к «Каландар-наме» пропал, и лишь в 2003 году Юнус Кандымов обратился к Али Хамзину с просьбой выяснить местонахождение сочинения. Справиться с этой задачей ему помог ташкентский востоковед-иранист Энвер Хуршут. 30 апреля 2007 году был заключён «Договор №7 о научном сотрудничестве между Институтом востоковедения АН РУз и Меджлисом крымскотатарского народа» об издании и изучении «Каландар-наме». Хотя данный договор и не был реализован в полной мере, однако сочинение средневекового крымского богослова уже привлекло внимание нового руководства. Институт востоковедения Узбекистана установил сотрудничество с Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, после чего «Каландар-наме» оказалось введено в широкий научный оборот. С 2014 года переводы отдельных его глав с комментариями издавались в журнале «Золотоордынское обозрение», а в 2017 году свет увидел полный перевод «Каландар-наме», осуществлённый рабочей группой в составе И. Зарипова, Р. Абянова, и И. Галеева под общей и научной редакцией И.Р. Гибадуллина [6].

Автором «Каландар-наме» является Абу-Бакр Каландар или, как он сам называет себя в тексте – Пир Каландар Руми, выходец из города

Аксарай (Анатолия). Опираясь на слова самого автора, можно говорить о том, что написание этого труда заняло не менее 23 лет (около 1320-1342 гг. и, возможно, позже), а местом составления однозначно называется город Кырим (قریم), столица золотоордынского улуса на полуострове.

И.М. Миргалеев собрал доступные данные относительно составителя «Каландар-наме». Он пишет: «Информация об Абу Бакре Каландаре встречается и в источниках: о нем упоминают два известных автора XIV в., это Ибн Баттута [32] и Ахмед Эфляки [31]. Как известно, Ибн Баттута был в Золотой Орде и встречался не только с правителями, но и с известными мусульманскими учеными. Например, весной 1333 г. во время посещения города Солхат, он познакомился с имамом соборной мечети этого города с Абу Бакром [32; с. 464–465]. Эту мечеть построил мамлюкский правитель Мелик Насир. Имамом такой мечети могли ставить только приближенного к Узбек-хану религиозного деятеля. Это говорит о том, что Абу Бакр был уже к этому времени известным и уважаемым ученым. Скорее всего, он был среди активных проповедников ислама, религии, которая теперь в Золотой Орде стала государственной. Кстати, ссылаясь на «Тухфат ан-назар» Ибн Баттуты, об Абу Бакре Каландаре пишет и Ш. Марджани» [18; с. 241].

«Каландар-наме» состоит из пяти томов и написана на персидском языке. По структуре она близка «Маснави манави» Дж. Руми – написана тем же поэтическим метром, и посвящена тем же вопросам. Повествование перемежается притчами, наставлениями и некоторыми историческими справками. Особую ценность представляет глава, повествующая о встрече автора с Султан Веледом – старшим сыном Дж. Руми, продолжившим дело отца и руководившего орденом мевлеви до 1312 года (стр. 201 рукописи) [27; с. 151-153].

Отношение Абу-Бакра Каландара к Дж. Руми отражено в отдельной главе, посвящённой великому мистика. Это глава 180 под названием «Восхваление Мавлана Джалал ад-дина Руми (да пребудет над ним милость Аллаха!)». Она состоит из 18 бейтов. Абу-Бакр Каландар не скупится на похвалы и в адрес главного произведения Дж. Руми – «Маснави манави», называя его источником ответов на все вопросы, «морем знаний», «волною

жемчугоносной, целиком духовной», бейты которого «освежают душу и дух» [6; с. 300].

Исмагил Гибадуллин и Ильнур Миргалеев в «Предисловии» перевода на русский язык «Каландар-наме» пишут: «Следует особо остановиться на связи Абу Бакра Каландара с Джалал ад-дином Руми и восходящим к нему орденом Мавлавиййа. В своем произведении он пишет о том, что прибыл в Конью и удостоился “взора благосклонности” сына Руми и основателя ордена – Султана-Велада. Абу Бакра Каландара, который, несомненно, был хорошо знаком с главным произведением Джалал ад-дина Руми и восторгается им на страницах “Каландар-наме”, можно считать продолжателем и эпигоном заложенной его предшественником поэтической традиции» [6; с. 39].

В 1333 году Крым посетил и оставил ценные путевые заметки известный арабский путешественник Ибн Батутта. Он описал встречу с имамом соборной мечети Солхата (Кырым), а также посещение обители Саида Бохарзи, где Ибн Батутта присутствовал при исполнении «сема» – ритуального танца суфиев [16; с. 65].

Есть косвенные основания полагать, что в конце XIII века ещё одна обитель мевлеви возникла вблизи города Кезлев (современная Евпатория) в западной части Крымского полуострова. Первоначально текие дервишей было деревянным. А когда Кезлев перешёл под управление крымских ханов, то на прежнем фундаменте вместо деревянного текие было возведено каменное. Невдалеке построили Соборную мечеть, известную как мечеть Шукурулла-эфенди, а позднее ещё и медресе [1; с. 16]. Археологические исследования свидетельствуют о неоднократной реставрации текие начиная с XVII века. При постройке текие использовалась традиционная техника усиления звука посредством размещения в стенах особых керамических сосудов, выполняющих роль резонаторов, – таким образом, чтобы звук, распространяясь из центра помещения, усиленным эхом возвращался из-под верха купола. Подобный звуковой эффект позволял быстрее достичь нужного состояния во время проведения «сема» со специальным танцем и повторением под музыку

молитвенных фраз (зикром). По периметру центрального зала текие расположены входы в девятнадцать келий, семь из которых – двойные.

В настоящее время это текие дервишей считается единственным в Европе, сохранившим свой первоначальный вид. В отдельных источниках при упоминании об этой обители используется выражение «текие Одун-базар къапусы» или просто «Одун-базар» по названию самых крупных крепостных ворот Кезлева, за пределами которых, несколько севернее, располагалась обитель дервишей мевлеви. Находившийся в 1666–1667 годах в Крыму турецкий путешественник Эвлия Челеби отмечал чрезвычайную «многолюдность» текие на Одун-базаре [30; с. 90]. Всего в Кёзлеве Челеби упомянул три текие.

Сам Э. Челеби был членом ордена мевлеви, и маршрут его путешествия строился, большей частью, на переезде от одного текие к другому. В своих путевых заметках («Сеяхетнаме») он оставил много интересных данных о различных аспектах социально-политической и духовной жизни на Крымском полуострове, его истории и современном ему положении. Примечательно, что его фамилия напрямую говорит о связи с высшей прослойкой представителей ордена мевлеви. Хусам ад-Дин Челеби (ум. в 1284 г.) был ближайшим учеником и доверенной особой Дж. Руми, именно ему Руми диктовал свои стихи. Вскоре термин «челеби» стал обозначать высшую духовную степень, а самого главу ордена мевлеви стали именовать «Челеби-эфенди» [7; с. 611-614]. История сохранила имена некоторых литературных деятелей крымского ханства, которые носили фамилию Челеби. Наиболее известным является Шуайб Челеби. В их художественных произведениях всегда была заметна суфийская направленность.

Возвращаясь к «Сеяхетнаме» Эвлия Челеби укажем, что автор путевых заметок старался быть точным и беспристрастным в описании виденного. Так, характеризуя конфессиональное положение в г. Кафа (современная Феодосия), он пишет: «Короче говоря, так как народ Кефе весь – народ единобожников, то здесь имеются текке братств хальвети, джалвети, кадири и гольшени. Однако текие братства Мевляны или

мевлеви-хане здесь нет». При этом, оценивая в целом положение суфийских орденов в ханстве, он называет орден мевлеви в числе самых влиятельных в Крыму [30; с. 90]. О степени популярности «кружащихся дервишей» Мевляны в Крыму говорит тот факт, их мистический танец был заимствован крымскими татарами и трансформировался в народный танец «хайтарма» [1; с. 16].

Дервиши любых орденов пользовались почтением среди населения Крыма. Орден мевлеви отличался от всех особым отношением к нему крымских ханов. В Османской Турции этот орден сохранял тесные отношения с верхушкой страны, считаясь особо приближенным к правителям. В Крыму также с возникновением Крымского ханства орден оказался под покровительством правящей ханской династии Гираев. Орден мевлеви называют самым богатым и привилегированным среди суфиев. Во главе ордена стоял шейх. Власть шейха была наследственной и почти неограниченной [1; с. 16]. Именно он в Хан-джами короновал наследника престола и опоясывал хана мечом Османа.

Всего Эвлия Челеби указывает на 33 текие различных орденов в Крыму. Наибольшая концентрация их приходилась на Кафу и Бахчисарай (по 9 текие в каждом). Однако окраска орденов в этих местах заметно отличалась. В городе Кафа были представлены «народные» суфийские братства – ни одного текие мевлеви, тогда как в Бахчисарае, столице Крымского ханства, и его округе их было несколько. Неслучайно центром этого ордена в Крыму считалась текие на городище Эски-юрт (на территории современного Бахчисарая), где находились мавзолеи некоторых крымских ханов.

Селения, располагавшиеся на месте современного Бахчисарая и его округе (Эски-Юрт, Салачик и Кырк-Ер) ещё раньше, с середины XIV века, сформировали один из центров ислама в Крыму. По данным Акчокраклы, в 1346 году в Эски-Юрт была возведена мечеть, а затем и медресе [17; с. 52]. Здесь же были обнаружены, среди прочего, две могильные плиты с надписями на персидском языке. Относились они к концу XIV - началу XV столетий. Примечательно, что одна из надписей (нач. XV ст.) – زنى او افتادم

12] خون شد جگر من... [с. 27-28] – обращается к мотиву флейты, столь популярному среди ордена мевлеви.

Текие в Эски-Юрте было построено при Мехмеде IV (правил в 1641-1644, 1654-1667 гг.), который считался покровителем братства мевлеви. Помимо Мехмеда IV членами суфийских братств (преимущественно мевлеви) были ханы Ислам II (1584-88), Хаджи Селим I (1671-78, 1684-91, 1692-99, 1702-04), Шехбаз (1787-89), принц Халим Герай (ум. 1823), члены семьи Шехбаз Герай (ум. 1836), Саид Герай (1-я пол. XIX в.) и другие [4; с. 25].

Сохранившиеся данные свидетельствуют, что ханы иногда отдавали своих детей на воспитание суфийским шейхам. Так, например, Ислам Герай II (член братства мевлеви) отдал своего сына Девлета на воспитание (аталычество) шейху Абдурахман-эфенди. О силе и чистоте веры ханов – членов ордена мевлеви можно судить по воспоминания известному османскому шейху XVII в. Мехмеда Ниязи-и Мысри, бывшего в дружеских отношениях с прославленным ханом Хаджи Селим Гераем (ум. 1704). Шейх был в восторге от личности хана (члена ордена мевлеви) и вообще – от крымских татар, считая их веру более искренней и «здоровой» (в сравнении с верой в Бога османов) [4; с. 20].

Поэзия Дж. Руми оказала сильнейшее влияние на османскую и крымскотатарскую литературу. Абдульваапов Н. указывает, что «значительная часть наиболее известных османских поэтов дивана были мевлеви» [Абдульваапов 2013: 233]. Подобная ситуация наблюдалась и в Крымском ханстве. Подробнее о поэтах-суфиях из династии Гиреев можно ознакомиться в статье «Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература» Абдульваапова Наримана [4; с. 25]. В этой же статье автор в качестве примера приводит имена некоторых членов ордена мевлеви в Крыму, которые покинули родину и достигли высот на различных поприщах в других частях Османской империи. Так, Абдулла Рамиз-паша (уб. 1813), выходец из Бахчисарая, поэт, стал высокопоставленным сановником и членом правительства «Рушукских братьев»; Феррух Исмаил (ум. 1840), бахчисараец, известный

просветитель, богослов, поэт, переводчик, в 1797-1800 гг. был послом Османской империи в Англии; Ахмед Эфляки-деде (1808–1876), главный придворный часовщик, выдающийся представитель османского часового искусства; Фазыл Мехмед-паша (ум. 1882) – известный поэт, мулла Белграда, управляющий Боснией в отсутствие паши [4; с. 24].

Обилие крымских членов ордена мевлеви на службе в Османской империи в 19 веке объясняется тем, что с конца XVIII века Крым оказался в составе Российской империи. Первоначально по отношению к исламскому населению не предпринималось никаких мер. «Более того, – пишет И. Загидуллин, – крымские суфии – точнее, шейхи тарикатов, – включались в список мусульманского духовенства, что превращало их в отдельный слой общества, и наделяло официальным статусом и определёнными привилегиями, в частности, освобождением от некоторых повинностей и налогов» [9; с. 201].

За первое столетие нахождения Крыма в составе Российской империи количество текие (обителей) дервишей на полуострове не уменьшилось, а увеличилось – с 21 по состоянию на 1783 год до 23 текие в 1891 году [8; с. 72]. И это при том, что предыдущий (XVII) век в Крыму можно считать временем постепенного снижения авторитета суфизма и привлекательности его для простых мусульман ввиду продолжавшегося расслоения исламской общины по степени достатка и превращения шейхов, которые прежде отличались исключительной благочестивостью, в обычных крупных землевладельцев с сохранением отдельных признаков принадлежности к мистическому братству. Ярким показателем потери популярности суфизма в Крыму стало снижение количества текие с 33 в середине XVII века (по описанию Эвлия Челеби) до 21 при описи 1783 года.

В XIX веке происходит постепенно ограничение контактов дервишей на внутренних территориях России с внешними. Это проявлялось в усложнении процедуры получения разрешения на выезд, в т.ч. для совершения паломничества в Мекку, а также в запрете иностранным дервишам в получении российского гражданства. Ограничения были закреплены положениями Азиатского Комитета от 15 марта 1832 г. и 5

декабря 1834 г., а также Положением Комитета Министров от 18.02.1836 г. [Полное собрание законов 1837: 133-134]. После доноса генерал-губернатору графу Воронцову, что дервиши, якобы, готовят заговор, их перестали пускать на территорию Крыма, а те, кто остался, рассматривались как неблагонадёжная часть населения.

Указанные выше данные о существовании в Крыму в 1891 году не менее 23 текие дервишей подтверждаются воспоминаниями путешественников, ставших свидетелями мистерий дервишей и изложившими на бумаге свои впечатления от виденного. Эти свидетельства являются ценным историческим источником, позволяющим, среди прочего, определить принадлежность дервишей к тому или иному направлению.

Наиболее полное собрание воспоминаний о встречах с дервишами Крыма в период нахождения его в составе России представлено в статье Брилёва Д.В. «Суфизм в Крыму под властью Российской империи» [8; с. 72-84]. Для полноты и объективности картины уместно кратко остановиться на каждом из свидетельств.

В 1786 году, вскоре после завоевания Крыма Российской империей и укрепления новой власти, Крым посетили некоторые представители европейской прогрессивной интеллигенции, в том числе английская писательница Элизабет Кравен, графиня Беркли, и известный политический деятель, будущий активный участник французской революции Жильбер Ромм. Их воспоминания служат интересным историческим источником о жизни населения Крыма конца XVIII века.

Путевые заметки леди Кравен (Крейвен) были опубликованы в 1789 году, а в 1795 переведены на русский язык и изданы в Москве [Путешествие в Крым 1795]. В них, среди прочего, автор описывает специально устроенное для неё представление дервишей, собравшихся по приказу генерала Каховского и продемонстрировавших иностранной гостье суфийское мистическое богослужение. «Они стояли кругом посреди мечети, – пишет Э. Кравен, - и со вздохами ударяли о пол лбом, и вставали попеременно. Продолжая несколько раз такие телодвижения, и вертясь все

одинаковым образом, многие из них упали в обморок, в котором валялись на землю. Их относили в отдалённые углы мечети, в которых складывают этих богомольных суеверов, посвящающих своё тело и время в доказательство набожности святому их Пророку» [22; с. 279].

Жильбер Ромм оставил более пространное описание его встречи с дервишами в Крыму в том же 1786 году. Некоторые характерные элементы в описании свидетельствуют о принадлежности встреченных им в Бахчисарае дервишей к ордену мевлеви. Приведём отдельные выдержки из заметок, сделанных Ж. Роммом: «Дервиши ... мерно двигались по кругу, скрестив на груди руки... После того как они походили так по кругу, один из них, которого называли шейхом, или начальником, вышел на середину и принялся испускать вздохи, постепенно все усиливая их и усиливая, покачивая туловищем и головой вправо и влево и поворачиваясь кругом; к нему присоединился другой, третий и т.д., так что посреди большого круга образовался малый круг возносящих вздохи; тогда пение стало раздаваться только время от времени, и слышны были одни лишь размеренные и ритмичные рыдания малого круга, но большой круг все продолжал двигаться, покачивая головами так же, как и рыдавшие. ... Тот из этих несчастных, которому... удастся привести себя в состояние наиболее сильного возбуждения, начинает с величайшей быстротой кружиться на одной ноге посреди круга, сначала скрестив руки на груди, затем, удвоив ревностные свои усилия, начинает бить по воздуху обеими руками, как будто для того, чтобы еще быстрее кружиться ... остальные стараются ещё сильнее его разгорячить; он продолжает так до тех пор, пока не начнёт валиться с ног; тогда его поддерживают, кружась вместе с ним, рыдая и раскачиваясь. Наконец, очнувшись, он возвращается в круг и продолжает проделывать то же, что и все остальные в кругу. Иногда они кружатся по двое, обнявшись так, как будто собираются вальсировать. Под конец они садятся на пятки опять-таки в круг, посредине – их начальник, или, за его отсутствием, старейший после него» [24; с. 40].

Орден мевлеви был не единственным суфийским братством в Крыму. Павел Сумароков, российский чиновник, состоявший на протяжении

нескольких лет в Комиссии по решению земельных вопросов в Крыму, оставил описания и дервишей другого братства, характерные признаки которого позволяют узнать в нём последователей ордена йасавийа. Представители разных направлений суфизма прекрасно уживались друг с другом, более того, они устраивали совместные собрания, описание одного из которых можно найти у П. Сумарокова в его книге «Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. Часть 1». После описания мистерии, характерной для братства йасавийа, когда участники собрания, под конец, стали без сил падать на землю, автор говорит о неожиданном продолжении собрания: «Выступили вертуны, которые вертелись в одну сторону, без остановки, с большой скоростью, минут по семь, и также падали от изнеможения» [26; с. 144].

Резкое ослабление контактов дервишей ордена мевлеви Крыма со своими братьями из Турции и центра ордена – города Коньи после распоряжений 1830-х годов привело к ещё большему размытию границ обрядовой стороны этого тариката и неизбежному частичному смешению с орденом йасавийа, которому характерен громкий зикр, коллективное движение дервишей по кругу, напоминающее в момент апогея дикий танец, отпугивающим образом действовал случайных свидетелей.

В 1892 в составе земской комиссии Бахчисарай посетил знаменитый украинский писатель Михайло Коцюбинский. Он оказался под сильным впечатлением от виденного в текие кружащихся дервишей и сделал записи, которые осенью 1904 года оформил в виде рассказа «Под минаретами». Приведём небольшой отрывок из данного рассказа на языке оригинала: «...Жива каблучка уже хитнулась. Раз у той бік, раз у другий. Спочатку плавко, поволі, у такт, немов тихі вітри хитають колом, немов лагідні хвилі гойдають водні лілеї. Схиляються чалми в честь шейха, гойдається мозок, як у колисці, душа бажає розгону, й дедалі зростає рух. Здається, вітри міцніють, підхоплюють коло. Все швидше та й швидше. Зростає пісня... дужчає голос, обличчя сяють, білі халати надулись від вітру, і мають поли. Поклони все глибші, все нижчі. Тіло згинається удвоє, в'ється, як вуж, китиці фезів скачуть по чалмах, а слова пісні злились у крик <...> Дика

радість хапає за серце... Абібула чує, як нові сили, великі, незміряні, ввілляла та пісня у його члени. Вони всі скачуть, радіють, усі славлять Бога... Плигає тіло в шалених рухах, хвилюють груди, і скаче голова, залита потом, а крізь заплющені очі він бачить небо, усе в огнях» [14].

Более полная версия записей Коцюбинского в переводе на русский язык приводится в работе Д.В. Брилёва «Суфизм в Крыму под властью Российской империи» [8; с. 80-81]. Мы укажем лишь на несколько важных деталей, заслуживающие внимания в рабочих записях Коцюбинского. Первое – это движение вертящихся дервишей по одному общему кругу, что присуще ордену йасавийа. Второе – нехарактерная для мевлеви форма зикра: «Хай-гай... ай... гай... ай... гай... ай... гай... ай... хай...». Третье – интенсивность и громкость этого зикра. Коцюбинский, описывая апогей мистерии вертящихся дервишей, отмечает: «Поющий приходит в экстаз, ускоряет пение, хлопает в ладоши, ай-гай стаёт ещё стремительней, переходит в рычание, дикое, звериное <...> Трутся лбами, лицами, крутят невозможно головами, гавкают, как собаки, часто, громко: гав, гав, гав, гав... Экстаз до кульминационной точки... В конце утомлённые, расслабленные, тихими, жалостными голосами, подняв руки, вздыхают: аминь... аминь.. аминь... аминь... Трут лица руками, будто просыпаются. Шейх благословляет. Кошмар» [15; с. 363]. Четвёртое важное обстоятельство, отличающее эти собрания от традиционных мистерий дервишей мевлеви в Турции, это использование их для излечения больных, которых начинают вносить в мечеть в процессе обряда верчения и складывать в центре. Дервиши самозабвенно кружатся вокруг них, укрытых белой накидкой.

Несколькими годами позже (1913) в путеводителе по Крыму Григорий Москвич описывал подобную же картину: «Другую достопримечательность Бахчисарая составляют “вертящиеся дервиши”. Одежда дервишей различного покроя и цвета. Головной убор состоит из тюрбанов. Дервиши собираются в мечеть вечером на молитву, становятся в круг и начинают выкрикивать слово Гуве. У татар дервиши считаются священными лицами и их молитвы, по всеобщему верованию, исцеляют

больных. Поэтому перед богослужением татары приводят своих больных, которых дервиши укладывают на пол, покрывая халатами, и становятся вокруг них. Молитва муллы сопровождается криками сильнее всех остальных. Постепенно движения молящихся становятся чаще, крики – громче. Наконец, они доходят до полного экстаза и начинают вертеться. В исступлении дервиши иногда падают на пол без чувств» [20].

Источником для материала Г. Москвина послужило описание, данное ему одним из руководителей экскурсии, посетивших Бахчисарай в 1902 году. Приведём некоторые места из этого описания, переданные в работе Брилёва: «Адские завывания безумно молящейся толпы ураганом диких звуков пронесли под низкими сводами мечети... Восточная дикая обрядность в начале ещё не очень пугает зрителя. Но постепенно движения молящихся становятся чаще, выкрикивания неистовее и громче...» [19; с. 111-112]. Как мы видим, на рубеже XIX и XX веков наблюдается явный отход от классических традиций ордена мевлеви в сторону сближения с народными формами.

В путеводителе по Крыму Григория Москвича от 1908 года приводились некоторые статистические данные о количестве суфиев Бахчисарае и их собраниях: «Другую достопримечательность Бахчисарая составляют “вертящиеся дервиши”. Подобного зрелища в другом месте в России нельзя увидеть. Вертящихся дервишей можно видеть (с проводником) в мечети (текэ) на Азизе – по четвергам с 9 час. вечера. Церемония длится около 3 час. Доступ в текэ всегда всем свободен. Всех дервишей насчитывают до 200: делятся они на 4 ордена; вертящихся всего человек человек 40» [19; с. 111].

Последним известным источником о состоянии суфийского движения в Крыму в начале XX века служит публикация Михаила Шевлякова в «Историческом вестнике» (1909 г.), который, упоминая о «вертящихся» дервишах, отмечал их малочисленность. Относительно достоверности его данным можно высказать сомнение и предположить, что его публикация явилась результатом переосмысления уже опубликованных работ М. Коцюбинского и Г. Москвича. Он повторяет, с незначительными

отличиями, все основные положения указанных двух авторов, облекая в иную литературную форму и снабжая некоторыми деталями. Хотя нами и высказаны сомнения в том, что М. Шевляков сам был очевидцем описанного, однако, ввиду того, что автор мог обращаться и к дополнительным источникам, считаем необходимым вслед за Д. В. Брилёвым привести полную цитату из публикации Шевлякова относительно дервишей мевлеви в Крыму:

«...Вертящиеся дервиши, несомненно, произведут очень сильное впечатление. Этим монашествующих магометан вообще немного, а в России небольшая их горсточка только и существует в Бахчисарае, где они имеют свою собственную, очень приземистую и невзрачную мечеть в пригороде, в местности, называемой Азиз и расположенной возле станции железной дороги. Для молитвы они тут собираются раз в неделю – в четверг поздно вечером – и молятся до самой полуночи... Богослужение дервишей заключается в произнесении громких гортанных звуков и в покачивании на месте всем туловищем и отдельно головой, с таким ежеминутно нарастающим ожесточением, что с зрителями случаются обмороки и едва ли вообще кто может наблюдать за этими людьми без головокружения и страшного подъёма нервов. Их возбуждение легко передаётся наблюдающим и если сами они не валятся долгое время с ног, так потому только, что стоят в тесном кружке и крепко держат друг друга за руки. Но всё-таки в конце концов и они не выдерживают своих тяжёлых движений и падают на каменный пол, где сидя, поджав ноги, продолжают себя истязать раскачиванием головы из стороны в сторону до полного изнеможения. А у иных даже появляется у рта пена. И когда доведут себя до состояния полной невменяемости, и когда их отрывистое песнопение, заключающееся, кажется, в одном “алла-алла-алла”, постепенно замрет под сводами древней мечети, наступает пятиминутный отдых. А затем снова поднимаются и опять становятся в кружок для того, чтобы вновь начать “вертеться”. После третьего самоистязания, когда экзальтация их достигает высших пределов, а лица становятся белыми и глаза наливаются кровью, в мечеть начинают вносить тяжело болеющих мусульман. Их по очереди кладут на пол, в центр

кружка. Дервиши снимают с себя мокрые от обильного пота халаты и набрасывают их на болящих, и затем с большим экстазом продолжают выкрикивать свое “алла-алла-алла” и вертеться до нового изнеможения» [29; с. 180-181].

С каждым годом расхождения в характере мистерий дервишей мевлеви Крыма и Турции становились всё более заметными. В Крыму происходило их сращение с йасавийа, от мевлеви остались лишь элементы вращения и соответствующая суфийская литературная традиция. Было утрачено даже название тариката, – они стали известны как «саади», особая местная форма суфийской практики, при том, что всегда сохраняли элемент вращения в своих церемониях.

В 1914 году для ордена саади в Эски-Юрте было построено новое текие, выполнявшее одновременно функции мечети. Именно с этим текие связаны яркие воспоминания некоторых деятелей культуры и литературы конца XIX – начала XX веков, посетивших Бахчисарай.

После революции 1917 года и распространения в Крыму идей коммунизма практика дервишей, и прежде находившаяся в затруднительном положении, оказалась невозможной. Текие дервишей приходили в запустение. Дольше всего просуществовала суфийская община ордена мевлеви в Эски-Юрте (на территории современного Бахчисарая). В 1950 году знаменитое текие и мечеть в Эски-Юрте была разрушена, а на ее месте построен городской рынок Бахчисарая. С 2006 года по требованию общественности это историческое место было очищено и в настоящее время готовится к музеефикации. Текие дервишей мевлеви в Евпатории также восстановлено усилиями Алифе Ханум Яшлавской и сейчас входит в состав Этнографического музея. В частном порядке ведутся восстановительные работы и в текие Газы Мансур, располагающемся в бывшем селении Кырк-Ер (Чуфут-кале).

О степени популярности «Маснави» Дж. Руми в Крыму можно судить по сохранившимся в архивах музеев экземплярам этого произведения, а также составленных к нему комментариях. Данная тема специально никем не изучалась. Кроме того, известно, что большая часть рукописей и ценных

печатных изданий была вывезена из Крыма ещё до 1941 года. Наиболее ценный материал изложен в статье Н. Абдульваапова «Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае» [2], в которой автор опирается на Инвентарную книгу Бахчисарайского дворца-музея. Среди прочего, сообщается, что в Бахчисарайском музее представлен экземпляр «Маснави» Дж. Руми с апокрифичным 7 томом, изданный в Египте в 1852 году. Этот экземпляр «Маснави» принадлежал И. Гаспринскому, но был передан им в медресе Зенджирлы (Бахчисарай), а оттуда попал в музей. Кроме того, Гаспринским в 1902 г. было издано 2 тома перевода «Маснави» на османский язык. Экземпляры этого издания сохранились в Отделе национальных литератур РГБ Москвы [2; с. 94].

Не все места написанного на персидском языке «Маснави» Дж. Руми могли быть точно поняты его последователями в Крыму, потому естественна была потребность в комментариях к этому произведению. В коллекции Бахчисарайского музея имеется три османских комментария, точнее – их фрагмента. Первый представляет собой экземпляр последнего тома 4-томного стамбульского издания 1288 г.х. (1871/72) на турецком языке, принадлежащий известному османскому шейху суфийского братства байрамиие Сары Абдуллаху (1584 – 1660) (полное название произведения: «Джевахир-и бевахир-и Месневи»). Второй – экземпляр 2-го тома 6-томного стамбульского перевода на турецкий язык (полного) с комментарием (на первые 2 тома) известного османского государственного деятеля и публициста Абидина Паши (1843–1906). Полное название: «Терджюме ве Шерх-и Месневи-и шериф». Примечательно, что в Инвентарной книге 1938 года присутствуют тома со 2 по 6-ой. Третий комментарий принадлежит Али бин Ахмеду. Этот экземпляр представляет собой рукопись, датированную 1007 г. х. (1598/99). Абдульваапов указывает: «К началу XX века к “Месневи” было написано, по меньшей мере, 19 комментариев – на арабском, персидском и тюркских языках. <...> Обращает внимание, что шерх Али бин Ахмеда в известных нам списках комментариев к «Месневи» отсутствует. Возможно, в нашей коллекции

сохранился оригинальный список неизвестного в научных кругах комментария» [2; с. 94].

В Бахчисарайском музее представлены также литературные работы некоторых членов ордена мевлеви, творивших в Османской Турции, и труды которых были популярны и востребованы в Крыму. Прежде всего, стоит указать на «Мевлид» (1409) Сулеймана Челеби, повествующий о жизни пророка Мухаммеда. Вокруг «Мевлида» Челеби сформировалась целая группа сходных по тематике литературных произведений, условно объединяемых под названием «Мевлидский канон». Абдульваапов отмечает, что «Мевлидский канон» был чрезвычайно популярен в широких народных слоях, достигнув славы подлинно научной литературы [2; с. 95]. В Бахчисарайском музее хранится несколько рукописных списков и семь экземпляров печатных изданий «Мевлида» Сулеймана Челеби (ум. 1422).

ВЫВОД. На основании проведённого исследования можно сделать вывод, что учение и мировоззрение Джалаладдина Руми оказало заметное влияние на духовную жизнь в Крыму как в золотоордынский период, так и во время существования Крымского ханства. Орден мевлеви, состоящий из последователей философско-мистической доктрины Дж. Руми, стал одним из ведущих в Крыму и пользовался всемерной поддержкой правящих династий. Наибольшее количество последователей ордена находилось в Бахчисарае, меньше – Кёзлеве (Евпатории). В XIX веке ввиду вынужденного прекращения контактов с центром ордена мевлеви в Конье (Турция) усилился процесс слияния ордена мевлеви в Крыму с другими тарикатами, прежде всего – близкими к йасавийа, в результате чего сформировалась особая суфийская традиция в Крыму, известная как «саади», сохранявшая внешние признаки принадлежности к мевлеви. Текие дервишей этого ордена просуществовала в Крыму до середины XX века. В настоящее время предпринимаются успешные попытки восстановить отдельные текие в различных местах Крыма.

Литература:

1. Абдулаева Г. Святая обитель суфиев // Татарский мир. – 2009. – № 6. – С.16.

2. Абдульваапов Н. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае / Н. Абдульваапов // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57. – Т. 2. – С. 92–98.
3. Абдульваапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. – № 79. – 2006. – С. 140-149.
4. Абдульваапов Н. Суфизм в Крыму и крымскотатарская религиозно-суфийская литература: основные направления исследований / Н. Абдульваапов / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т.1. – Симферополь: КРИ “Издательство Крымчупедгиз”, 2011. – С. 135–158.
5. Абдульваапов Н.Р. Суфизм и крымскотатарская поэзия дивана // Ученые записки Таврического национального университета им. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь. – 2013. – Т. 26 (65). – № 1, ч. 1. – С. 231-240.
6. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное. – Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой / Общ. и научн. ред., предисл., коммент. И.Р. Гибадуллина. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 1044 с.
7. Бартольд В. В. Челеби // Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1968. – Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – 759 с.
8. Брилёв Д.В. Суфизм в Крыму под властью Российской империи / Брилёв Д.В. // Религиоведческие исследования = Researches in Religious Studies. – 2016. – №2. (14). – М., 2016. – С.61-86.
9. Загидуллин И. Институты суфизма в Крыму // Суфизм как социокультурное явление в российской умме: материалы Всероссийской научно-практической конференции, (Казань, 21 ноября 2006 г.). Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007.
10. Зайцев И.В. Ислам в Крыму в XIV-XVIII веках // 2015 / Золотоордынское обозрение. Казань. – № 2. – 2015. – С.103-128.
11. Ибн Баттута (пер. Гибба). – Travels of Ibn Battuta. Trad. H. A. R. Gibb, Vol.2. Hakluyt Society, 1962.

12. Иванов А.А. Надписи из Эски-Эрта /Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. – Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1989. – с.24-31.
13. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). – Симферополь: Дар, 1999. – 345 с.
14. Коцюбинский М. Под минаретами / М. Коцюбинский // Киевская старина. – 1905. – Т. 88. – Кн. 3. – 176 с.
15. Коцюбинський М. Твори в семи томах. Том 2. Повісті і оповідання (1897-1908). – К: Наукова думка, 1974.
16. Крамаровский М. Г. Крым и Рум в XIII-XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение, №1 / 2016, Казань, с.55-88.
17. Мамутова З.А. Рукописные книги XIII–XV веков по изучению основ ислама в фондах КРУ “Бахчисарайский историко-культурный заповедник” // Східний світ . – 2014. – № 1. – С. 48-54.
18. Миргалеев И.М. Золотоордынский богослов Абу Бакр Каландар // Сборник статей участников Международной конференции «Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения». – Казань, 27-28 мая 2014г., – С. 241-243.
19. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Издание 17-е. Одесса: Типография Э. Шмида (бывш. Шульце), 1908.
20. Москвич Г. Путеводитель по Крыму / Г. Москвич. – СПб., 1913. – 157 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1836. СПб, 1837, Т. 11, Отделение 1, С.133-134 (№ 8881).
22. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году милади Кравен. М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1795.
23. Резюме “Истории” Тохта Бая / Транскрипция и перевод на рус. яз. Н. Сейитяхья // Научный бюллетень (Орган НИЦ КГИПУ). – 2002. – № 2. – С. 3-8
24. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1941.
25. Руми Джалал ад-дин. Маснави-йи манави («Поэма о скрытом смысле»). Первый дафтар (байты 1-4003) – Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина, Ю. А. Иоаннесьяна, Б.В. Норика, А.А. Хисматулина, О.М. Ястребовой /

Общ., науч. редакция и указ. А.А. Хисматулина. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. – 448 с.

26. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Часть I. СПб.: Императорская типография, 1803.

27. Сухоруков А.Н. Персидский язык в Крыму до 20-го века / Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. – Казань, 2015. – с.139-167

28. Усеинов Т. Б. Религиозно-суфийская литература Крымского ханства // Культура народов Причерноморья. – 2001. – №26. – С.289-291

29. Шевляков М. Крымская Азия. Бахчисарайские впечатления // Исторический вестник. № 30. 1909. Т. 7.

30. Эмиров Р. С. Дервиши в духовной культуре крымских татар // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 199. – Т. 1. – С.90-91.

31. Ahmed Eflaki. Ariflerin menkibeleri. Farscadan ceviren: Tahsin Yazici / Ahmed Eflaki. – Istanbul, Kabalci yayinlari, 2012. – 813 s.

32. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battut Tanci Ibn Battuta seyahat namesi. Ceviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. – Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. – Cilt 1–2. – 1104 s.

ПЕРСИДСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Сухоруков Алексей Николаевич

Аннотация. В данной работе производится анализ процесса и результатов проникновения элементов персидского языка в крымскотатарский. Целью исследования является выявление персидских заимствований в лексике крымскотатарского языка. Материалом исследования послужил Крымскотатарско-русский словарь (37 000 слов и словосочетаний), составитель С.М. Усеинов. В качестве источника подтверждения персидской этимологии использовались толковые словари Моина, Деххода и Омида. В результате проведённой работы было выявлено более 450 лексических единиц персидского происхождения и множество их производных.

Ключевые слова: персидский язык, крымскотатарский язык, иранизмы, фарсизмы, лексикология, заимствования, Крым.

PERSIAN LEXIC BORROWINGS IN THE CRIMEAN-TATAR LANGUAGE: WAYS OF PERMISSION AND MODERN STATE

A.N. Sukhorukov

Abstract. In this paper, an analysis is made of the process and results of the penetration of the Persian language into the Crimean Tatar, thematic groups of Iranisms in the Crimean Tatar language are highlighted, which allows to establish the main areas of contact of the ancient population of Crimea and Persian speakers. The purpose of the study is to identify Persian borrowings in the vocabulary of the Crimean Tatar language, classify pharsisms, analyze their functioning and scope of use, study the processes occurring during morphological, phonetic and semantic devel-opment of Persian borrowings in the Crimean Tatar language, and determine the approximate time of their borrowing. The research material includes more than 450 lexical units and many of their derivatives, obtained by continuous sampling from the Crimean Tatar-Russian dictionary (37,000 words and word combinations), compiled by Useinov S.M. As a source of confirmation of the Persian etymology, Moin, Dekhkoda, and Omid dictionaries were used.

Key words: Persian, Crimean Tatar, Iranian, Farsish, lexicology, borrowing, Crimea.

Современный крымскотатарский язык (КТЯ) относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакских языков, хотя наличие большого числа огузских лексических, фонетических и морфологических элементов в южнобережном (ялыбойском) диалекте сближает его и с огузской группой.

На настоящий момент наиболее ценный вклад в изучение источников формирования лексики крымскотатарского языка и места персидского языка в этом процессе внёс профессор А. Меметов. Результатом его исследований стала диссертационная работа «Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке» (1974 г.) [5], отдельные положения которой нашли отображение на страницах фундаментальной работы «Лексикология крымскотатарского языка» (2000 г.) [4]. Исследования А. Меметова показали, что «помимо собственно тюркской лексической основы в крымскотатарском языке выделяется пласт иноязычных лексических заимствований, а именно арабских (18 %), русских (16 %), иранских (6 %), и около 1 % монгольских, греческих, итальянских и других» [3, с. 5].

Несмотря на относительно высокий процент иранизмов в современном крымскотатарском языке, вопрос о времени их появления в нём и обстоятельствах остаётся неизученным. Для решения этого вопроса мы обратились к сохранившимся памятникам крымскотатарского языка, прежде всего – словарю рубежа XIII–XIV веков «Кодекс Куманикус», а также отдельным историческим свидетельствам и запискам средневековых путешественников.

Долгое время распространённым было представление о том, что иранизмы в крымскотатарском языке являются реликтами архаичного лингвистического слоя, живыми памятниками языковой общности раннего населения Крыма (киммерийцев, тавров, скифов, сармат, алан и пр.) с другими древними иранскими народами. Однако, этому противоречит ряд аргументов, в том числе наличие в современном крымскотатарском языке многих лексем, общих с персидским языком, но проникшим в него лишь в

эпоху раннего средневековья, т.е. нехарактерных для базового слоя лексики предполагаемой языковой иранской общности, объединявшей древнее население Крыма и Ирана. Более того, некоторые авторитетные исследователи, прежде всего А. Меметов, подвергают критике саму идею принадлежности древнего населения Крыма к ареалу распространения иранских языков.

По нашему мнению, появление подавляющего большинства фарсизмов в КТЯ относится к концу XIII – началу XIV веков, когда в Крым была переселена достаточно большая общность высококультурного и образованного персоязычного населения (1800 шейхов-бабаи), о чём повествует Эвлия Челеби в своей «Книге путешествия» (« ... в 665 г. (1266/67) [Берке Хан] с восьмьюдесятью тысячами воинов направил лошадей из Крыма в Балх, Бухару, Туран, Чин-Мачин, Хата, Хатан, Фефгур и Туркестан и заставил подчиниться всех непокорных падишахов. И собрав около тысячи восьмисот учёных-шейхов (улама-йи баба), привёл их с почестями в остров Крым, построил всем учёным соборные мечети и медресе и из имущества газавата создал всем учёным семьи, сделав их обладателями супруг» [6, с. 7]). Несомненно, что на распространение персидского языка повлияла также активизация торговых отношений между Персией и Крымом (особенно во вт. пол. XIII-XIV вв.). Монгольская империя объединила огромные территории, в результате чего был возрождён Шёлковый путь, и Крымский полуостров стал промежуточной станцией между Китаем и Европой, также, как Бухара и Самарканд. С XV века в Крыму получает распространение персоязычная литература, в нескольких медресе изучается персидский язык, составляются двуязычные словари, пишутся литературные произведения.

Исследование составленного в Крыму (Кафа или Солхат/Кърым) «Словаря куманского языка», более известного как «Кодекс Куманикус», убедительно подтверждает, что уже в конце XIII века персидские заимствования прочно заняли своё место в лексике языка населения Крыма. Первая часть этого ценного исторического источника представляет собой латино-персидско-куманский (половецкий) словарь, включающий 1120

слов. Он составлен по тематическому признаку и отображает названия дней недели и месяцев, животных, растений, предметов быта, орудий труда и т. д.

В колонке «куманских» слов в данном словаре можно найти такие фарсизмы, как: *tu-šanbe* "понедельник", *se-šanbe* "вторник", *çaar-šanbe* "среда", *pan-šanbe* "четверг", *ayna* "пятница", *jahan* "мир, вселенная", *ša(h)ar* "город", *saray* "дворец", *şakar / şeker* "сахар", *armut* "груша", *şaftalu* "персик", *darçini* "корица", *nil* "индиго, синий", *brinç* "рис", *qondroq* "ладан, фимиам", *çaquç [çekç]* "молоток", *bazar* "базар, рынок", *bazargan* "купец, лавочник", *kisi* "мужчина, человек (вообще)", *şişe* "бутылка", *kilim* "ковёр, плед", *piyala* "кубок, пиала", *şadaf* "рута душистая", *işpanaq* "шпинат", *janavar* "зверь", *drust* "истинный, верный", *pil* "слон", *daru* "лекарство", *hergiz* "никогда", *jigar* "печень" и некоторые другие [8, с. 147].

Примечательно, что наибольший процент иранизмов наблюдается в разделе списка товаров, ремесленных изделий и названия профессий, имеющих к ним отношение, что может косвенно подтверждать предположение о важной роли торговых контактов при распространении персидского языка за пределами исторического Ирана.

Давуд Моншизаде, шведский учёный, иранец по происхождению, изучив персидскую часть словаря «Кодекс Куманикус», настаивает на том, что персидский язык сборника более связан с той формой, в какой он преподавался в школах Хорасана, нежели с центральной иранской (Исфаган) или южной (Шираз) школой [9, с. 19], что лишний раз свидетельствует о средневосточном источнике фарсизмов в КТЯ.

В XV–XVII веках в крымскотатарской литературе прослеживается тенденция к созданию особой поэтической речи. На уровне лексики поэтическая речь указанного периода характеризуется большим количеством фарсизмов и арабизмов, с помощью которых обогащались синонимические ресурсы, заполнялись отдельные пустоты в словарном составе. Прекрасные газели Ашик Омера, написанных на крымскотатарском языке, богаты фарсизмами и служат показателем высокого поэтического стиля. Подобная тенденция в то время была

характерна для всего Среднего Востока, включая и зону влияния Османской Турции. При этом литературный крымскотатарский язык, перенасыщенный персидской лексикой и фразеологией, оказался далёк от народного языка, далеко не все заимствования оказались восприняты живым крымскотатарским языком.

Подготовленные современными исследователями крымскотатарско-русские словари силлабической поэзии Ашыка Омера (составители А. Меметов, Т. Б. Усеинов; 2010 г.) [2] и Мустафы Джевхери (составители Т. Б. Усеинов, Л. В. Грицак; 2014 г.) [1] предоставляют богатый материал для исследователей крымскотатарского языка, интересующихся историей его развития. Особым достоинством указанных словарей является наличие указаний на язык - источник того или иного слова. Даже при поверхностном анализе словаря поэтической лексики крымскотатарского языка классического периода привлекает внимание значительное содержание лексических заимствований из персидского языка, а также обращение к характерным для персидской поэзии стилистическим приёмам.

Таким образом, резкий приток фарсизмов, зафиксированный на рубеже XIII–XIV веков, можно рассматривать как основной период обогащения крымскотатарского словаря лексикой персидского происхождения. Последовавший за этим период активной транзитной торговли, как и локальное и эпизодическое влияние персидской поэзии не столько обогатили крымскотатарский язык фарсизмами, сколько лишь закрепили проникшие ранее персидские заимствования.

Для определения места фарсизмов в современном крымскотатарском языке, нами был решён ряд задач. Прежде всего был определён материал для выявления фарсизмов. Учитывая, что наиболее полным лексикографическим описанием состава крымскотатарского языка является «Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь» 2014 года издания, составленный С. М. Усеиновым и включающий около 37 000 слов и словосочетаний [7], именно он был выбран в качестве основного материала для поиска и выявления иранизмов в крымскотатарском языке.

На этом этапе исследователь неизменно сталкивается с проблемой идентификации иранизмов. Несмотря на то, что в основной своей массе персидские слова определяются легко (по некоторым фонетическим особенностям и по специфической морфологической структуре, отражающей грамматические нормы персидского языка), тем не менее, иногда встречаются сложные и спорные случаи. Известно, что персидская лексика по этимологическому составу очень разнообразна. Наряду с исконно персидскими словами значительное место в ней занимают иноязычные заимствования. Для подтверждения достоверности иранской этимологии того или иного слова были использованы наиболее полные и авторитетные толковые и этимологические словари персидского языка, прежде всего - словари Моина, Деххода и Омида.

На следующем этапе была произведена выборка и подсчёт слов-лексем, имеющих явное иранское (персидское) происхождение. В основе подсчета производных слов из элементов разных языков мы руководствовались принципом, элемент из какого языка является словообразующим. Исходя из этого, устанавливалась принадлежность определенного слова к тому или иному языку.

В результате проведённой работы нами было выявлено более 450 лексических единиц персидского происхождения и множество их производных, в разной мере закрепившихся в составе крымскотатарского языка. Это как простая лексика бытового или сельскохозяйственного характера, так сложная по структуре и семантике научная лексика. Естественно было бы предположить, что значительная доля арабских слов в крымскотатарском языке также была привнесена посредством носителей персидского языка, т.к. в самом персидском языке арабские заимствования занимают не менее 50 (!) процентов. Примечательно, что в крымскотатарском языке практически не выявлены арабизмы, которые бы не входили в состав персидского языка.

В лексико-грамматическом плане крымскотатарские фарсизмы представляют следующие части речи:

1) существительные: арзу – желание, мечта (آرزو), дост – друг (دوست), гуль – роза (گل), пелит – дуб (بلوط), зердали – абрикос (زردآلو), боарь – весна (بهار), багъча – сад (باغچه), дере – долина, ущелье (دره), пирнич – рис (برنج), дут – шелковица (توت), хораз – петух (خروس), бульбуль – соловей (بلبل), базыргян – торговец (بازرگان), дерт – боль (درد), тава – сковородка (تاوه), пенджере – окно (پنجره), зынджыр – цепь (زنجير), афта – неделя (هفته); дюрбин – бинокль (دوربين), кермен – крепость (کرمان), кой – селение (کوی);

2) прилагательные: азат – свободный (آزاد), зийрек – смысленый (زیرک), назик – нежный (نازک), тазе – свежий (تازه), саде – простой (ساده), пак – чистый (پاک), бахтияр – счастливый, удачливый (بختیار), екяне – единый (یکانه).

3) Глаголы. Иранизмы глубоко приникли в крымскотатарский язык и стали основой для некоторых глаголов, в том числе: дестелемек (связывать в пучки; паковать), достлашмакъ (подружиться), зынджырламакъ (заковать в цепи; окружить цепью), атеш бермек (зажечь), бербат (برباد) этмек (разрушить, уничтожить);

4) наречия: берабер – вместе (برابر); гуя – подобно (گویا), кем – мало (کم); кёране – слепо, вслепую (کرانه), пияде – пешком (پیاده), десте-десте – связками, пучками (دسته دسته); бетер – хуже (بدتر), беш-бетер – ещё хуже (بیش بدتر), зарифане – изящно, элегантно (ظریفانه);

5) союзы: эгер – если (аگر), чюнки – потому что (چون که); гуя – будто бы, словно (گویا); ки – что, чтобы (Ойле чапа ки, артындан кимсе етамаз – «Он бегаёт так, что никто его не догонит») (که);

6) местоимения: эр кес – каждый (هر کس); ич – никто/ничто (هیچ);

7) предлоги: пеш – за, вслед за (пеш инден кетмек – идти вслед за ним) (پیش);

8) числительные: черик – одна четвертая (چهار یک);

9) междометия: аферин – молодец! (при демонстрации восхищения) (Афрین).

Персидские словообразующие элементы активно участвуют в образовании новых слов в крымскотатарском языке. Так, целый ряд новых

сложных слов образован при помощи фарсизмов «хане» (дом, помещение) и «наме» (письмо), например:

- хане: гумрюкхане (таможня), етимхане (приют для сирот), ибадетхане (храм, святилище), ишхане (предприятие), китапхане (библиотека), къабулхане (приёмная), берберхане (парикмахерская), къавехане (кофейня).

- наме: беяннаме (извещение; листовка), йылнаме (летопись, хроника), йылдызнаме (гороскоп), къанун-наме (кодекс, свод законов), веданаме (прощальное письмо).

При образовании новых слов широкое распространение получил также иранский аффикс -кар (کار) со значением «делающий». Он употреблён при образовании таких слов в крымскотатарском языке, как авескяр (увлекающийся, любитель), гунахкяр (грешник), диянеткяр (религиозный, набожный). Сходный по внешним признакам термин «санаткяр» صنعتگر (видный деятель искусства) образован от другого аффикса – «-гар».

Из префиксов персидского происхождения в КТЯ особенно продуктивна приставка «би-» (بی): бехабер – несведущий, незнающий (بیخبر), биваста – непосредственно, прямо (بیواسطه), биперва – бесстрашный, дерзкий, неустрашимый (بیپروا), битараф – нейтральный (بیطرف), бекар – холостяк, неженатый (بیکار).

В качестве примеров сложных слов с одной или двумя составными частями персидского происхождения в КТЯ можно указать следующие: абдест – ритуальное омовение (آبدست), аремзаде – незаконнорожденный (حرامزاده), элялзаде – законнорожденный (حلالزاده), вефадар – верный (وفادار), дарбедар – ударный (ضربه‌دار), диндар – верующий (دین‌دار), бештахта – прилавок (پیش‌تخته), бахчиван – садовник, садовод (باغچه‌بان), пейгамбер – пророк (پیغمبر), ватанпервер – патриот (وطن‌پرور), дельбер – красивый, прелестный (دلبر), гульдесте – букет (گل‌دسته).

В результате проведённой работы нами было выявлено более 450 лексических единиц персидского происхождения и множество их производных. В лексико-грамматическом плане крымскотатарские

иранизмы представляют следующие 9 частей речи (в порядке убывания в количественном измерении): существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, союзы, числительные, предлоги и междометия.

Резкий приток персидских лексических заимствований, зафиксированный на рубеже XIII–XIV веков, можно рассматривать как основной период обогащения крымскотатарского словаря лексикой персидского происхождения. Последовавший за этим период активной транзитной торговли, как и локальное и эпизодическое влияние персидской поэзии не столько обогатили крымскотатарский язык фарсизмами, сколько лишь закрепили проникшие ранее персидские заимствования.

Фарсизмы глубоко вошли в лексическую систему крымскотатарского языка и заняли там настолько прочное место, что стали участвовать в процессах развития семантики слов, входить в синонимические, антонимические и омонимические отношения как с исконными крымскотатарскими словами, так и с заимствованными из других языков.

Список источников

1. **Большой крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Мустафы Джевхери** [4300 единиц / Сост. Т.Б. Усеинов, Л.В. Грицак]. Симферополь: Крымучпедгиз, 2014. 192 с.
2. **Крымскотатарско-русский словарь силлабической поэзии Ашыка Омера** [3400 единиц / Сост. А. Меметов, Т.Б. Усеинов]. Симферополь: Крымучпедгиз, 2010. 130 с.
3. **Меметов А.** Источники формирования лексики крымскотатарского языка. Ташкент: Фан, 1988. 110 с.
4. **Меметов А. М.** Лексикология крымскотатарского языка. Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. 288 с.
5. **Меметов А. М.** Персидские заимствования в современном крымскотатарском языке: дис. ... к.филол.н. Ташкент, 1974. 178 с.
6. **Резюме «Истории» Тохта Бая** / Транскрипция и перевод на рус. яз. Н. Сейитяхья // Научный бюллетень (Орган НИЦ КГИПУ). 2002. № 2. С. 3-8.
7. **Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь** / Сост. С.М. Усеинов. Симферополь: Тезис, 2014. 640 с.

8. **Сухоруков А. Н.** Персидский язык в Крыму до 20-го века // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной иранистики. Материалы международной научно-практической конференции. Казань. 2015. С. 139-167.

9. **Monchi-Zadeh Davoud.** Das Persische im Codex Cumanicus // *Studia Indoeuropaea Upsaliensia*. Uppsala. 1969. № 1.; Sign.: V CA sl. № 5.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ФОНДА РУКОПИСНЫХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Сухоруков Алексей Николаевич

Цель. Целью исследования является определение состояния и перспектив изучения арабографических материалов Фонда рукописных и старопечатных книг Бахчисарайского музея-заповедника

Введение. Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (БИКАМЗ) располагает ценной коллекцией письменных памятников XIII-XIX веков, значительная часть которых представлена арабографическими источниками. К арабографическим источникам БИКАМЗ относятся произведения на арабском, персидском, староосманском (турецком) языках, а также на крымскотатарском языке для источников до 1928 года, когда официально был предпринят переход на латинскую графику. Арабографические материалы БИКАМЗ наряду с некоторыми материалами на других языках составляют Фонд рукописных и старопечатных книг БИКАМЗ.

В 1922 году фонды музея включали 30 старинных печатных книг и 62 рукописи [3, с. 198]. Значительная часть интересующей нас арабографической литературы Фонда рукописных и старопечатных книг представлена поступлениями из расформированного в 1923 году Зынджырлы-медресе – высшего духовного училища. В числе поступлений указаны: «1. Рукописных книг – 115 экз[емпляров]. 2. Печатных книг, имеющих историко-библиограф[ическую] ценн[ость] – 75 экз[емпляров]. 3. Рукописных альбомов (каллиграфических) – 8. Отдельных рукописей – 11» [2, с. 7]. Книжный фонд музея продолжал пополняться, преимущественно, за счёт скупки ценностей у населения, и в конце 1927 года включал уже около 700 рукописных и старопечатных книг на арабице XIII–XVIII веков [Эми, с. 206]

В 1932 году книжный фонд научной библиотеки Ханского дворца насчитывал 2500 экземпляров, значительную их часть составляли рукописи и старопечатные книги. После 1936 года фонд пополнился ценными поступлениями из прекративших свою деятельность мусульманских религиозных учреждений, прежде всего из Хан-Джами Бахчисарая (Большая ханская мечеть) и Хан-Джами Евпатории. Отдельные экземпляры поступили из частных коллекций, в т.ч. из имени князей Юсуповых в деревне Коккозы и экземпляров, приобретённых в ходе нескольких этнографических экспедиций. Ещё в довоенный период в Бахчисарайский музей были переданы часть экспонатов Восточного музея из Ялты и Центрального музея Тавриды из Симферополя. К сожалению, в настоящее время в Фонде рукописных и старопечатных книг представлены далеко не все арабографические литературные памятники, зафиксированные в прошлом в инвентарных книгах. Большие потери Бахчисарайский музей понёс в годы Второй мировой войны, кроме того, часть коллекции была передана в другие библиотеки и музеи по всему СССР. Так, только Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская Национальная библиотека, г. Санкт-Петербург) в 1976 г. из фондов Бахчисарайского историко-археологического музея было передано около 400 рукописных и старопечатных книг [1, с. 93].

В настоящее время Фонд рукописных и старопечатных книг БИКАМЗ включает почти восемьсот единиц, из которых около трёхсот являются рукописями. Самые ранние из них датируются XIII веком. Основная тематика рукописей в той или иной мере связана с исламом – это более тридцати рукописных Коранов, толкования Корана, сборники хадисов и сочинения по различным правовым вопросам. Кроме того, привлекает внимание обилие материалов по арабскому языкознанию, рукописи по астрономии, истории, медицине, немало собраний стихов и комментариев к ним.

В июле-августе 2019 года нами была предпринята попытка предварительного ознакомления с арабографическими материалами Фонда

рукописных и старопечатных книг БИКАМЗ с целью определения перспектив дальнейшего их изучения.

Результаты исследований. После ознакомления с каталогом Фонда рукописных и старопечатных книг БИКАМЗ, было отобрано 95 единиц, обследовано 59, остальные (36) находились в это время на реставрации или были представлены на действующих экспозициях музея.

Большинство экспонатов Фонда имеют относительно полную характеристику, однако нередки случаи лишь общей формулировки, не раскрывающей его сути, например: «Книга. Рукопись, выполнена восточной вязью, в кожаном тиснёном переплёте, текст написан чёрной тушью, отдельные предложения красной тушью» (инв. № 45). «Книга рукописная, написана восточной вязью (на арабском языке). Часть листов светло-голубого цвета. Текст написан красной тушью, текст заключён в рамку красной тушью, в твёрдом переплёте с козырьком, на полях арабские надписи, переплёт оклеен цветной бумагой» (инв. №36). То есть в характеристике экспоната зачастую отсутствует наименование рукописи, указание на автора или переписчика, год и тем более место переписки. При этом хорошо описаны внешние характеристики экспонатов, например: «Книга рукописная в кожаном переплёте, с козырьком и тиснением, на 1-й странице арабские надписи, 2-5 чистые, на 6-й оттиск султанской печати с надписью, на 7-й странице от конца оттиск ханской печати. Текст написан восточной вязью чёрной тушью, отдельные предложения отличены красной тушью и заключены в двойную рамку красной тушью, на полях надписи» (инв. № 16).

К сожалению, некоторые характеристики экспонатов при их изучении оказались некорректными. Ряд экспонатов, заявленных как составленные на арабском языке, в действительности оказались персоязычными. Так, «Рукопись на арабском языке» (инв. № 1) представляет собою перевод на персидский язык трактата по астрономии Насираддина Туси «Си фасл», другая рукопись – «Книга “Китаб ал-Масбах”, год издания 1189 х., на арабском языке ...» является собранием хадисов на персидском языке «حديث اربعين» («Сорок хадисов») нравственного характера (собрал и записал

– Мухаммад б. Мухаммад б. Али аль-Хазими аль-Ферай) (инв. № 14). Стоит отметить, что в находящейся внутри книги, но не в каталоге, дополнительной карточке на турецком языке сделаны пометки: «Kirk Hadis / Hadis kitabı», что свидетельствует о выявленном ранее несоответствии турецкими исследователями, хотя они и не указали на персидский язык рукописи. Безымянная рукопись «Книга. Сборник стихов. На персидском и арабском языках» оказалась списком 1550 года со всемирно известного «Гулистана» Саади (инв. № 473). Неидентифицированным оказался также «Гулистан», опубликованный в самом Бахчисарае И. Гаспринским в 1911 году (инв. № 403).

В то же время несколько рукописей и старопечатных книг, отмеченных, как написанные на персидском языке, оказались либо татароязычными (инв. №№ 385 и 390), либо арабоязычными, как рукопись научного содержания, заявленная в каталоге как «Книга “Гадания”». На персидском языке. Подарена в 1878 г. Хаджи Абдулле» (инв. № 618). Точно такое же описание (!), отличающееся лишь некоторыми внешними признаками, дано, как ни странно, совершенно другой книге (инв. № 407), так же никак не связанной с персидским языком. Некорректные записи в инвентарных карточках связаны не только с персоязычными материалами. Тюркоязычными оказались рукопись 1193 г.х. (1778-79) и комментарии к «Маснави» Дж. Руми 1288 г.х. (1870-1871), заявленные как арабоязычные. Один из самых старых экспонатов бахчисарайского фонда – рукопись Махмуда аз-Замахшари (653 г.х. = 1255/56 г.) определена как «Лисан (язык)», в то время, как в действительности является частью знаменитого комментария к Корану этого среднеазиатского учёного. Его «Комментарий», по мнению специалистов, отличается склонностью к филологическому толкованию текста Корана, что, видимо, и ввело в заблуждение прежних исследователей.

Указанные несоответствия, хотя и представляют собою скорее исключение из правила, тем не менее, свидетельствуют о недостаточной изученности фондов и, что не исключено — возможности обнаружения материалов, которые помогут прояснить некоторые обстоятельства

прошлого Крымского полуострова и его места научной и культурной жизни исламского мира.

В заключение хотел бы выразить благодарность главному хранителю музейных предметов БИКАМЗ О. Н. Алпашкиной и её сотрудникам, а также Джаваду Шабанимофрад (Иран), проф. Меметову А., Алимову А.Н. и Магаметову А. Р. (преподавателям факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии), которые оказали неоценимую помощь в данном исследовании.

Библиографический список

1. Абдульвапов Н. Художественные произведения религиозно-суфийского содержания в собрании рукописных и старопечатных книг Ханского дворца-музея в Бахчисарае // Культура народов Причерноморья. — 2005. — № 57, Т. 2. — С. 92-98.
2. Фонды Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). Кп 9569–386.
3. Эминов Р. История формирования коллекций Государственного Дворца и Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (1922–1944). — Крымское историческое обозрение № 1. 2016. – С.194-215

Для заметок

Научное издание

**Меметов А.М., Меметов И.А.,
Усеинов Т.Б., Сухоруков А.Н.**

**РАЗВИТИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КРЫМУ
(XI - НАЧАЛО XX ВЕКА)**

в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10,46. Тираж 300 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru